

А. ЗАСЛАВСКАЯ

**МИФЫ
И
РЕАЛЬНОСТЬ**

СТРАНИЦЫ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Рига, 2008

UDK 94(100) (=411.16)
3-362

Книга в живой, популярной форме обращается к основным периодам и событиям в судьбе еврейского народа, полемизируя с антисемитскими взглядами, напоминает о трагических уроках истории.

Иллюстрация на обложке: Микеланджело
Буонарроти. Пророк Иеремия. Фрагмент росписи
плафона Сикстинской капеллы. 1511 г.

ISBN 978-9984-803-02-9
© А. Заславская
Рига, 2008

*Моим дорогим и любимым
детям и внукам
посвящаю.*

"История никогда не начерчивала на своих страницах вопроса более тяжёлого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский... нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человеком человека... Можно ли представить себе мучительство более безумное, более бессовестное?..."

М. Е. Салтыков. - Щедрин.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Узкая полоска вдоль восточного побережья Средиземного моря в виде полумесяца. Это была земля, текущая молоком и мёдом, если под мёдом подразумевать сладкий сок финиковых плодов, которые выращивали хананеи, заселявшие этот край.

Говард Фаст так описывает Ханаан: “Ветер был полон ароматом сосен и кедров. Журчали ручьи, били источники ледяной воды, бесчисленные пруды кишели пресноводной рыбой. Фруктовые сады, рощи оливковых, фиговых, гранатовых, миндальных, лимонных деревьев, виноградники по склонам холмов, золотые злаки на равнинах, стада овец в горах...это была одна из самых богатых и плодородных земель во всём древнем мире”.

Страна всегда привлекала воинственных завоевателей. Каких только иноземцев не было здесь! Ассирия и Вавилон, Египет и Персия, Греция и Рим сменяли друг друга. И каждая война, каждая битва, каждое сражение, происходившее здесь, наносило земле тяжёлый урон.

Вырубались деревья, корни уже не удерживали почву, обнажая холмы. Плодородный слой сползал, преграждая путь рекам, на смену которым появлялись ядовитые, гниlostные болота. Зелёные луга уступали место безжизненной, безводной пустыне.

Такой получил эту землю современный Израиль.

Французский писатель Пьер Лоти, посетивший Палестину на рубеже 19-20 веков, писал: “Есть что-то окончательное в тяготеющей над всей Святой землёй меланхолии заброшенности, что-то обречённое длиться вечно”.

Красиво сказано. Однако поэтичная тирада принадлежит человеку, втайне желающему, чтобы вечно длилась эта “меланхолия заброшенности”, чтобы угрюмое молчание выжженной пустыни не было разбужено людскими голосами и звуками машин, возвращающими к жизни это царство запустения.

Недоброжелателю трудно было представить, что может быть иначе. Да и в самом деле, можно ли за десятилетия вернуть то, что губили веками? И всё-таки искусственно орошённые плантации деревьев дают сегодня три урожая в год. Зелёный цвет растений всё больше вытесняет жёлтый безжизненный покров сожжённой жгучим

солнцем пустыни. Жизнь возвратилась сюда. Её воскресил маленький народ маленькой страны, мужественный и стойкий, живущий во враждебном окружении, в обстановке непрекращающейся войны.

Данная книга – это размышления об истории, жизни, муках и любви этого странного еврейского народа, который всегда вызывал, как, впрочем, вызывает и теперь, у мира удивление своей непохожестью, своей стойкостью, непонятной, такой поразительной, неизвестно откуда взявшейся талантливостью, вплетённой в мрачный рисунок чудовищных испытаний.

Эта книга - в значительной степени и полемика с антисемитизмом, который, как тень (сравнение принадлежит Илье Эренбургу), неизменно следует за еврейским народом, принося страдания и отравляя его существование слепой, неиссякаемой ненавистью.

АВРААМ

Авраам, прародитель евреев, пришёл в Ханаанскую землю не из пустыни, с её грозными и отчаянно храбрыми кочевниками, вождельно посматривающими на плодородную долину соседнего Ханаана, - его путь протянулся из далёкого города Ур, столицы одной из древних месопотамских цивилизаций, славной своими дворцами, ремёслами и культурой. Здесь была своя письменность, уже не иероглифы, а более совершенная – клинопись. Астрономы страны изучали ночное небо и размышляли над вопросом о влиянии небесной стихии на Землю. Император Хаммурапи создал здесь самый демократичный для того времени свод законов.

Так что за спиной Авраама, проделавшего путь почти в 900 километров, была передовая для того времени культура. Таково старинное предание о происхождении первого еврейского патриарха.

Путь его и по нынешним меркам был не близок, а ведь он шёл не один и не как странник с посохом в руках и сумой за плечами.

Вот как этого библейского героя представляет историк Сесиль Рот: “Перед нами образ полного достоинства шейха, кочующего по Палестине с севера на юг с женой и наложницами, со стадами и шатрами”. Как мы видим, не в поисках счастья, словно некий бездомный дервиш, пришёл сюда Авраам.

Зачем же проделал столь далёкий путь этот благополучный шейх, у которого, по свидетельству древнего источника, было 318 рождённых в доме, хорошо обученных слуг?

По словам историка, “Авраам оставил свою страну с искоркой чего-то возвышенного в душе и в надежде достичь большего духовного совершенства”.

Это желание пришло к нему после встречи с Богом, который, явившись Аврааму, сказал: “Пойди из земли своей в землю, которую я укажу тебе, и произведу из тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твоё, и будешь ты в благословении”.

Иначе говоря, в душе Авраама поселилась мысль о служении единому, всемогущему Богу (вместо языческого многобожия) и о народе, которому он, Авраам, даст начало.

Земля, на которую Бог указал Аврааму, был Ханаан. И когда Авраам

пришёл туда, Бог снова явился ему и объяснил, что эта земля будет дана его потомкам в вечное владение, но дар этот они получают только спустя 400 лет, после того как пройдут через египетское рабство.

Единственное обязательство, которое потребовал Бог от Авраама, состояло в обрезании крайней плоти у мужчин. Оно всегда будет напоминать евреям, что они кровно связаны с Богом, находятся под покровительством Бога и зависят от него. Таково было неременное условие договора со Всевышним, как повествует об этом Библия. “Сие будет знамением завета между мной и вами”, - объясняет Бог Аврааму.

Писатель М.Даймонт предлагает взглянуть на это событие, описанное в Библии, с точки зрения психоанализа. Вполне возможно, рассуждает он, что Авраам, озабоченный будущим своих потомков, внушил себе мысль о союзе с Богом. Но существенно важно не то, произошло ли это на самом деле, а то, что и поныне, спустя четыре тысячи лет, идея союза между Богом Яхве и евреями продолжает существовать в сознании многих людей.

Таково мнение автора одной из лучших книг по еврейской истории.

Наверно, не надо объяснять современному читателю, какое влияние оказала Библия, созданная евреями, на сознание человечества. Идея, овладевшая массой, как сказал классик марксизма, становится материальной силой. Поистине материальной силой, движущей историю, стала Библия, предвосхитившая ряд идей на много веков вперёд и определившая судьбоносные события в истории евреев и в истории мира.

Что касается известного обряда, то М. Даймонт замечает: после того как в течение многих веков обрезание служило неиссякаемым источником шуток и издёвок над евреями, в недавнее время оно признано частью врачей операцией, достойной всяческого уважения, так как имеет важное гигиеническое значение. По совету врачей, говорит М. Даймонт, образованные люди во всём мире обрезают крайнюю плоть своим детям.

Трудно сказать, насколько справедливо это замечание об “образованных людях во всём мире”, которые являются сторонниками данной операции, но несомненно, что в условиях безводной жаркой пустыни в глубокой древности операция эта служила профилактикой от

заражения бактериями. Как известно, ею пользуются не только евреи, но и ряд других народов, в основном живших или живущих и поныне в пустынной, жаркой, безводной местности.

Итак Авраам приходит в Ханаан. Здесь он будет пришелец и поселенец, не старожил, а только поселенец, - даже после того, как проживёт на ханаанской земле много лет, пустит здесь свои корни, купит землю с пещерой, в которой схоронит свою почившую жену Сарру.

Собственная пещера – важный символ, ибо наличие клочка своей земли и могил своих близких давало человеку в древности право считаться исконным жителем страны. Для Авраама это было очень важно, ведь даже его национальное название свидетельствует о том, что Авраам – чужеземец, “пришелец”. По мнению учёных, слово еврей означает “пришедший из-за реки”, а наш герой пришёл из-за Евфрата. По мнению других учёных, слово “еврей” произошло от “хибару” - “живущие вне города”, “бродяги”. Бог тоже напомнит своим избранникам, что они здесь пришлые. Он скажет: “Вы пришельцы и поселенцы у меня”. Религиозные учёные трактуют эти слова таким образом: Бог хотел указать евреям, что земля принадлежит ему, Богу, а люди на ней только пришельцы.

В таком же духе богословы трактуют и эпизод, связанный с несостоявшимся жертвоприношением Авраама. Это развитие мотива об универсальном праве Бога на всё, созданное им на Земле, и, в связи с этим, о покорности евреев в лице Авраама Богу. Покорности даже тогда, когда Бог требует от Авраама невозможного - его возлюбленное чадо, единственного и любимого сына.

Как бы ни страдал Авраам, он не может ослушаться Бога. Он заносит над юным Исааком нож, но ангел останавливает его руку.

*Жертвоприношение Исаака
Худ. Рембрандт*

Жертвоприношения не произошло. Бог испытал Авраама, демонстрируя таким образом своё право на всё, что он создал. Ведь Исаак- это Божий дар Аврааму. Авраам родил сына, будучи совсем пожилым, как и его жена Сарра, уже не надеясь на это. Он получил сына от Бога. И Бог вправе распорядиться своим даром. Этим эпизодом, по мнению еврейских богословов, Библия напоминает об универсальном праве Яхве на всё сущее.

То же касается и земли, полученной евреями. Она принадлежит Богу, но Бог даровал её евреям. И теперь - это их земля, их дом, их обетованный уголок в мире. И евреи, рассеянные по всему миру, всегда это помнили, даже формально утратив на неё право. Находясь за много тысяч вёрст от неё, расставаясь, они говорили друг другу: “В следующем году в Иерусалиме”.

ЕВРЕИ ЗНАЛИ: ЗЕМЛЯ, ДАННАЯ ИМ БОГОМ, –
ЕДИНСТВЕННОЕ МЕСТО, ГДЕ ОНИ МОГУТ ЖИТЬ,
ТРУДИТЬСЯ, БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ.

Это чувство никогда не покидало евреев, и никто никогда не мог выбить из их сознания мысль о праве на землю, полученную от Бога.

Нередко христианские антисемиты утверждали, что евреям не нужна своя земля, что они, как перекати-поле, привыкли жить за счёт благ, которые получают в чужих странах, но вот это неумиряющее “В следующем году в Иерусалиме”, повторяемое, как заклинание, изо дня в день на протяжении тысячелетий, свидетельствовало об обратном- о неизбывной мечте по своей потерянной родине и о надежде на будущую встречу с ней.

МОИСЕЙ

Моисей – самый почитаемый, самый значительный герой еврейской истории. Он явился исполнителем Божьего промысла, он привёл евреев на их землю, он дал евреям закон, который управлял их жизнью и спасал их в течение веков в самые страшные времена их истории.

Нужно ли напоминать историю жизни Моисея? Скажем о ней для тех, кто не знаком с библейским повествованием.

Удивительный человек должен иметь удивительную историю жизни. Необыкновенные события сопутствовали Моисею с младенческого возраста.

Когда египетский фараон, убоявшись того, что евреи, хотя и в рабском положении, ухитряются численно расти и, размножась, могут стать угрозой для египетского государства, приказал убивать всех родившихся еврейских младенцев мужского пола, мать Моисея придумала способ, как спасти своё новорожденное дитя.

Сплетя корзину из тростника и промазав её так, чтоб она не пропускала воду, женщина положила в неё своего трёхмесячного младенца и поручила старшей дочери отнести корзину на берег реки и, спрятавшись в кустах, проследить за её дальнейшей судьбой. И надо было случиться, что дочь фараона пришла в это время купаться в реке и увидела корзину с прелестным ребёнком, которого она отнесла в свой дворец. С этого времени Моисей рос и воспитывался при дворе, как принц, получив прекрасное образование. Но в душе он оставался евреем, который глубоко сочувствовал своему народу, стонущему под непомерным гнѐтом фараона.

Часто спрашивают: откуда Моисей мог научиться еврейскому языку? Откуда у него, воспитанного, как египтянин, при дворе

Моисей со скрижалями

фараона, могло быть это чувство связи с еврейским народом? Не выдумка ли вся его история? В частности так рассуждали определённые представители немецких учёных середины 19 века, которые критиковали и отрицали Библию с юдофобских позиций.

Нет сомнения, что в библейской истории Моисея нашли отражение легенды и еврейского и других народов, и мы, конечно, вправе сомневаться в истинности библейского сказания (подробнее об историзме центрального библейского персонажа будет сказано ниже), но есть и объяснение, которое может служить ответом на указанные вопросы.

Как повествует Библия, мать Моисея нанялась служанкой во дворец фараона, она стала кормилицей и няней собственного сына и, всегда оставаясь при дворе, могла оказывать на Моисея соответствующее влияние.

Именно мать могла внушить юному Моисею мысль о его кровной связи с еврейским народом и воспитать в нём сочувствие к порабощённым братьям.

Всё это наблюдает Моисей. Однажды в гневе он убивает насмотрщика, который жестоко обошёлся с евреем-рабом, после чего вынужден бежать в пустыню, где ведёт жизнь простого пастуха. Там он женится. В пустыне происходит его встреча с Богом, явившимся в неопалимой купине — горящем, но не сгорающем терновом кусте. Бог вручает Моисею судьбу его народа.

Почему именно Моисею? Но Моисей уже проявил самоотверженность, когда, не думая о себе, вступился за обиженного. Значит ему можно доверить большое дело. И Бог поручает Моисею вывести евреев из рабства в

Явление Моисею ангела в горящем терновом кусте

свободную страну.

С этого времени Моисей становится вождём, посвятившим себя народу. Он ведёт народ к свободе.

Непростой это путь. Не сразу люди верят ему и идут за ним. Хотя они изнемогают от рабского труда и бесправия, но к такой жизни они привыкли, а то, к чему призывает их Моисей, так ново, рискованно и страшно. Что ожидает их впереди? Где та обетованная страна, куда зовёт их Моисей? И разве выпустят их из плена? Но исполненный веры Моисей убеждает измученных людей, что не жалкими рабами они родились, а свободными людьми создал их Бог, и свободу они должны добыть своей волей. Есть она, обетованная земля, есть! Бог обещал её евреям. Но к ней ведёт нелёгкий путь, и евреи должны его пройти, какие бы препятствия ни стояли на этом пути. Бог с ними. Он им поможет.

И люди начинают верить Моисею. Они уже готовы следовать за ним, но фараон не желает расстаться с теми, кто работает на него. Его сердце, не ведающее жалости, ожесточается ещё больше, и он приказывает дать евреям ещё более тяжёлую работу.

Люди обвиняют Моисея, что из-за него их положение стало ещё горше, и тогда на помощь Моисею приходит Бог. Он насыляет на Египет десять ужасных казней, одну хуже другой, чтобы “великим ужасом, знамениями и чудесами” заставить фараона уступить. Вода в реках Египта превращается в кровь; полчища жаб наступают со всех сторон; пёсьи мухи, от которых нет спасенья, осаждают людей; скот поражается моровой язвой; люди и скот покрываются гноящимися нарывами; град обрушивается на страну и убивает посевы, скот и людей; саранча тучей налетает на поля и города; тьма закрывает солнце и окутывает землю.

Зачем столько казней? Ведь кажется, достаточно одной, чтобы фараон уступил? Быть может, перед лицом грядущих испытаний Библия хочет преуготовить евреев, закалить их?

Так или иначе, но фараон упорен. Порой он как будто сдаётся, но тотчас же изменяет своему слову. И тогда еврейский Бог прибегает к последней, самой страшной казни.

Моисей предупреждает фараона: если он не выпустит из страны своих рабов-евреев, все первенцы египтян и первородные детёныши скота погибнут. И когда эта последняя казнь начинает совершаться,

фараон призывает Моисея и его брата Аарона и повелевает им вместе со своим народом убираться из его страны.

Не успев испечь хлеб, евреи в спешке берут с собой в дорогу только опресноки – лепёшки, состоящие из одной муки и воды. Отсюда пошёл обычай – употреблять в память об этом событии мацу, которая состоит только из муки, замешанной на воде.

Никакой крови, которая по злобному мифу – ложному навету антисемитов, – якобы замешана в мацу, в ней нет. О ней и речи не может быть, если исходить из строжайших запретов, касающихся крови, в еврейских религиозных законах, о чём будет сказано впереди.

Но продолжим рассказ. Евреи устремляются из страны. Фараон же, опомнившись и пожалев о своём решении, направляется со своим войском в погоню. И тут еврейским беглецам дорогу преграждает море, и они останавливаются в страшной растерянности. Идти некуда. Впереди море, позади враги. Их ждёт неминуемая гибель. Кто виноват? Конечно, Моисей. Это он завёл их в такую ловушку. Они ропщут и готовы обрушить гнев на своего вождя. Но Моисей поднимает посох – и море расступается. Когда же фараон со своим войском пытается их настигнуть, море, пропустив евреев, снова смыкается и накрывает египтян, которые погибают вместе со своим фараоном. Так рассказывает Библия.

Многое пришлось пережить евреям, пока они не пришли в страну, обещанную им Богом. Был голод, но манна небесная накормила их. У горы Синай дрожала земля, огонь подымался к небу, густое чёрное облако окутало всё вокруг. С современной точки зрения, похоже на извержение вулкана. Не так ли? Из горы извергалось пламя.

Здесь Бог призвал Моисея и вручил ему скрижали Завета –свод законов – Тору – самую святую книгу евреев и христиан. Христиане назвали её Библией, или Ветхим заветом, присовокупив к ней новую Библию –Евангелие.

После выхода из Египта были сорок лет блужданий евреев по пустыне, пока не выросло новое поколение людей, свободных от рабской психологии отцов. Было завоевание Ханаана, когда уже не Моисей, а Иисус Навин вёл свой народ по пути военного противостояния местному населению.

История живого Моисея закончилась у преддверия Святой земли.

Но продолжалась и, наверно, не закончится никогда история его учения.

Был ли такой Моисей? Реальная ли это личность? И был ли Исход?

Споры на эту тему велись неоднократно, то вспыхивая с новым энтузиазмом, то затухая.

Решительными противниками истинности Моисея и всей истории исхода евреев из Египта были представители уже упомянутой антисемитски настроенной группы германских историков середины 19 века во главе с Вельхаузенем, о которых Пол Джонсон пишет: “Утверждение Вельхаузена и его школы, что Моисей есть продукт позднейшего творчества, а свод его заповедей- изобретение неких жрецов после Изгнания во второй половине первого тысячелетия до н.э.,...есть не что иное, как скептицизм, доведенный до фанатизма, и насилие над летописью человечества”.

Сторонники исторического взгляда на библейские сказания указывали, что известно не мало случаев переселения древних народов в Египет и покорения их фараонами. Своё мнение они аргументировали тем, что писание точно указывает названия египетских городов – Пит и Рамсес, где на стройке работали евреи. Кроме того, в древнем, так называемом Лейденском папирусе, отражающем период правления Рамсеса 2-го, содержится свидетельство о приказе фараона раздать хлеб воинам и хабиру (то есть евреям), которые “доставляют камни для великого столпа Рамсеса”. Это ли не доказательство, что евреев – рабов действительно использовали египетские фараоны?

Подтверждением истинности Исхода считают также надпись на триумфальной стеле Мернептаха, где говорится о победе фараона над израилем в 1220 году до н. э. Причём слово “израиль” отмечено иероглифом, обозначающим не государство, а народ. Таким образом можно предположить, что столкновение фараона с евреями произошло тогда, когда евреи ещё не представляли собой государства, то есть в период их исхода из Египта. Стела говорит о победе египтян, хотя известно, что фараоны и свои поражения иногда помечали как победы: потомки не разберутся. Но в данном случае важно другое: значит вооружённая стычка египтян с евреями действительно имела место, и как раз в то время, к которому относят Исход, произошедший, очевидно, не при Рамсесе 2 –ом, а при его сыне Мернептахе.

Пол Джонсон, автор глубокого, на наш взгляд, непревзойдённого исследования “История евреев”, к которому мы ещё не раз будем обращаться, отмечает: “Выдумать Моисея, - задача, непосильная для человеческого ума. Мощь его личности буквально насыщает страницы библейского повествования”.

Истинность Моисея утверждает и Говард Фаст . Он пишет: “В больших библиотеках Египта, особенно в Александрийской, имелись обширные материалы о Моисее. Впоследствии все эти библиотеки были разрушены, и потому, имея ссылки на книги о Моисее, ни одной из этих книг увидеть мы не можем”.

Приведём ещё одно пространное замечание Пола Джонсона о Моисее, которое должно свидетельствовать об историзме этой личности. “Греки почитают его наравне со своими богами и героями, его заслугой считают изобретение еврейской письменности, которая была предшественницей греческой. Эвполем называет его первым мудрецом в истории человечества. Артапан ставил ему в заслугу организацию египетской государственной системы и изобретение различных боевых и промышленных механизмов. По мнению Аристовула, Гомер и Гесиод черпали своё вдохновение из его произведений. Многие древние авторы считали, что человечество в целом, и греческая цивилизация в особенности, многим обязана его идеям... Древние авторы были не просто убеждены в существовании Моисея, но и считали его одним из тех, кто формировал ход всемирной истории”. Таковы аргументы историка.

Мы сократили перечень добрых деяний, приписываемых Моисею и упоминаемых современным писателем, но и приведенных достаточно, чтобы судить о масштабе этой личности. Примем за исходное, что личность этого центрального библейского персонажа действительно историческая . Дополним данный посыл размышлением другого видного учёного по поводу повествования в Библии об Исходе. “Никакой народ, - считает он,- не создал бы вымышленного предания о пребывании в рабстве на заре своей истории”. С ним перекликается русский учёный Струве: “Народная традиция естественно стремилась всегда приукрасить свою историю, поэтому нельзя предположить, что евреи изменили этой традиции свободного народа, рисуя своё унижительное рабство и притеснения в египетском плену”.

В библейском повествовании о жизни еврейского законотворца, конечно, как мы уже сказали, много от легенд и сказаний, но важно, что

БОЛЬШИНСТВО УЧЁНЫХ СХОДЯТСЯ НА МЫСЛИ ОБ ИСТОРИЗМЕ ЛИЧНОСТИ МОИСЕЯ.

Каким он был, этот самый почитаемый, самый великий в еврейской истории вождь и человек? Каким видится он нам, живущим в современном мире?

Приведу ещё одну пространную выдержку, характеризующую Моисея, из цитированной выше книги. “Он пророк и вождь; человек решительного действия и необыкновенной внешности, способный на страшный гнев и безжалостную решимость; но, кроме того, он и человек в высшей степени духовный ...скорее он олицетворял собой активную духовную силу, ненавидел несправедливость, горячо стремился осуществить свою утопию...При всём величии, Моисей никоим образом не был сверхчеловеком,... он предстаёт перед нами колеблющимся и неуверенным до трусости, с ошибками и заблуждениями, да и просто глупостями. Он временами раздражителен и, что ещё более замечательно, сам с горечью сознаёт свои недостатки...И ещё больше потрясает образ Моисея как одинокого, отчаявшегося и обессиленного человека, согнувшегося под грузом ноши, которую он неохотно взвалил на себя...Для Моисея, как он изображён в Библии, характерна вызывающая симпатию смесь героического и человеческого. Представляется вполне правдоподобным старинное предание, согласно которому, Аарон пользовался намного большей популярностью, чем его великий брат: когда Аарон умер, рыдали все; Моисея же оплакивала лишь мужская половина”.

Каковы, по Библии, отношения Моисея с Богом? Он единственный, кого Бог допускает к себе. Однако, несмотря на всё своё почитание Всевышнего, Моисей не раз является перед ним как защитник своего неразумного племени, которое Бог готов покарать за непослушание. “Зачем же ты вывел свой народ из плена? – смело укоряет он Яхве.- Чтобы люди, живущие в той земле, откуда ты вывел нас, сказали: “Господь вывел их, чтобы умертвить в пустыне?”

Как искренне и человечно звучит это! Укор Моисея заставляет Бога умирить свой гнев, и теперь уже Бог успокаивает Моисея, обещая дать ему новые скрижали взамен разбитых Моисеем в гневе на непослушных собратьев.

Нет, это не богатырь и не величественный непререкаемый глава, стоящий над всеми, как изображены вожди в эпосах других народов. Он может выслушать упрёк, совет, он “станет на горло собственной песни”, не изменяя ей, готовый до конца нести свою нелёгкую ношу спасителя народа, того народа, который порой предстаёт как неотёсанная, необузданная масса, могущая забыть и растоптать свои святыни, а порой и по-детски беспомощная. У него одно единственное стремление, “одна, но пламенная страсть” – вывести народ к свободе, и ради этого стремления он смиряет себя, одолевает такую понятную обиду, как человеческая неблагодарность.

Моисей напоминает современному читателю такие литературные образы, как горьковский Данко, как Левинсон Фадеева. Вполне возможно, что их создатели находились под влиянием библейского Моисея.

Фигура Моисея трагична. Ему не суждено было войти в ту, уготованную Богом страну, к которой он привёл евреев. С высоты холма увидел он расстилающийся перед ним вольный простор. Так и хочется вспомнить горьковского героя: “Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, - кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и умер”.

Моисей умер у врат чудесной страны молока и мёда, которая влекла его, которую он достиг, но нога его на эту землю не ступила. Мы даже не знаем, где умер Моисей, где его могила. Захоронения Авраама и его жены известны, Давида известно. А Моисея – нет. Почему? В этом тоже есть символический смысл. Какой?

Древняя рукопись гласит: “И погребён на долине в земле Моавитской против Ваффегора, и никто не знает места погребения его даже до сего дня”.

“Почему никто не знает места его погребения, если это место запечатлено в памяти сынов Израиля?” - спрашивает Говард Фаст и отвечает: “... если бы Моисей был погребён в окрестностях Вирсавии, это ослабило бы дальнейшие притязания еврейских царей на более плодородную северную часть Палестины”. И далее: “Написанная явно

в политических целях история смерти пророка, изложенная во Второзаконии, поставила Моисея – еврея и левита – в такое положение, чтобы его потомки могли обосновать своё право на весь Израиль”. Таков ответ.

Итак, был ли Моисей? Отбросим чудеса, фантастику, и мы получим событие, в котором нет ничего сверхъестественного: народ восстал против своих угнетателей и ушёл из страны, где он был рабом, в поисках лучшей доли; у народа должен был быть вождь. Во всяком народном движении, особенно победоносном, успешном (а Исход был для евреев успешным событием), есть сила, воплощённая в руководителе, которая сплачивает, направляет, вдохновляет, ведёт за собой. Значит мог быть и у библейского героя Моисея прообраз.

Но послушаем, что говорит об этом Сесиль Рот: “Личность, образ которой хранит народ в своём сердце многие столетия, приобретает значение вне зависимости от того, существовала она на самом деле или нет. В событиях, которые легенда связывает с именем такой личности, кристаллизуется в определённой степени национальный идеал поведения. Уже сама вера в то, что такое событие имело место, может оказать глубокое влияние на дальнейший ход истории”.

И всё-таки трудно согласиться, что это всё только выдумка. Несомненно, Исход, который относят то ли к 15 - му веку до н. э.(1445год), то ли к 13-му до н. э. (1227 год) (вот даже какая точность), мог быть очень далёким от того, о чём мы читаем в Библии. Но нечто похожее, какое-то ядро Исхода, какая-то личность, совершившая его, по нашему мнению, должны были быть.

Читатель может принять рассказ Библии на веру, или как информацию для размышления. В любом случае он приблизится к тому, что евреи считают своей историей, даже если найдёт библейское повествование необычной сказкой.

ТЕОРИЯ КАТАСТРОФ

Наряду с теми, кто свято верит всем библейским сказаниям, и с теми, кто начисто их отрицает, как фантазию, существуют учёные и просто знатоки Библии, которые пытаются подвести под библейские чудеса научную базу и дать им естественное объяснение.

В этом смысле особый интерес вызывает у учёных эпизод перехода евреев по дну моря, в то время как их преследователи египтяне на том же месте были поглощены морской пучиной.

Не раз люди пытались найти место, где такой переход возможен, и ссылались при этом на факты. Так, бывший губернатор Синай майор Джарвис указывает на узкую лагуну между Средиземным и так называемым Сербонским морем, где, по его рассказу, во время шторма волна унесла его в открытое море.

“Не требуется большого воображения,- говорит комментатор этого события,- чтобы отнести именно к этим местам слова из Книги Исхода: “И пошли сыны Израилевы среди моря по суше...Погнались египтяне и вошли за ними. И вода возвратилась и накрыла колесницы и всадников всего войска фараонова”.

Авторы книги “Библейские сражения” Хаим Герцог и Мордехай Гиршон вспоминают указание греческого историка 1-го века до н. э. Диодора Сицилийского о том, что во время вторжения в Египет Ксеркса в 340 году до н.э. на той же песчаной отмели утонула часть войска Ксеркса. Приводят они и запись другого греческого историка Стрибона, который пишет: “Во время моего пребывания в Александрии Египетское море поднялось и затопило страну, превратив эту гору (возвышенную песчаную косу) в остров”.

“Возможно,- предполагают авторы “Библейских сражений”, - Моисей заранее предусмотрел место битвы и заманил египтян в ловушку”.

Существует точка зрения на то, что в определённом месте волны водной стихии могли обнажить дно под действием сильного шторма, а потом снова вернуться к обычному состоянию.

Вот мнение Пола Джонсона о другом событии в Библии, хотя и не столь фантастичном, как переход по морю, но выходящим за рамки обычного. Речь идёт о сорокалетних блужданиях евреев по пустыне под руководством Моисея. Учёный замечает: “Вполне возможно, что во

времена Моисея евреев неоднократно вытесняли обратно в море, что они неоднократно пытались достичь холмов Иудеи и терпели поражение, и таким образом история сорокалетних странствий по пустыне вполне может быть основана на реальных фактах”.

Допустим, что и переход евреев, уходящих от погони, по морскому дну, тоже реальный факт, основанный на естественном, природном явлении. Кое-кто из исследователей именно так думает.

Ниже речь пойдёт об учёном, который в своих трудах пытался с помощью научных объяснений доказать историзм Библии со всеми её необыкновенными событиями и чудесами. Имя этого учёного Эммануил Великовский.

20 лет кропотливого труда посвятил учёный обоснованию теории о естественной природе тех необъяснимых, с нашей точки зрения, явлений, которые сопутствовали в Библии Исходу.

Кто такой Великовский? Биограф Великовского замечает, что учёный принадлежит к тем пророкам, которых нет в своём отечестве.

В самом деле, меньше всего его знают на его родине - в России. Детство Великовского прошло в городе Витебске (который, кстати, дал миру Шагала), в довольно зажиточной купеческой сионистски настроенной семье. Из Витебска родители переехали в Москву, а потом в Палестину, в то время как старшие братья будущего учёного “выбрали революцию” и остались в России. Его племянница погибла, участвуя в обороне Москвы, дочь Великовского также предпочла Россию Палестине.

Сам будущий учёный учился в Московском университете, а в годы гражданской войны уехал в Палестину, где окончил своё образование врача - психоаналитика. В Россию он не вернулся. Одно время в Германии издавал научный журнал, в котором сотрудничали Эйнштейн, Ландау, Бор, другие выдающиеся учёные. Последние сорок лет своей жизни он провёл в Принстоне, в США, где занимался разработкой своей теории космических катастроф, опубликовав несколько книг, взбудораживших учёный мир. Толчком к работе над этой темой послужили впечатления от ландшафта Палестины.

Видения Палестины поразили его с первого же знакомства с этой страной.

Эти свинцовые тяжёлые волны загадочного Мёртвого моря, вдолбленного в глубь земли, эти угрюмые вздыбленные горы Иудеи и

Моава, застывшая лава под ногами,- всё наводило на мысль о грандиозной космической катастрофе, разразившейся здесь много веков назад.

Когда? Не тогда ли, когда произошёл исход евреев из Египта? Не совпали ли эти два события – в природе и в обществе людей? Не вызваны ли все эти египетские казни, о которых рассказывает Библия, страшными природными катаклизмами?

Эта мысль засела в мозгу молодого учёного.

Великовский задумал было написать психоаналитический опус о Фрейте. Перед смертью Фрейд работал над большим трудом о происхождении монотеистической религии - религии единобожия. Он доказывал, что родоначальником монотеизма был египетский фараон Эхнатон, что Моисей не был евреем, что это египтянин, который сумел возглавить еврейский народ и внедрить в его сознание религиозные идеи Эхнатона.

С такой постановкой вопроса Великовский никак не мог согласиться. Будучи убеждённым последователем Фрейда в психологии, он задумал книгу “Фрейд и его герои”, в которой хотел дать психо-аналитическое исследование личности создателя психоанализа, выступив его оппонентом в отношении теории монотеизма. С этой целью он углубился в еврейские письменные памятники, посетил места, где происходили события, отражённые в Библии. Но тут новый интерес захватил учёного. Отложив в сторону все другие замыслы, он погрузился в работу, которая должна была обосновать его теорию Исхода, примирить Библию и науку, дать библейским чудесам научное объяснение.

Эту гипотезу Великовского в статье под названием “Миры в столкновениях, века в хаосе” Михаил Вартбург характеризует как “грандиозную попытку заново перечитать Библию, попытку, которая привела к построению теории, переворачивающей все наши привычные представления об эволюции солнечной системы и истории человечества”.

Такова оценка одного из благожелателей учёного. Но не все в учёном мире разделяли это мнение. Отзывы о Великовском весьма разноречивы.

Альберт Эйнштейн назвал его “человеком энциклопедической эрудиции”, “поразительный по увлекательности литературный талант”

находил в нём Айзек Азимов. По словам профессора Харлоу Шепли, он был “удивительно приятной личностью”. Зато астроном Карл Саган считал его “невежественным дилетантом”, а геолог Гарольд Юри “сознательным шарлатаном”, что было несправедливо, ибо если Великовский и ошибался, то искренне, и сознательным шарлатаном, конечно, не был. Однако, несмотря на разноречивость, в отношении к нему учёного сословия преобладали негативные оценки, особенно со стороны физиков и астрономов, ведь Великовский, врач-психоаналитик, позволил себе вторгнуться в их епархию.

В чём же суть теории Великовского? Какова его аргументация?

Не в незапамятные доисторические времена, как указывает наука, произошла на земле космическая катастрофа, а случилась она на памяти людей, которые уже владели письменностью, - в эпоху ранней цивилизации. Это основной посыл учёного, который он развивает и по своему обосновывает в своих книгах.

Все эти многочисленные предания самых разных народов, считает Великовский, - ацтеков, инков, майя, легенды греческого писателя Гесиода о поколениях людей, уничтоженных богами, священная индийская книга, рассказывающая о катаклизме и т. д. и т.д. - разве не наводят они на мысль, что речь идёт об одной и той же катастрофе, которая оставила след в памяти человека? Чудовищный камнепад, мир, погружённый в красный цвет, лава и камни, которые извергают горы, расступающиеся или разорванные моря, обрушивающиеся на землю гигантские волны, мрак, окутавший землю, - всё это с удивительным постоянством присутствует в сказаниях самых разных, географически далёких стран. Так не говорят ли они об одном и том же событии?

Мысль об отражении в народных эпосах реальной земной катастрофы высказывали учёные и до Великовского, но никто из них не утверждал её с такой уверенностью, настойчивостью и доказательностью, как он.

Но если легенды говорят о реальной катастрофической буре, случившейся на памяти людей, почему нет письменных следов этого грандиозного явления? Учёный задался этим вопросом и погрузился в поиски этих следов.

Он нашёл документ, который, по его мнению, принадлежит очевидцу указанных событий. Это так называемый папирус Ипувера, хранящийся в Лейденском музее. И что же? Изучая этот документ,

учёный обнаруживает удивительное сходство между описанием катастрофы в папирусе и чудесами Библии в период Исхода. Посудите сами.

Папирус: Нил в крови.

Исход: и вся вода в реке превратилась в кровь.

Папирус: ворота, колонны и стены поглощены огнём.

Исход: огонь разливается по всей земле.

Папирус: деревья сметены...никаких плодов от растений.

Исход: и был град по всей земле Египетской, всё, что было в поле, все деревья поломаны.

Папирус: земля во мраке.

Исход: и была густая тьма по всей земле Египетской.

Таким образом получается, что папирус Ипувера был первым древним документальным (подчеркнём слово “документальным”) упоминанием о катастрофе, которая совпала с Исходом по всем деталям и по времени. В нём даже содержится намёк на гибель фараона, а ведь и в Исходе фараон гибнет в волнах сомкнувшегося после перехода евреев моря. Именно к такому заключению пришёл учёный после изучения древнего папируса.

В таком случае, что же это была за катастрофа? Как объясняет её Великовский?

По мнению учёного, это было не что иное, как столкновение Земли с космическим объектом, сначала с Венерой, а потом с Марсом.

Известный американский астроном посмеялся над выкладками Великовского, заметив, что в его рассуждениях планеты напоминают летающие мячики в игре пинг-понг.

Конечно, Великовский попытался всё это обосновать на научном уровне, отталкиваясь от законов астрономии и физики. Это была серьёзная многолетняя работа, которая потребовала от него углубления в естественные науки, в историческую и специальную научную литературу по данной теме. М.Вартбург называет этот труд Великовского “беспримерным и бескорыстным поиском истины”, которым учёный по существу посвятил всю свою жизнь.

Надо сказать, что в представлении астрономов, “столкновение” обозначает прохождение небесного тела вблизи, в опасном соседстве с Землёй, которое несёт угрозу нашей планете. Вот такое столкновение, утверждает Великовский, и произошло в середине второго тысячелетия до нашей эры.

Именно так – “Столкновение миров”- называет учёный книгу, которая содержит изложение его космической теории.

Как сказано выше, наука не отрицает возможности столкновения Земли с метеоритами, кометами, астероидами. Правда, вероятность такого столкновения крайне мала, однако огромный кратер в Аризонской пустыне учёные считают последствием столкновения Земли с гигантским астероидом. Да и в наши дни возникло было опасение, встревожившее человечество, о возможном столкновении Земли с астероидом Икар. Но надемся, всё обернётся благополучно. А вот в те далёкие времена, по мнению учёного, Земля не избежала катастрофы. Это было столкновение Земли с планетами Венерой и Марсом, правда, тогда это не были ещё планеты.

Не вдаваясь в физические и астрономические аспекты работы Великовского, ограничимся вопросом: насколько, по мнению учёного, можно считать Библию исторической книгой, какое научное объяснение даёт он библейским чудесам?

На этом мы и остановимся.

Откуда красный цвет, покрывший землю? Комета, прошедшая вблизи земли, имела так называемый газовый “хвост”, содержащий красные частицы окиси железа. Когда Земля вошла в “хвост” кометы, эти частицы должны были осесть на землю, окрасив реки, озёра, моря в тот самый страшный кровавый цвет. Таково же происхождение другого чуда – гигантского камнепада – каменного дождя, исходящего из “хвоста” кометы. К тому же, “хвост” неоднороден по плотности. Когда более плотная часть кометы закрывает солнце, на Земле воцаряется мрак, который описан в преданиях и в Библии; кроме того, гравитационное притяжение космического тела к Земле поднимает огромные массы воды, отчего дно моря обнажается. Если верить Великовскому, именно по такому обнажённому дну моря евреи и перешли. Всё это должно было сопровождаться землетрясением и извержением вулканов. Эти явления и запечатлены в Библии. Даже манна небесная, которой питались евреи в пустыне (в других

источниках – амброзия, иней), находит научное объяснение, состоящее в том, что углеводородные соединения, которые присутствуют в “хвосте” кометы, выпали на Землю в виде съедобных осадков, напоминающих пищевую крупу.

Таким образом, учёный приходит к выводу, что библейские “чудеса” имели место на самом деле, что происхождение их естественное и что Библия – не МИФ,

БИБЛИЯ – ЭТО ДОСТОВЕРНЫЙ ДОКУМЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.

Мы выделили эту мысль, поскольку именно так принимали и принимают эту великую книгу на протяжении веков миллионы религиозных и нерелигиозных людей. Религия объясняет её Божественным происхождением (Бог водил рукой её создателя), атеисты ищут вкрапления истории в массу фантастических вымыслов, Великовский же утверждает историзм Библии с естественно-научных позиций.

Как встретили теорию катастроф Великовского учёные? О, это было как скандал в благородной семье. Какой-то непризнанный пророк, врач-психоаналитик посмел вторгнуться в святая-святых – в физику, и без всяких расчётов, без математического обоснования заявил свои бредовые теории. Так выглядела реакция учёного мира на книгу Великовского.

Теория Великовского была названа бредовой.

Но вот началась космическая эра, рукотворные спутники устремились в межпланетное пространство, и положения “бредовой” теории начали находить своё подтверждение.

Учёные узнали, что в глубинах космоса происходят столкновения галактик. Если могут столкнуться галактики, почему не могут столкнуться планеты, как о том гипотетически поведал Великовский? Он же предположил существование электромагнитных полей вокруг планет солнечной системы, в то время как в последнее десятилетие был обнаружен остаточный магнетизм и радиоизлучение на Юпитере. Что особенно удивительно, оказалось, что в облаках Венеры содержатся соединения углеводов – та самая манна небесная, которая осела на поверхности земли и накормила евреев во время Исхода.

По словам Вартбурга, “нашли подтверждение и некоторые другие научные гипотезы Великовского”.

В одном из сборников “Тайны тысячелетий” помещена статья “Манна небесная – подарок Венеры?” Её авторы Алексей Казаков и Сергей Устюгов замечают: “Великовский покусился в своё время на фундаментальные, устоявшиеся учения о происхождении и эволюции Солнечной системы” и, будучи далёким от таких наук, как физика и астрономия, оказался “ясновидящим” (это их выражение) и провидцем именно в этих науках. “По своему любопытна, – пишут они, – история взаимоотношений Великовского и Эйнштейна. Вначале Эйнштейн относился к своему молодому коллеге скептически и даже сильно поспорил с ним, когда Великовский заявил, что Юпитер излучает радиоволны. В начале 1955 года астрономы института Карнеги зафиксировали исходящие от Юпитера радиосигналы. Услышав эту новость, Эйнштейн заявил при свидетелях, что использует всё своё влияние, чтобы теория Великовского легла на экспериментарную основу. К сожалению, через десять дней после этого заявления Эйнштейна не стало”.

Как замечают указанные авторы, подтвердилась и мысль Великовского о том, что Венера – горячая планета, с чем долго не соглашался учёный мир, пока в 1962 году датчики станции “Маринер” не зафиксировали на планете 450 градусов по Цельсию. Не много ли предвидений для дилетанта и шарлатана?! И вот ещё одно. Британский космолог Р. А. Литлтон с помощью математических расчётов продемонстрировал возможность того, что Венера “вышла из чрева Юпитера”, о чём говорил в своей книге и Великовский.

Цитированная статья упоминает и предположение Великовского о том, что сошедший с орбиты и пронёсшийся неподалёку от Земли Марс должен был в своём облике сохранить следы этих нелёгких путешествий в виде кратеров, ям, что и подтвердили запущенные на Марс зонды.

Так что же такое чудеса Библии, – фантазия древних авторов или отражение реальных явлений в природе?

Великовский, как мы уже знаем, считает их истинными, непридуманскими природными явлениями.

Можно добавить: если так много его гипотетических предположений находит в дальнейшем своё подтверждение, может быть, он, если не полностью, то хотя бы отчасти прав?

М. Вартбург пишет о Великовском: “ Он умер восьмидесяти четырёх лет отроду в Принстоне, в США, до конца своих дней так и не вкусив радости научного признания, которого жаждал больше всего в этой жизни”, но идеи его “и сегодня волнуют многих людей. Они слишком грандиозны, чтобы не увлекать воображение...и они будут увлекать до тех пор, пока не окажется стёртым последний вопросительный знак и рассеяно последнее сомнение...Уважение к его беспримерному и бескорыстному поиску истины понуждает нас склониться перед его трудом в почтительном и грустном поклоне”.

В заключение приведём мысль некоего исследователя, который считает, что последовательность событий, рассказанных в Библии, была несколько иной.

Не отказ фараона выпустить евреев из Египта вызвал гнев Бога, обрушившего на Землю катастрофические страсти, а сама катастрофа в природе ускорила, спровоцировала бегство евреев, которые воспользовались всеобщим хаосом, охватившим Землю. В облике Земли, считает исследователь, следствием катастрофы стало образование уникального, ни на какие моря и озёра не похожего Мёртвого моря, а в истории еврейского народа следствием того же космического катаклизма явилось судьбоносное освобождение от рабства и начало его исторического пути.

Конечно, всё это, как и теория Великовского, - только гипотезы.

Может быть, вернётся интерес к ним? Или появятся новые гипотезы? В определённом смысле теория катастроф противостоит антисемитскому отрицанию историзма Библии. Возможно, этот спор решит будущее?

ТОРА

Тора (она же Ветхий завет Библии) – еврейский Закон, который, по преданию, был дан евреям Богом через Моисея, поэтому Тору называют Законом Моисея.

Бог вручил Моисею скрижали Закона, по описанию священной книги, при чрезвычайных обстоятельствах.

Евреи, избавившиеся от плена, едва только что ушли от погони египтян. “И пришли они в пустыню Синайскую, и расположились станом в пустыне”. “На третий день, при наступлении утра, были громы, и молнии, и густое облако над горою, и трубный звук весьма сильный”. “Гора Синай вся дымилась, была в огне, и вся гора колебалась, оттого, что Господь взошёл на неё”. (Как мы сказали выше, всё это похоже на извержение вулкана. Вы согласны, читатель?) И призвал Господь Моисея, и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей, и дал Господь Моисею скрижали каменные, и Закон, и заповеди.

С этого времени Закон, данный евреям Богом, всегда был с ними. Много страданий вынесли евреи, и если посреди этих страданий, мук, невзгод евреи сохранились как народ, со своим языком, своей культурой, своей самобытностью, то этим они обязаны своему Закону. Источник их стойкости, их выживаемости, их сопротивляемости всем напастям, наветам, преследованиям, клевете, диким и жестоким репрессиям – Закон, данный в Торе, который был затем многократно интерпретирован в Талмуде.

Охранительная роль Торы в истории еврейского народа сказалась с далёкой поры его существования.

Давид Малкин пишет, что “не бывало в истории завоевателя – от свирепого монгола, до дикого рыцаря, - который миновал бы древнюю еврейскую землю, не оставив о себе памяти в виде кострищ с обглоданными костями и развалины”.

“Как мог сохраниться малый народ в эпицентре этой сокрушительной дикости?” – спрашивает писатель. Ответ, по его мнению, состоит в том, что “евреи поставили на духовное”, и в этом было их спасение, - в том одухотворённом восприятии мира, которое нашло воплощение в Торе, являющейся основой иудейской веры.

Тора – это еврейский Закон, но Закон особенный. Он не является сухим перечислением прав и обязанностей, определяющих поведение каждого еврея в отдельности и всего народа в целом, как это присуще законодательным актам. Это повествование об истории народа в свете его нравственных установлений.

Надо сказать, что евреи – единственный народ, который имеет свою письменную историю, начиная с самых давних пор, со времени своего образования. Причём, как отмечает Пол Джонсон, яркость и реализм, с которыми в Торе даются жизнеописания прародителей народа – патриархов и их семей, “являются, пожалуй, самой замечательной особенностью этого творения и не имеют аналогов в древней литературе”.

Писатель подчёркивает особенное внимание, которое в Торе уделено женщинам, их портрету, эмоциям. “Сарра – первый в истории литературы персонаж, который выведен смеющимся”.

И всё-таки главное в Библии – не её литературные достоинства. М.Даймонт называет Тору “дерзким прыжком в будущее”. Он пишет:

“ТАКОГО ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО ГУМАНИЗМА,
ЖАЖДЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ, СТРЕМЛЕНИЯ К
ДЕМОКРАТИЗМУ, КАК В ТОРЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЕЩЁ
НЕ ЗНАЛО”.

Её дух – равенство перед законом, равенство всеобщее, не зависящее ни от происхождения человека, ни от его положения в обществе, ни от имущественного положения. Только спустя тысячелетия – тысячелетия! – в законах Великой французской революции и Американской республики вновь воскрес этот дух всеобщего равноправия.

Итак, евреи поставили на духовное, на Небо. “Монотеизм,- отмечает Пол Джонсон,- ознаменовал один из великих поворотных моментов в истории человечества, возможно, самый великий”.

Что же принёс с собой монотеизм, единобожие?

Это был переход к совершенно новым этическим принципам.

Прежде всего иудаизм - первая монотеистическая религия - исходит из посылки о святости человеческой жизни.

Вокруг звучит звон мечей, копья пронзают человеческие тела, война – обычное состояние древнего мира. А священное еврейское

писание утверждает, что человек – это мир. “Кто отнимет одну жизнь, уничтожает целый мир, а кто спасёт одну жизнь, спасёт целый мир”. Это из священной еврейской книги. Из того далёкого, далёкого времени.

Иудаизм провозглашает не только ценность каждой человеческой жизни, но и святость его тела. Ведь человека создал Бог по своему образу и подобию, поэтому всякое наказание, которое связано с увечьем человека, наносит увечье Богу. Нанести удар или увечье человеку значит нанести удар или увечье Богу.

Сколько наказаний, калечащих человека, существовало в древности! Выжигание клейма, кастрация, отсечение руки и пр. и пр. Цивилизованный мир в эпоху Торы развлекается боями гладиаторов, натравливанием диких зверей на человека, столбы с тысячами распятых страдальцев высятся на стенах римских городов. А четвертование и сажание на кол в древней Руси тысячелетием позже? А вырывание языка в период правления просвещённой Екатерины? (Вспомните безязыкого пугачёвца в “Капитанской дочке” Пушкина). А отсечение руки у вора в мусульманских странах уже в наше время и побивание женщин камнями за измену мужу? Разве не свидетельствует всё это о том, как отстал наш цивилизованный мир от такой седой, такой древней еврейской старины, которая, даже в те дикие времена отвергала в своих священных книгах подобную жестокость?!

М.Даймонт считает отказ евреев от жестокости и садизма прямым следствием того, что на самой ранней заре своей истории евреи уверовали в духовного Бога, а не в каменного идола. Он пишет: “В наши дни нравственные качества могут быть подвергнуты статистической проверке. В настоящее время евреи составляют около трёх процентов населения США. Однако количество евреев, осуждённых за насилие, составляет всего лишь 0,1 процента всех осуждённых за подобные преступления... Эта громадная статистическая диспропорция не перестаёт удивлять современных социологов”.

Жаль, что подобными исследованиями не занимаются российские социологи. Может быть, тогда не было бы тех средневековых антисемитских требований закрыть еврейские организации за их мнимую агрессивность, с которыми не так давно выступила группа российских парламентариев?

Итак, главный этический посыл иудейской религии -

**СВЯТОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА.**

А как же войны, которые евреям приходилось вести с древних времён? Ведь евреи не только падали под ударами вражеских мечей, но и сами наносили врагу смертоносные удары, сходясь на поле брани в смертельной схватке. Войн и в Торе немало. Конечно, евреи вели войны, они были детьми своего времени и были воинственным народом. Случались в их истории и злодеи, которым ничего не стоило уничтожить сотни людей. И всё-таки отношение к человеческой жизни как к божьему неповторимому творению наложило отпечаток на всю еврейскую нацию в целом и на каждого еврея в отдельности. Гуманность, сочувствие другому человеку утверждается в еврейских поведенческих правилах, зафиксированных в священных книгах, как закон.

А наказания? В каждом кодексе должны быть предусмотрены наказания за преступления. Имелись они и в древнем еврейском судопроизводстве, которое содержало такую кару, как побивание камнями за вероотступничество, считавшееся самым большим преступлением, но эта кара почти никогда не применялась, а впоследствии и совсем исчезла из еврейской судебной практики.

Обычным наказанием было сорок ударов розгами. Сорок, и ни одним больше.

Это в России розгами забивали насмерть. Тот, кто читал “Иудейскую войну” Леона Фейхтвангера, может судить, насколько наказание сорока ударами было тяжёлым, если герой романа пошёл на порку добровольно, чтоб получить право на развод с женой – бывшей рабыней, а после наказания встал и отправился восвояси.

Как разрешаются вопросы к р о в и в еврейских религиозных наставлениях - в прямом значении этого слова? Бессчётное количество страшных обвинений за всю историю, начиная со средневековья, обрушивалось на голову евреев якобы за ритуальное использование ими человеческой крови.

Достаточно было прочитать категорические настойчивые запреты в Торе, касающиеся употребления крови, чтобы понять, насколько эти обвинения абсурдны. Подобные табу мы не найдём в священных книгах никакой другой религии - только у евреев, потому что для них

это вопрос первостепенной важности.

Подчёркиваю это для тех, кто до сих пор верит в ложные наветы - по злобе или по невежеству.

Вот как в Торе Бог обращается к евреям, утверждая своё наставление как непреложный, строжайший закон.

“Ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришелец, живущий среди вас, не должен есть крови, ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его; всякий, кто будет есть его, истребится”.

Как настойчиво повторяется одно и то же, словно Закон пытается вдолбить в сознание благочестивого иудея особое отношение к крови. Это один из самых важных, нерушимых иудейских постулатов. “Ни одна душа из вас не должна есть крови.” Можно ли сказать яснее?

ТОЛЬКО НЕЗНАНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ЗАКОНА МОГЛО
ПОРОДИТЬ ЛЖИВУЮ И ЗЛОБНУЮ ЛЕГЕНДУ О
РИТУАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЕВРЕЯМИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КРОВИ.

В священных еврейских книгах даны подробные наставления также и в отношении крови животных. Ведь в крови каждого живого существа – его душа. Поэтому в Торе со всеми деталями указывается, как убивать животное, чтобы не причинить ему мучений, как поступать с кровью животного, чтобы она не попала в пищу. Что уж говорить о человеческой крови!

Где ещё с такой скрупулёзностью трактуется этот вопрос? Убедит ли сказанное по этому поводу твердолобого антисемита? Может быть, и убедило бы человека мыслящего. Но в том-то и дело, что антисемитизм – это слепая, нерассуждающая ненависть. Снова и снова мы будем слышать от невежественных людей после предложения попробовать мацу: “Как можно, там же кровь!” И это в 21 веке, и это от цивилизованных людей, считающих себя образованными!

Кодекс, принесенный Моисеем евреям, охватывает самые разнообразные стороны жизни, множество нравственных и философских проблем, но все они сконцентрированы в одной краткой формуле, принадлежащей выдающемуся еврейскому философу Гиллелю.

Как свидетельствует предание, однажды язычник пришёл к философу с просьбой: “Если, пока я стою на одной ноге, ты изложишь мне суть твоей веры, я приму её”.

И Гиллель ответил: “Н е д е л а й д р у г о м у т о г о , ч е г о н е х о ч е ш ь , ч т о б д е л а л и т е б е . Э т о г л а в н о е . О с т а л ь н о е – р а з ь я с н е н и я и д о п о л н е н и я ”.

Этот маленький пассаж широко известен. Не содержится ли в ответе учёного суть того, что такое справедливость? Справедливо то, что несёт благо каждому: и тебе, и мне. Книга Второзаконие прямо призывает: “К справедливости, к справедливости стремись!” Это высший императив Ветхого завета.

Вообще чувство справедливости – одна из черт, традиционно присущих евреям. Оно звало евреев на баррикады, делало их мятежниками, бунтарями. Во всех революциях, в освободительных движениях евреи – активная сила. Пол Джонсон называет евреев теми д р о ж ж а м и , т о й з а к в а с к о й , которая вызывает б р о ж е н и е в обществе.

Эту черту евреев остроумно обыгрывает Илья Эренбург в своём раннем романе “Хулио Хуренито”.

Желая показать различие между евреем и его молодыми собратьями других национальностей, учитель предлагает своим ученикам ответить на вопрос: какое слово для них предпочтительнее: “да” или “нет”. Все ученики выбирают слово “да”, и только еврей выбрал “нет”. Этим эпизодом писатель подчёркивает дух критицизма, дух отрицания, присущий евреям, что им не раз ставили в вину, хотя именно отрицание старого и поиск нового, более совершенного является необходимым условием творчества и двигателем прогресса.

Что же касается формулы Гиллеля, то в христианской интерпретации она звучит несколько иначе: “Делай другому то, что хочешь, чтоб делали тебе”. Прекрасный принцип, но реален ли он? Делать добро всем другим людям невозможно, хотя бы физически. А вот не делать зла другому, как советует Гиллель, опираясь на еврейский Закон, – вполне реально и возможно. (Собственно говоря, ведь это и есть нравственное правило всякого порядочного человека.) Это кредо, – альфа и омега иудаизма, духом которого проникнута Тора.

Конечно, немало в этом величайшем из документов противоречий, несообразностей, далеко не всё, что есть в этой книге, мы можем

сегодня принять. Ведь она написана в глубокой древности и не могла не содержать определённых, и весьма существенных, негативных черт своего времени. Тем не менее, как пишет М.Даймонт, “законы, сформулированные почти три тысячи лет назад, и поныне поражают своей гуманностью”. (Здесь, как и в других случаях, подчеркивание, выделение текста принадлежат автору данной книги).

Есть ли другой законодательный кодекс, где бы столько внимания уделялось бедным и слабым, вдовам и сиротам? И не в виде абстрактных призывов к сочувствию, а в форме конкретных указаний: как, сколько и при каких обстоятельствах еврей должен уделить из своих доходов тем, кто нуждается в его помощи. Эти законы евреи неукоснительно соблюдали на протяжении веков и жертвовали добровольно, из искреннего желания помочь страждущему. Моральную и материальную взаимопомощь евреев нередко с чувством недоброжелательства отмечают их недруги. Вот, мол, своим-то они помогают. Как следует из правил Торы и Талмуда, - помогают не только своим, о чём будет сказано в дальнейшем.

И всё-таки не в этих ли обычаях - чувствовать себя обязанным перед другим евреем - одна из причин выживаемости еврейской нации?

С какой открытой душой принял народ независимого, только что созданного Израиля огромные массы беженцев из арабских стран и переселенцев из Европы! Только те, кто был в это время в Израиле, знает, каких невероятных усилий это стоило совсем недавно освободившейся от тысячелетнего ига, слабой, разорённой стране. Не сразу всё устроилось, и всё-таки, как пишет американский журналист арабского происхождения Дзозеф Фарах,

“еврейские беженцы были полностью абсорбированы Израилем, страной, по размеру не превышающей штат Нью - Джерси”.

И в то же время, по словам того же журналиста,

“арабские беженцы намеренно не были интернированы в арабских странах... несмотря на их обширные территории, и являются единственной в мире группой, которая не была абсорбирована или интернирована в странах проживания собственного народа”.

Вдумайтесь, читатель, в эти строки. Мы их уточним: 100 миллионов арабов из двадцати одной арабской страны до сих пор не могут принять к себе около миллиона своих единоверцев и обрекают их на прозябание в лагерях так называемых палестинских беженцев. Нечестные палестинские и арабские лидеры, отвергающие всякие разумные переговоры, используют палестинцев, как разменную карту, в лицемерной антиизраильской политике.

И в то же время маленькая разорённая страна с небольшим населением (к моменту освобождения население Израиля насчитывало всего 655 тысяч) уже к 1961 году приняла в своё лоно, и абсорбировала, и обустроила, несмотря на непрерывные враждебные акты со стороны арабов, почти полтора миллиона новых граждан (н о в ы х!) То есть к 1961- му году, за несколько лет, население Израиля увеличилось втрое. И всем нашлось место! Конечно, были и трудности, и трагедии. Да разве могло быть иначе в подобных условиях?! Но людей надо было принять – и их принимали.

А несчастные палестинцы до сих пор мыкаются. Им не находится места среди 100 миллионов арабов. Они требуют земли, которые им не принадлежат. Их цель - лишить евреев единственной в мире страны, их единственного дома. И во имя этой недостойной цели разыгрывают кровавые драмы.

Не говорят ли эти факты сами за себя?!..

Но вернёмся к Торе.

Если говорить о гуманности этого еврейского Закона, нельзя не отметить правил, касающихся рабов, которых в древнем мире и за людей-то не считали.

Каждые семь лет евреи, владеющие рабами, должны были отпустить их на свободу, и не только отпустить, но и снабдить их определёнными средствами, чтоб бывший раб не оказался на свободе совершенно нищим, одиноким и беспомощным, и не попал в новое рабство. Это чёрным по белому записано в Торе.

А невиданный в древнем мире, впервые введенный евреями один день в неделе, с у б о т а, свободный от дел, который относился не только к хозяевам, но и к слугам, и даже к скоту, что немало потешало римлян и греков в своё время.

А положение, согласно которому еврей должен был оставить на своём поле часть урожая, чтоб им мог воспользоваться бедняк. Разве

всё это не вызывает нашего удивления и восхищения? Это всё Тора, иначе Библия, её Ветхий завет,- древний закон евреев, пронесённый ими через века.

Какую роль Библия отводила в древнем обществе ж е н щ и н е? Женщина - верная спутница мужчины, хранительница домашнего очага, воплощающая в себе ум, доброту и мужество. Мужчина должен считаться с мнением женщины, жены, прислушиваться к её советам. Как это не похоже на поучения “Домостроя”: “жена да убоится мужа”, на отношение к женщине, отражённое в русских пословицах: “у бабы волос долог, да ум короток” или “баба с возу – кобыле легче”.

Тора – древнейшее повествование и, как таковое, конечно, не лишена вымысла, всех этих гиперболических преувеличений, сказочных чудес, к которым всегда прибегали писатели далёкого прошлого. Но вот что по этому поводу говорит Говард Фаст: авторы Торы “так блестяще сплели в один клубок легенды и историю евреев, что на протяжении 24 столетий ученые не могли его до конца распутать”.

Таким образом, значение Торы-Библии, ещё раз подчеркнём это, конечно, не только и не столько историческое. “Невольно задумываешься,- пишет М.Даймонт,- не стал ли бы нынешний мир намного лучше, будь эти законы приняты повсеместно”.

ЕВРЕЙСКИЕ ЦАРИ

Саул.

Древнее общество израильтян было демократичным. Положение человека определялось его личными качествами. Обычно харизматические герои древних евреев были людьми низкого происхождения, которые выдвинулись благодаря собственной энергии.

В Книге Судей мы встретим разбойника, главаря банды, который по просьбе старейшин племени возглавляет войско, а потом остаётся в племени, как один из его руководителей; есть легенда о Самсоне, израильском Геракле (вспомните величественную статую этого еврейского легендарного героя, разрывающего пасть льву, в центральном фонтане Петергофа), в личности которого можно найти “странное смешение преступника и героя, супермена и недоумка, с параноидальной тягой к насилию и падшим женщинам” (Пол Джонсон); есть и легендарная воительница Дебора...

Итак, общество было демократичным. Во главе племени стоял судья, наделённый верховной властью. Ряд духовных и гражданских функций выполняли пророки. В случае военной опасности племена объединялись в общем сопротивлении врагу.

Но пришло время, когда жизнь потребовала другой формы правления.

В 12 веке до нашей эры в Ханаан пришёл “народ моря” - беспощадные и воинственные филистимляне (это по их имени Ханаанская земля стала называться Палестиной), владевшие кузнечным делом и железным оружием, которые нанесли евреям жестокое и унижительное поражение.

И тогда старейшины племён пришли к пророку Самуилу и сказали: “Пусть царь будет над нами, и мы будем как все народы, и будет судить нас и вести войны наши”.

“Но царь введёт воинскую повинность, обложит вас налогами, потребует, чтоб вы выполняли общественные работы”, - пытался отговорить их Самуил. Но евреи были настойчивы, и тогда Самуил выбрал Саула, который был красив и статен, что сыграло не последнюю роль в выборе. И был он из колена Вениаминова.

Не сразу Саулу удалось собрать войско.

Аммонитяне, один из соседних народов, в это время осадили город Галаад, который ждал от своих единоверцев-евреев помощи, но еврейские племена не торопились посылать своих воинов. Тогда рассерженный Саул

разрубил на части двух волов и разослал их в разные концы Израиля со словами “так будет поступлено с волами того, кто не пойдёт вслед Саула и Самуила”.

Ему удалось собрать войско в 330 тысяч человек, двинуть его против аммонитян и одержать над ними победу. Но главной опасностью были филистимляне, которые создали укреплённую базу и с её вершин имели возможность контролировать евреев. К тому же силы были неравные, противник превосходил евреев численно и в вооружении.

И тут помогла отчаянная хитрость, которую применил сын Саула Ионафан.

Со своих вышек враги видели, как два человека вышли из лагеря евреев и направились куда-то по своим делам.

“Вон евреи выходят из своих ущелий, где они прячутся”, – прокричали филистимляне со своих стен, указывая на тех двоих.

Эти двое были сын Саула Ионафан и его оруженосец. Скрывшись из вида, они незаметно приблизились к лагерю противника с другой стороны и неожиданно напали на стражу, произведя большой переполох среди врагов, которые бросились бежать. Засевшие на своих позициях их товарищи приняли издали бегущих солдат за наступающего противника, и среди них началась паника. А в это время Саул предпринял общее наступление на филистимлян и перекрыл им путь к отступлению.

Битва была долгой, жестокой и кровопролитной. Филистимляне пытались отступить, чтобы сохранить силы, но Саулу надо было закрепить успех, и он запретил своим измученным и усталым воинам под страхом смерти сделать передышку, чтобы поесть. Ионафан, который не знал об этом приказе отца, на ходу извлёк немного меда из дупла и проглотил его. Взбешённый Саул, и без того разозлённый самостоятельными действиями сына, был готов казнить его за непослушание, но солдаты встали на защиту Ионафана, и это его спасло.

Саул одержал внушительную победу над филистимлянами, которая вошла в исторические документы под названием битвы при Махмасе.

“И утвердил Саул царство над Израилем, и воевал с окрестными врагами своими... и везде имел успех”.

Но в самом стане евреев не всё было так благополучно. Ну не могли они жить мирно друг с другом! Самуил не мог простить Саулу, что тот, вопреки правилам, сам совершил перед битвой обряд жертвоприношения, что было прерогативой Самуила. Ещё большее недовольство Самуила вызвало то, что Саул пощадил взятого в плен царя аммонитян и даже вернул

ему захваченные трофеи. Саул понимал, что перед опасностью нападения более сильного противника – филистимлян - ему надо поддерживать хорошие отношения с аммонитянами, но разгневанный Самуил заявил Саулу, что Яхве его за это не простит, и покинул того, кого он же выдвинул на руководство и кому до этих пор покровительствовал. Свой гнев против Саула он так и не смирил и в дальнейшем с ним никогда больше не виделся. Видимо, тут играли роль не только принципиальные соображения, но и уязвлённое самолюбие: Саул не посчитался с мнением Самуила.

Саул глубоко переживал свой разрыв с Самуилом, но в это время он сблизился с Давидом, тронутый его песнями и игрой на арфе. Златокудрый певец покорило его сердце после битвы с филистимлянским гигантом Голиафом.

Произошло это так. Два войска сошлись на поле, чтобы сразиться, но ни одно не решалось начать бой первым, ибо знало, что лучники, засевшие на возвышенностях с двух сторон, сразят передовых бойцов. И тогда было договорено, что исход боя решит поединок.

И вот на поле вышел филистимлянский великан Голиаф. Он высокомерно поглядывал в сторону евреев, играя своими мускулами и бряцая оружием.

Евреи в замешательстве поглядывали на богатырского воина своих противников.

С обеих сторон воцарилось молчание, воины ждали: кто же тот, кто отважится выйти против такой силы?

И тогда на поле вышел тщедушный отрок Давид. У него не было даже оружия. Он держал в руках пращу.

“Возьми мое оружие”, - предложил, волнуясь, Саул, но доспехи Саула оказались слишком тяжелы для юного Давида, и он отказался от них.

“Что ты вышел с палкой, будто перед тобой собака?” - потешаясь над юношей, произнёс могучий Голиаф. Но Давид натянул пращу, и камень с необыкновенной силой и меткостью угодил гиганту прямо в лоб. Голиаф рухнул как подкошенный. Сказание говорит, что Давид обезглавил поверженного Голиафа. Исход противостояния был решён.

С этого времени Давид стал особенно дорог Саулу, который приблизил его к себе и женил на своей дочери.

Но никогда не бывает всё всегда хорошо. Поползли слухи, что есть пророчество, согласно которому Давид займёт место Саула. Саулу не обращать бы на это внимания, да как тут не обращать, если со всех сторон Давиду поют славу, а его, Саула, ругают, за то, что, хотя он и одержал ряд

Триумф Давида. Картина Н. Пуссена. Около 1625 г.

побед над филистимлянами, но окончательно не может справиться с этими извечными врагами евреев. Правда, Саул провёл преобразования в своей армии, одержал верх в нескольких сражениях, но всем понятно, что не одолеть ему противника, имеющего железное оружие и колесницы, которых нет у евреев.

А тут ещё Давид, слава которого начинает затмевать его, Саула, славу.

И решает Саул расправиться со своим бывшим любимцем, убрать его со своей дороги. И Давид бежит, чтоб избежать расправы.

Последний бой с филистимлянами кончился для Саула трагически. Армия была разгромлена, он и его сын Ионафан попали в плен.

Саул не может перенести позорного плена. Он просит своих воинов заколоть его. Но те отказываются это сделать, и тогда он сам бросается на свой меч и погибает. Погибает в плену и его сын.

Саул, по словам историка, - “это типичный харизматический израильский лидер, поднявшийся из ничего благодаря своей собственной энергии и божественному промыслу”. Его считают одним из самых трагических персонажей Библии.

Давид.

Согласно летописным источникам, древняя Иудея и Израиль насчитывали 42 правителя: мужчин и женщин. Однако память в народе оставили немногие, и среди них первое место отдано Давиду. Его царствование и через 2000 лет называют золотым веком. Именно при нём Иерусалим стал столицей еврейского государства.

Мессия, по верованиям евреев, должен быть прямым потомком Давида. О Давиде, по сравнению с другими царями, больше всего осталось исторических легенд, преданий.

Народы предпочитали отдавать пальму первенства основателя государства простым людям. Основателем Рима был вскормленный волчицей Ромул. Русичи пригласили к себе править варягов. Из простых людей вышел Саул. Таков был и легендарный Давид, который пас овец и не помышлял о царстве, пока в историю не вмешался случай.

Давид не был воином, как его два старших брата, когда отец послал его отнести братьям еду, и тут Давид услышал о поединке. Так случилось, что он совершенно неожиданно оказался победителем вражеского гиганта, о чём нам уже известно.

После поединка он снова вернулся к своим овцам, но царь прослышал, что этот ловкий молодой пастух обладает искусством сочинять песни и играть на арфе. Угнетённый своими неудачами, Саул призвал пастуха, чтоб тот развлёк его. Так началась карьера Давида.

Он успел вкусить плоды, выпадающие на долю любимца правителя, но стечение обстоятельств, о которых сказано выше, заставило его бежать и превратиться в разбойника, скрывающегося со своим отрядом в горах.

Однако Давид не может платить ненавистью своему бывшему благодетелю. Дважды ему представляется возможность убить своего преследователя, и дважды он не считает нужным воспользоваться ею. Однажды в узком ущелье Саул так близко прошёл мимо Давида, не заметив его в темноте, что одежда царя задела сладкопевца. В руках Давида остался отсечённый им кусок платья Саула. Случилось Давиду и видеть Саула спящим и беспомощным, но и тогда его рука не поднялась на царя..

Но вот Давид находит покровительство среди филистимлян, которые даже делают его правителем пограничного города. Ещё

недавно он сражался с ними, а теперь служит у них, хотя никогда не обнажает меч против своих соотечественников.

Здесь он узнаёт о гибели Саула и оплакивает его в одной из самых трогательных поэм в мировой литературе.

К нему приходят старейшины его родного колена и просят стать царём в Иудее.

Кто ж откажется от такого предложения?

Так начинается его деятельность как главы государства. Сначала только той части, которая называлась Иудеей, а потом и всего еврейского царства.

Каким правителем оказался этот пастух, этот простой сын своего народа? Выше было сказано, что память народная сохранила представление о его правлении как о “золотом веке” еврейской истории.

Прежде всего Давид направляет свои усилия на создание хорошо обученной, дисциплинированной, преданной ему армии, ядро которой составляют съевшие с ним не один пуд соли его бывшие соратники по разбойничьим набегам.

Он заботится об укреплении царской власти и с этой целью избавляется от соперника - одного из сыновей Саула, претендовавшего на престол.

Надо отметить, что Давид не обладал самодержавной властью, власть еврейских царей была основана на соглашении со старейшинами, священниками, с обществом, нечто вроде конституционной монархии.

В древних еврейских государствах большую роль играло также общественное мнение и вопросы морали. Общество могло всенародно высказать царю своё недовольство его поведением. Пророки не раз указывали вроде бы всемогущему правителю на его проступки.

Сесиль Рот считает, что на формирование конституционных идей в 17 – 18 веках значительное влияние оказала практика еврейских государств древности.

Этой практики в своём правлении должен был придерживаться и Давид. В то же время он оказался энергичным, предприимчивым главой государства и талантливым военачальником. Его завоевания производят впечатление. После себя он оставил нечто вроде небольшой империи.

Летописи дают описания некоторых из его умелых, хитроумных ходов, как полководца. Так, в одной из битв с филистимлянами он дождался часа, когда усилится ветер с моря и шум леса, и под этот шум неслышно приблизился к неприятелю, неожиданно напав на него. Вообще военные победы Давида внушают уважение.

В конечном итоге он и филистимлян отеснил к морю и заставил присмиреть.

Ему удалось одержать победу над арамеями. Это был многочисленный, богатый и культурный народ, который располагал развитой военной техникой и слыл незаурядным стратегом. Не сразу далась Давиду победа над ними. Только создав сильное войско, которое включало всадников и колесницы, Давид нанёс им поражение и заставил арамеев признать свою власть над ними.

Он обложил данью Сирийское государство, захватил Идумею и вышел к Красному морю. Овладел важными приморскими путями, покорил ряд народов, заселявших район Средиземного моря.

О подвигах его воинов слагали сказания и песни, известные всему Израилю.

Его давним намерением было овладение крепостью Сион – цитаделью Иерусалима, который находится на пересечении древних торговых путей. Лучшей столицы для государства трудно было представить.

Сион был твердыней, неприступной крепостью, возвышавшейся над всей окружающей местностью.

В течение двухсот лет израильтяне безуспешно пытались взять её. Теперь пришёл её срок.

Для взятия Иерусалима Давид решил использовать только свою профессиональную гвардию, на которую он мог всегда полагаться. В случае успеха никто из местных князей не сможет похвалиться своим участием в знаменательной военной кампании. Это будет его, Давидова, победа.

Так оно и случилось.

Город был взят решительными действиями элитных воинских частей Давида

Иерусалим имел единственный источник воды, который соединялся с городом потайным подземным туннелем. Иевусеи- народ, населявший город, были уверены в его неприступности, так как

наличие такого источника позволяло оборонять город сколь угодно время.

Давид узнал об этом источнике и для взятия подземного туннеля призвал добровольцев.

Туннель представлял собой многометровую почти вертикальную шахту.

Понятно, с какими трудностями было сопряжено её преодоление.

Возглавил прохождение туннеля один из офицеров Давида по имени Иоав, ставший впоследствии его главнокомандующим.

Солдаты одолели этот почти непроходимый проход, неожиданно напали на иевусеев, и город был взят.

Давид сделал Иерусалим своей столицей, административным и религиозным центром. Сюда был перенесён Ковчег завета, трон царя и жилище Яхве – место, где должен был быть построен храм для Бога.

Давиду не суждено было самому осуществить это строительство: слишком много крови он пролил на своём веку и поэтому был недостоин чести строить Божий храм. Такое объяснение даёт священное писание. Храм построил его сын Соломон, а Иерусалим стал называться “городом Давида”.

Давид любил свой город. Он не стал ни уничтожать, ни изгонять его жителей, как свойственно было этому времени. Старался сделать всё, чтобы превратить их в своих верных союзников. Отремонтировал стены и террасы, построил казармы своим гвардейцам и царский дворец. Ковчег завета, эта самая драгоценная религиозная реликвия евреев, был помещен под защиту трона и личной охраны Давида.

В глубине души Давид лелеял идею об установлении наследственной монархии, но он понимал, что никто: ни царь, ни государство, ни церковь - не имеют права претендовать на первенствующее положение, поэтому он избегал шагов, направленных на единоличное правление.

Несмотря на это, спокойствия в этот золотой век в стране не было.

Старейшины усматривали в правлении Давида излишнюю централизацию власти, земледельцы были недовольны произволом чиновников и ростом налогов, наследники Саула и самого Давида боролись за власть, используя брожение в народе. В результате империю Давида потрясло восстание, поднятое его любимым Авессаломом против своего отца.

Давиду пришлось нелегко.

Население вооружилось. Против царской гвардии поднялось народное ополчение. Давид вынужден был бежать в Заиорданье, обратившись за помощью к своему родному колену Иуды.

Авессалом во время восстания был убит. Своей опорой после подавления восстания Давид сделал Иудею. Это только усилило междоусобную борьбу между коленами и впоследствии привело к распаду единого государства.

И всё-таки, подводя итог государственной деятельности Давида, хочется сказать: “Вот вам и пастух!” Простой пастух создал империю, с которой считались все народы региона. Правда, просуществовала эта империя недолго. Блеснула на иудейском небосклоне после Давида запоминающаяся фигура Соломона - и слава еврейской империи закатилась.

Но речь об этом пойдёт ещё впереди, а пока вспомним о перипетиях личной жизни библейского героя, как она отражена в источниках седой старины.

Верные своей традиции подробно описывать всё, что по их мнению заслуживает внимания, авторы письменных исторических памятников довольно обстоятельно рисуют события, связанные с увлечениями, пристрастиями, симпатиями и антипатиями царя Давида, не избегая и нелюбимых для нашего героя эпизодов.

Примером может служить рассказ о Вирсавии.

По летописному сказанию, Давид увидел Вирсавию купающуюся с крыши своего дворца. Посмотрите на картину Рембрандта, и вы, может быть, поймёте чувства, охватившие Давида при виде этой прекрасной женщины.

Давид наводит справки и узнаёт, что Вирсавия замужем и что её муж Урия – один из его военачальников, который в это время находится в районе боевых действий. Но это не останавливает Давида, который не может укротить свою страсть. Он вступает в греховную связь с Вирсавией.

*Вирсавия с письмом царя Давида
худ. Рембрандт (1654 г.)*

Узнав, что его возлюбленная забеременела, Давид приходит в смятение: это может бросить серьёзную тень на его репутацию.

Чтобы предотвратить скандал, Давид приказывает своему главнокомандующему вызвать мужа Вирсавии: присутствие мужа будет служить объяснением её беременности. Урия приезжает, но он не может позволить себе плотских радостей в то время, когда его товарищи сражаются с врагом.

Что делать? У Давида есть только один способ избавиться от скандала: убрать Урию. И по его приказу главнокомандующий посылает Урию в самое опасное сражение, в котором соперник Давида погибает. После смерти Урии Давид женится на его жене.

Совесть не мучит его. И тогда пророк Натан рассказывает царю притчу о богаче, который отобрал у бедняка последнюю овцу. Давид возмущён нечестивым и жадным человеком. “Ты тот богач!” – восклицает пророк. Давид потрясён, он кается перед Богом, но наказание не минует его. Все дальнейшие его беды, в том числе и гибель сына, рождённого Вирсавией, – это кара за его грех.

Как мы видим, еврейские авторы Библии не скрывали ни побед, ни постыдных проступков своих царей, чего мы не найдём в исторических хрониках ни у кого из других народов.

Есть в еврейских исторических летописях и рассказы о других жёнах царя Давида. Эти рассказы относятся к тем образцам, о которых учёный востоковед Дьяконов писал: “Наибольшим художественным достижением древнееврейской литературы является создание художественной прозы в собственном смысле этого слова. Её не знала ни вавилонская литература, ни древнеегипетская”.

Два из таких повествований нашли переложение в сборнике Давида Малкина под названием “Этюды о первых королях”.

В приложении к сборнику мы читаем: “Повествование строится по хроникам Танаха”.

Мы предоставляем эти рассказы (в кратком изложении) вниманию читателя...

Перед нами две женщины. Они очень разные.

Одна мечтательна, романтически настроена, ищет в муже идеал мужчины, другая, напротив, честолюбива, коварна, готова на всё ради достижения своей цели. Любовь Давида к ним рисует разные стороны его характера, позволяет лучше понять нашего героя и время, в которое он жил.

Рассказ первый. “Михаль – печальная королева”.

Михаль родилась в самом маленьком, но самом воинственном из племён израилевых – вениаминовом, в семье Шаула бен–Киша. (Имена даны в библейском произношении) Отец – крупный мужчина,обладавший незаурядной физической силой,очень скромный, красавец, работает на семейной ослиной ферме.(В этом описании мы узнаём Саула, будущего еврейского царя).

Недалеко от селения Гива, в котором живёт семья Михаль, проходит тракт, по которому идут торговые караваны. Дорога опасная, часто подвергается нападениям кочевников и бандитов. Купцы, везущие товар,- люди бывалые, им есть, о чем поведать другим, и местные жители - крестьяне, пастухи - заслушиваются их рассказами о далёких невиданных землях, о диковинах за морем.

Михаль и её братья любили слушать эти рассказы.

Отца Михаль Шаула (Саула) народ избирает своим царем. Её братья погибают в сражениях с врагом, которые ведёт Шаул.

Жизнь отца проходит в непрерывных походах и боях, а Михаль ждёт своего принца.

После единоборства с Голиафом, как мы знаем, Давид становится любимцем Саула.

Могла ли романтически настроенная Михаль не влюбиться в прекрасного златокудрого песнопевца? К её великому счастью, отец избрал Давида ей в мужа.

Потом, как нам известно, отец Михаль, под влиянием разговоров о предсказании своего печального будущего и о возвышении Давида начинает преследовать своего бывшего любимца.

Михаль спасает мужа. Она помогает ему ночью спуститься по верёвке из окна, и когда посыльные приходят за ним, они видят под его одеялом вместо Давида куклу из шерсти.

Много времени Михаль была разлучена со своим мужем, но любовь её не убыла. Романтический образ Давида всегда стоял перед ней. Её сердце разрывалось от любви между дорогим ей мужем и глубоко почитаемым отцом.

А Давид в это время собрал вокруг себя отчаянную дружину смелых головорезов, нечто вроде благородных разбойников, которые ушли в горы и занимались разбоем. Симпатии иудеев разделились

между главарём благородных разбойников и достойным сожаления, охваченным страхом и сомнениями царём. Каково-то было Михаль всё это наблюдать?!

После смерти Шаула Давид, как и пророчило предсказание, стал царём.

Юный деятельный царь весь в делах и походах. Он разворачивает грандиозную стройку, готовит место для нового прекрасного храма в Иерусалиме, поглощён военными походами и государственными замыслами, а Михаль каждый раз ждёт его и мечтает о встрече с ним.

Один из таких походов был особенно длительным. Готовясь к встрече со своим любимым, Михаль хранит кувшинчик душистых умашений, купленный у проезжего купца, и волшебный порошок, чтоб отвлечь её мужа от всех его наложниц, которые то и дело приносят ему детей, в то время как она, царица, не может дать ему наследника. С гордостью за своего мужа она прислушивается к рассказам о его подвигах и подвигах его воинов.

И вот наступил праздник. Всё население Иерусалима высыпало на улицы, чтобы встретить победоносную армию, возвратившуюся с войны. Но главным событием праздника, во имя которого веселились и ликовали люди, было перенесение Святого ковчега на место будущего, ещё недостроенного храма.

Древнее описание даёт подробную картину этого торжества. Весь народ был в праздничных одеждах, на Масличной горе горели костры, извещавшие население Израиля о великом событии. Вдоль дороги женщины с цветами пели хвалу Богу, царю и военным героям. Из всех двенадцати городов, от двенадцати еврейских племён, приехали самые сильные и красивые юноши. Они несли Ковчег Завета. По пути процессии были расставлены двенадцать жертвенников, на которых приносились в жертву двенадцать быков, по одному от каждого племени.

Процессия приближалась. Ковчег высился на плечах юношей, всё замерло, но никто не должен был смотреть в сторону Ковчега. В отдельном сосуде несли огонь, тот самый - от пламени, сошедшего с Синая. Каждые шестьсот шагов шествие останавливалось, приносилось в жертву очередное животное - козла или телёнка, и мясо тут же раздавалось таким образом, чтобы ни одно племя не было обойдено.

Царь Давид, который в начале празднества очень волновался и солидно подавал знаки, наблюдая за процессией, постепенно пьянел от счастья. Ликование народа, разгромившего смертельного врага и приветствующего свою самую ценную религиозную реликвию, передалось и ему.

А вокруг гремели серебряные и медные трубы разного размера, им отвечали свирели, звучали кинвалы, киноры и арфы, тимпаны и барабаны, хором из лучших певцов всех племён руководил начальник левитов. Только Ковчег был окружён молчанием и почтительной тишиной.

Впервые такой праздник был у иврим, впервые все племена из Иерусалима и из Ханаана собрались вместе и торжествовали победу. И царь Давид, видя торжество своего народа, не выдержал и присоединился к обезумевшей от наплыва счастья толпе. Он пел, неистово плясал, задирая полы своей одежды, трубил в шофар.

А Михаль в это время, наблюдая шествие из окна королевского дома, ждала окончания праздника и прихода своего возлюбленного мужа. Она благоухала мазями, богатый наряд подчёркивал её красоту.

Где же её муж? Где торжественные носилки, на которых он величественно восседает? Михаль не видит их. Перед ней была только орущая, обезумевшая толпа, среди которой один израильтянин особенно старался выказать свою радость.

Он кричал, по-козлиному подпрыгивал, вот он упал в песок, но снова поднялся, и снова подпрыгивал, задрав края своей одежды.

Неужели это её царь? Её златокудрый, её прекрасный Давид? Нет, нет, этого не может быть. Её Давид не позволит так себя вести.

Но вот Ковчег отнесён в святилище и там установлен левитами. В этот шатёр царь войти не имеет права. На главном жертвеннике он благословляет народ именем Бога, раздаёт, никого не обойдя, дары, состоящие из хлеба, мяса и пирога с изюмом. Народ расходится, унося домой дары, полученные из рук самого царя.

Так описывает это знаменательное событие – установление Ковчега в Иерусалиме - Первая книга царств и Псалом.

Но рассказ этим не заканчивается. Мы должны ещё узнать о встрече наших героев.

Михаль с напряжённым ожиданием прислушивается к звукам во дворце.. И вот раздаются шаги. Михаль поворачивается им навстречу

и видит перед собой человека с лицом, забрызганным грязью, с раздувающимися от восторга ноздрями, в забрызганной грязью одежде.

“Давид замер, ударенный её взглядом...в мгновение оба поняли: то, что случилось, - не исправить.

- И ты рассчитываешь на почтение черни после того, как скакал и орал подобно одному из них?! – проговорила Михаль.

Он отмахнулся от ненависти, которую излучала сейчас эта изумительно красивая женщина.

- Ради Господа! – заорал Давид.- Ради Господа, который поставил меня пастырем народа Божьего, ради него веселье моё! И не унизит оно меня в глазах последней из рабынь, а славен буду перед ними!”

Михаль отвернулась. Этот человек был так далёк от того идеального, романтического героя, которого она ждала.

На следующий день Михаль покинула дворец. Навсегда.

Рассказ второй. “Всё о Маахе”.

Другая история, связанная с женой Давида по имени Мааха, по драматизму событий не уступает древнегреческим трагедиям или Шекспиру. Она написана Давидом Малкиным по тем же древним источникам, что и рассказ о Михали. Мы коснёмся лишь основных событий.

В древности на берегу озера Кинерет, в одном из самых благодатных районов этого края, было расположено маленькое княжество. Мааха приходилась дочерью его правителя. Старый князь, отдавая Давиду свою дочь, сказал: “Не смотри, что женщина. С детских лет она при дворе и обучена всем хитростям отношений между народами. Не стесняйся спрашивать у неё совета”..

Мааха и в самом деле была умна, хитра и цинична. Воспитанная в духе язычества, она с иронией восприняла еврейскую веру. Прекрасно разбираясь в людях, Мааха довольно быстро определила для себя, на кого в случае необходимости она сможет рассчитывать, а кто станет её врагом. Однако со всеми была мила и обходительна. Постепенно она добилась уважения государственных мужей, и с ней начали обсуждать весьма важные проблемы. Подарками и лестью Мааха расположила к

себе влиятельных глав общин, которые стали примерять корону Давида на Авшалома, сына Давида и Маахи.

Мааха жила с мыслью о бунте против Давида и мостила дорогу к престолу своему сыну.

Так как старший сын Давида Амнон мог стать соперником Авшалома (в другом произношении Авессалома), она решила женить его на своей дочери, прекрасной Тамар, любимице Давида, и прибрать Амнона к рукам. Но Амнон, увлечённый Тамар, не дождавшись свадьбы, изнасиловал девушку, а потом прогнал от себя.

Казалось бы, Авшалом должен был проникнуться ненавистью к Амнону и жаждой мщения за поруганную сестру, однако, он продолжал тесные дружеские отношения с ним. Оба участвовали в попойках, бурно веселились, но мысль о расплате с Амноном глубоко засела в голове Авшалома. На одной из пирушек, среди всеобщего веселья, указав на Амнона, он воскликнул: “Зарежьте главного барана!” И через минуту Амнон уже катался по полу с разрезанным горлом.

А по стране разнёсся слух, что все принцы погибли, подняв руку друг на друга.

Только Мааха знала правду. Она утешала Давида, делая вид, что скорбит вместе с ним.

Наконец четверо принцев, участвовавших в кровавой попойке, вернулись домой, но Авшалома с ними не было; боясь наказания, он не решился предстать перед отцом.

Народ обвинял царя в суровости, сочувствуя опальному принцу, который вступился за честь своей сестры. Росла слава о его красоте и обходительности, передавали рассказы о мужественности юного Авшалома, везде, где появлялась его колесница, народ забрасывал её цветами.

Спустя два года Авшалом был прощён и вернулся из изгнания.

О нём уже говорили как о будущем наследнике престола. Пройдя школу своей матери, он разыгрывал роль демократичного, доступного защитника народа, завоёвывая всё большую популярность. Простым людям льстило, когда красавец принц, в своём пурпурном плаще, запросто разговаривал с простолюдинами, проявляя интерес к их делам и заботам, “каждому обещал помощь, а кланяться себе до земли не позволял – сам обнимал просителя, целовал в обе щёки и отпускал с

миром”. Так древний документ пишет о его способах общения с народом.

Наконец он, в союзе с Маахой, решил, что пришла пора перейти к действию.

Во главе сколоченного им ополчения он двинулся на Иерусалим и взял город.

На площади было устроено представление, в духе того времени, к которому, однако, прибегал далеко не каждый победитель. На глазах у всех Авшалом, чтоб убедить народ в своей мужской силе, вошёл в палатку с десятью наложницами из гарема Давида.

Когда люди опомнились, до них дошёл смысл позорного зрелища: теперь все они повязаны с восставшими против царя, Давид им этого не простит. Путь назад отрезан.

Судьбу восстания решил бой в лесу Эфраима, где бунтовщики были разгромлены.

Давид Малкин передаёт трагикомический эпизод о том, как во время боя у одного из солдат по имени Барух вдруг схватил живот, и он, присев по нужде, увидел человека, запутавшегося в ветвях дерева. С ужасом Барух узнал в нём царевича Авшалом, в чьи прекрасные золотые волосы - краса и гордость всей Иудеи, - вцепились ветви эйлы - фисташкового дуба.

Барух вляпался в собственную кучу и, не успев натянуть штаны, услышал грозную команду, приправленную крепким ругательством. “Командир!” – заорал Барух, бросаясь в направлении голоса.

“Только быстро, засранец,- приветствовал его командир, зажимая нос и хихикая,- ну?”

Барух собрал рукой кучу листьев и, подтирая задницу, другой рукой указал в сторону эйлы.

- Там...та...там...

-Кто там?- рявкнул Иоав - беспредельно преданный Давиду его главнокомандующий.

-Принц!

-Чего?!

Иоав выпучил глаза, потом вырвал у солдата лук, подхватил колчан со стрелами и понёсся к эйле.

-А-а, гадёныш! – протянул рыжий командующий.

-Попался! – подхватил подошедший сзади Барух.

-Заткнись, засранец!- рявкнул ему, не оборачиваясь, Иоав и стал обходить дерево, пленившее принца. – Пристрелю, как собаку! – заорал он, поднимая лук. Но вдруг опустил и обвёл взглядом поляну...Трупы,трупы,трупы...

-Знаешь, за что тебе сейчас будет смерть?- заорал Иоав, глядя вверх.

Авшалом молчал, всхлипывая.

-Не за то, что я ручался за тебя перед отцом твоим, а ты...

Иоав харкнул в кусты.

-Видишь?- Он зацепил ногой отрубленную голову.- Знаешь чья? Ничего ты не знаешь! И не можешь знать, потому что когда ты валялся с бабами в Хевроне и придумывал, как захватить королевский венец, они воевали. Они воевали! – закричал Иоав и стал ругаться скверными словами, чтобы не зареветь от обиды за своих храбрецов – иврим, которых он водил с собой в контратаку на конницу арамейского царя Арама.

А теперь они лежали, порубив друг друга, оттого что Красавчику не терпелось стать королём!

-Всё!- сказал Иоав абсолютно спокойным голосом и поднял лук.

Барух вдруг понял, что Рыжий уже не пугает принца.

-Нельзя же!- закричал солдат.- Давид не велел!

-Молчи, вонючка! – отрезал Иоав, прицеливаясь.

Хлопнула тетива – и железный наконечник стрелы с хрустом врубился в тело...

Иоав поглядел на труп, потом на дрожащего рядом солдата, обтёр рукавом лицо, прохрипел: “Закопай!” - и не оборачиваясь пошёл прочь”.

После ожесточённого кровопролитного боя, когда восставшие против Давида были уничтожены, между Иоавом и царём происходит разговор.

“Да, он, рыжий Иоав, пристрелил поганца и готов, в который уже раз, взять на себя вину за эту смерть – перед Богом и перед всеми иврим. Ну, а как мог он всерьёз принять заклинания короля не убивать его детишку! “Ради меня, будьте осторожны с парнишкой Авшаломом!”

Вместо благословения воинов, идущих в смертельный бой за своего короля, в бой, из которого многие не вернутся, Давид выкрикивал

просьбу: “Ради меня! Будьте осторожны с Авшаломом!”...

Если б это не был Давид, уж Иоав заткнул бы глотку, из которой вылетают такие вредные глупости...

-Если ты сейчас же не перестанешь скулить,- прошептал в ухо Давида Иоав,- и не устроишь благодарственный молебен с жертвоприношениями, а потом не отметишь победителей подарками, то несчастья, что обрушатся на твою голову, будут тысячекратно страшнее всего, что случилось до сих пор.

И, как уже бывало между ними, Давид с ненавистью покорился. Он тоже начал кричать и ругаться – к счастью, они были одни: никто, кроме Иоава, так и не осмелился приблизиться к королевской палатке”.

Иоав понимал, “кто придумал эту кошмарную пьесу и кто должен теперь заплатить за постановку в лесу Эфраима”: он послал своих людей в Иерусалим за Маахой, запретив им возвращаться без неё, но Мааха с дочерью Тamar бежит в горы. Солдаты несутся по следу королевы.

“Что случилось потом, никому не известно. Одни рассказывали потом, что в ту ночь на севере Голан началось извержение вулкана, другие – что на Хермоне случился обильный снегопад и великие оползни.

Иоав так и не дождался возвращения погони. И о королеве Маахе никто больше не слышал, следов её не осталось на территории Ханаана, тогда как о злосчастном бунте напоминает странное геометрическое сооружение на Масличной горе – гробница Авшалома –сына Давида и Маахи”.

Таковы истории о жёнах Давида, источник которых - рассказы древних.

До взятия Иерусалима, как известно из исторических летописей, у царя Давида было семь жён. Шесть из них подарили ему сыновей. Михаль, дочь Саула, родила девочку, Вирсавия, которой Давид пленился с крыши своего дома, родила ему четырёх сыновей.

Будучи уже в преклонном возрасте, Давид женился на красавице Ависаге. Детей у них не было. Мы не знаем о детях рабынь или наложниц Давида, но можно ли удивляться тому, что двор Давида, в особенности в последние годы его царствования, раздирали вражда и соперничество между его сыновьями, каждый из которых был убеждён в своём праве на власть в государстве.

Эта империя, которую называют маленькой, была не столь уж маленькой. Она в пять раз превышала современный Израиль. Так что было что делить наследникам между собой и что отнимать обратно соседним народам.

Давид с грустью наблюдал клубок раздоров, ненависти, ревности и интриг.

Он одряхлел. Одряхлел преждевременно, наверно, сказались годы непрерывных походов и сражений. Нелегко ему было решить, кого оставить после себя. На смертном одре он назначил своим преемником младшего сына - Соломона, едва вышедшего из детского возраста.

Давид возглавлял свой народ сорок лет после смерти Саула. Около четырёхсот лет продержалась на престоле Иудеи его династия. Он вошел в историю с ореолом идеального царя, национального героя и псалмопевца.

Соломон

Пол Джонсон пишет: “Преемник Давида, Соломон, был человеком совершенно другого типа. Если Давид был страстным, стремительным, волевым, грешным, но кающимся, сознающим грех, чистым в сердце и богобоязненным, то Соломон был личностью сугубо светской, человеком своего мира и века до глубины сердца, если только у него было сердце”.

Такова оценка исторического героя современным историком. Возможно, этот взгляд со стороны, с расстояния в тысячелетия более объективен, чем точка зрения древних летописцев, но в литературе древности Соломон изображён как исключительная личность: успешный царь, мудрец и поэт.

Таким показал его и Куприн в повести “Суламифь”, который, приступая к этому произведению, сообщал своему другу: “Я закончил работу собирания материала для “Суламифь”...Теперь сажусь за писание”. Материал, о котором говорит писатель,- сказания древних.

Последуем и мы за Куприным, а значит и за древним сказанием.

Итак Соломон. По словам писателя, “...слава о его мудрости и красоте, о великолепии его жизни и пышности его двора распространилась далеко за пределами Палестины”.

Соломон – типичный правитель Востока, окружающий себя богатством и великолепием. За золото и серебро, драгоценные камни, слоновую кость, дорогие породы деревьев, которые пошли на оформление храма и дворца, “подарил Соломон Тирскому царю Хираму двадцать городов и селений в земле Галилейской, и Хирам нашёл этот подарок ничтожным, – с такой неслыханной роскошью были выстроены храм господень и дворец Соломона и малый дворец для жены царя, красавицы Астис, дочери египетского царя Суссакима”.

Да, личность легендарная. Древние любили превозносить своих героев и не жалели красок и гипербола для их описаний. Видимо, Соломон действительно обладал незаурядным характером, был умён, ловок и влиятелен в Древнем мире.

Ещё при жизни Давида его считали преемником отца. Заняв трон, он с самого начала столкнулся с волной недовольства. Однако молодость и неопытность не помешали ему решительно расправиться со своими противниками.

Он казнил Иоава, который когда-то был для его отца опорой, сменил священнослужителей, перестроил административный аппарат, отстранил, а частично уничтожил министров своего отца.

Соломон не был воителем, как его отец. То, чего Давид добивался при помощи военной силы, Соломон осуществлял мирными средствами, используя дипломатию и опираясь на своих сторонников внутри и вне страны.

Духовность, поэтичность, присущие натуре Давида (другое дело, что над его душой иной раз брали верх иные качества), у Соломона, по мнению современного интерпретатора, сменились холодным прагматическим расчётом.

“Его репутация мудреца, – пишет о нём Пол Джонсон, – основывалась на готовности быть безжалостным. Однако правление преемника Давида в сознании потомков, как и правление отца, – “золотой век” в истории Израиля”.

Авторитет Соломона в древнем мире Ближнего Востока был достаточно высок, если среди его союзов с соседними странами немало было и матримониальных, так как правители охотно пополняли многочисленный состав его гарема своими дочерьми. Египетский фараон, нарушив вековую традицию своей страны, из всех ближневосточных правителей Соломону отдал свою дочь, присово-

купив при этом в качестве приданого важный в торговом отношении город Гезер.

По свидетельству Библии Соломон содержал 700 жён и 300 наложниц. Если в этом и было преувеличение, браки с невестами иноземных монархий Соломон действительно широко использовал в интересах своего государства, руководствуясь лозунгом: “торговля следует за невестой”.

Библия утверждает: “Он полюбил... многих чужестранных женщин, моавитянок, аммонитянок, идумеянок, хеттеянок, сидонянок”. Брачная дипломатия и торговля Соломона, как мы можем судить, шли рука об руку.

Куприн, оставляя в стороне практическую целесообразность брачной политики древне-еврейского царя, придаёт ему, согласно точке зрения древних, поэтические черты, утверждая, что своих многочисленных жён “очаровывал своей любовью Соломон, потому что бог дал ему такую неиссякаемую силу страсти, какой не было у людей обыкновенных”.

“Одно имя царя Соломона, произнесенное вслух, волновало сердца женщин, как аромат пролитого мирра, напоминающий о ночах любви”. Те, кто видел улыбку царя, “готовы были за неё отдать душу и тело – так она была неопишимо прекрасна”.

Допустим, Соломон был в самом деле неотразим, если он унаследовал красоту своего отца и его прекрасной жены- царицы, матери Соломона. К тому же, очевидно, умел нравиться, - как любовник, дипломат, политик.

Куприн, используя летописи древних, рисует романтическую любовь иудейского царя к прекрасной юной Суламифь, любовь, которая вызвала бешеную ревность жены царя, красавицы Астис, дочери египетского фараона Суссакима, и привела к гибели самой любимой из возлюбленных царя.

В древних сказаниях Соломон не только красив, но и необыкновенно умён. Хроники описывают примеры мудрых решений им споров, разногласий, просьб, с которыми обращалось к нему множество людей, сообщают о словесных состязаниях, которые устраивал Соломон со своими партнёрами по разгадыванию загадок. Этот обычай долго держался у народов Востока. В этом состоял в некотором роде приёмный этикет. На кон могли ставиться не только крупные суммы денег, но и города.

Предание говорит о том, как царица Савская, мудрая и прекрасная Балкис, наслышавшись о мудрости и богатстве Соломона, приехала к нему, принесла в дар иудейскому царю драгоценное красное дерево, “вместе с таким количеством ароматных курений, благовонных масел и драгоценных духов, какого до сих пор ещё не видели в Израиле”. И, приехав с визитом, устраивает Соломону с помощью мудрёных загадок испытание, из которого он с блеском выходит. Существует легенда о том, что иудейский царь покорил и сердце прекрасной Савской царицы. Прозаически настроенные исследователи истории находят, что на самом деле её позвали в дорогу не столько интригующие слухи о еврейском царе и его государстве, сколько меркантильные интересы, ибо торговля Южной Аравии, как и многих других стран Среднего Востока, находилась в значительной мере под контролем Соломона. Предметы торговли были самые разнообразные: строевой лес, медь, пряности, золото и серебро, слоновая кость, редкие и дикие животные, оружие.

Мы часто представляем древний мир диким, нецивилизованным, забывая о его прекрасных городах, о роскоши его правителей, которая вошла в легенды.

Таким восточным князем, со всеми присущими древней цивилизации атрибутами, был и Соломон. Построенный им дворец напоминал величие Мемфиса. Отдельный дворец был создан для его главной жены – египтянки.

Обширную часть Иерусалима занимали дома царедворцев и иерусалимской знати.

Большое внимание уделял Соломон оборонному строительству. Он обнёс Иерусалим крепостной стеной, создал ряд оборонных пунктов в стране, вооружил свою армию отрядами колесниц, для которых требовались конюшни, парки, склады продовольствия. Конечно, содержание такого хозяйства требовало немалых затрат.

Как же Соломон выходил из положения? Он создал 12 округов, и каждый из этих округов должен был раз в году в течение месяца нести все расходы по царскому двору, по снабжению армии и т. д. Не плохая организация, не так ли?

Соломон много строил. Где он брал строителей для своих работ? Это у египтян тысячи бессловесных рабов возводили пирамиды и новые города. У Соломона рабов не было. Он войны не вёл, пленных

не захватывал. Он нашёл другой выход: ввёл такую повинность, как тягловый труд. Земледельцы, ремесленники должны были оставить на определённое время своё занятие, которое их кормило, и отработать какой-то срок на царских стройках. Кроме того, немало крестьян, лишённых своей земли, стекалось в город в поисках заработка. Это были, так сказать, неквалифицированные рабочие. Их трудом руководили иностранные специалисты-наёмники.

И всё-таки расходы Соломона нередко превосходили его возможности.

Во вторую половину его царствования разразился экономический кризис, из которого Соломону пришлось выходить за счёт земель, когда-то завоёванных Давидом. В некотором роде он был расточителем русского государства. Так, за дорогостоящую кипарисовую и кедровую древесину, а также золото, которое пошло на строительство дворца и Храма, Соломон должен был уплатить своему поставщику двадцатью городами в земле Галилейской, о чём, как мы видели, упоминает и Куприн.

Главным строительством Соломона был Храм для Яхве, который он возводил с большим размахом, не жалея для его оформления самых дорогих отделочных материалов. Убранство Храма, его утварь блистали золотом и серебром, мерцала благородной изысканностью на предметах Храма слоновая кость.

Храм поражал величием и красотой. Его открытие было обставлено с большой торжественностью. Соломон сам открыл его и отслужил в храме первую службу. Но и священное место пребывания Яхве он использовал не бескорыстно. Каждый мужчина в стране должен был трижды в год, на главные религиозные праздники, приносить храму богатые подарки.

И всё-таки, несмотря на такое внимание к Храму, священнослужители были недовольны Соломоном. Они обвиняли его в идолопоклонстве. А что было делать Соломону? Ведь многие его жёны и наложницы не были иудейками, они исповедовали религии многобожия, не могли же они молиться в еврейском Храме? Им тоже надо было место, где они могли бы поклоняться своим богам. Соломон шёл им навстречу, возводя их богам капища, что плохо оборачивалось для него..

Между тем трудности в стране росли.

Всё больше становилось чванливых богатых аристократов, всё больше обнищавших крестьян превращалось в бездомных бродяг. Увеличивались налоги, которые являлись тяжким бременем для народа. Особенно недовольны были северные районы, которых Соломон ущемлял за счёт своего племени Иуды. Они - то и взбунтовались. Мятежников возглавил Иеровоам из колена Ефремова по наущению пророка Ахии. По рассказу Библии, чтобы убедить Иеровоама в том, что его поддержит большинство народа, Ахия разорвал свою одежду на 12 частей и десять отдал Иеровоаму, в знак того, что на его стороне 10 колен.

Мятежники двинули против царя большое войско, но Соломону удалось справиться с ними.

Египет в это время начал опасаться растущей силы еврейского государства и рад был укрыть у себя главу мятежников.

Хотя опасения Египта были напрасны. Своими абсолютистскими замашками Соломон не укреплял, а ослабил страну и внёс раздор между коленами, что обернулось непоправимыми последствиями у его преемника.

Со смертью Соломона закончился “золотой век” еврейской истории.

Соломон оставил память о себе как прославленный мудрец, покоривший своим умом и обаянием царицу Савскую. Построенный им Храм поражал роскошью и красотой и долго служил предметом гордости евреев, а после трагического разрушения - предметом легенд. Количество жён и наложниц Соломона неизменно вызывало интерес у читателей Библии. Теневые стороны его правления были забыты – легенды остались.

Согласно одной из них, Соломон был в любовной связи с царицей Савской, которая родила от него сына.

Из того же Савского царства, ставшего впоследствии Абиссинией, как известно, произошёл и наш Пушкин. Кое – кто даже умудряется считать великого русского поэта прямым потомком этого союза – еврейского царя и Савской царицы.

Правда, появилось и мнение о том, (вопреки воспоминаниям самого прадеда поэта), что Пушкин был вовсе не сыном абиссинского князя, а происходил из какого-то другого племени. Так что наше представление о великом поэте подвергается переосмыслению, -

вполне понятному: разве может поэт – национальная гордость россиян- содержать в своих жилах кровь семитов, ведь абиссинцы принадлежат к семитской расе. Нет, Пусть Пушкин будет кем угодно, но только не семитом.

А может быть, и в самом деле существует прямая связь между еврейским царём Соломоном и русским поэтом Пушкиным ?!!
Взгляните на черты поэта

ИЗРАИЛЬ И ИУДЕЯ

Рассказывая о еврейской истории, мы дошли до того времени, когда эта история раздваивается. Это уже не единый путь. Это два государства, две армии, две исторические судьбы.

Провидению угодно было разделить единый народ надвое и дать каждой половине свою историю, свою судьбу. Эти половины то сталкиваются в противостоянии, то сходятся в дружеском взаимодействии, то расходятся в несогласиях и обидах. Иногда сражаются вместе против общего врага, а иногда и идут друг на друга.

Как же произошло это разделение? Как случилось, что единое государственное образование Израиль распалось на два еврейских государства: Израиль и Иудею?

Виновником злосчастного распада явился наследник Соломона, его сын Рехавам.

Только три дня пробыл Рехавам царём сильного авторитетного Израиля.

Раскола он не желал, все дело было в его неумном поведении.

Рехавам знал о мятежных настроениях северных колен, поэтому, чтобы польстить им, он решил провести свою коронацию не в Иерусалиме, а в северном Сихеме. Однако празднество обернулось бедой.

Старейшины Севера решили воспользоваться случаем и обратились к Рехаваму с просьбой дать им больше самостоятельности в решении своих вопросов, а также сократить налоги и повинности, более тяжёлые, чем у привилегированных южан.

“Твой отец,-сказали они,- наложил на нас тяжёлое иго, ты же облегчи нам тяжёлую работу твоего отца.Тогда мы будем служить тебе”.

Задумался Рехавам: как поступить? Молод он, неопытен. Что скажут его советчики?

“А ты пообещай, что сделаешь так, как они просят,-сказали мудрые, поднаторевшие в хитростях старые царедворцы,- а когда они успокоятся, поступай по-своему”.

“Ты царь,-горячились его молодые друзья,- прояви свою власть и волю!”

И Рехавам проявил волю. К тому же хитрость была ему не по нутру.

“Отец мой наложил на вас тяжёлое иго,- заявил он высокомерно своим просителям,- а я его ещё увеличу”.

Если б знал он, что своей молодой чванливостью меняет ход еврейской истории?!

“И увидели израильтяне, что царь не послушал их,- говорит древняя книга,- и сказали: “Пойдём, Израиль, по шатрам своим! А ты знай свой дом, Давид!”

Так образовалось два государства. Северный Израиль откололся от единого царства, просуществовавшего почти сто лет. Он сохранил старое название -Израиль. Южное царство с тех пор получило имя Иудеи, поскольку в него вошли колена Иуды.

Вместо одного сильного государства образовалось два слабых, которые враждовали между собой. Они не могли удержать власть над чужеземными областями, завоёванными их отцами, и одно за другим отпадают от них подвластные прежнему Израилю территории.

Иудея оказалась более стойкой, чем Израиль. Она состояла из одного колена, происшедшего от Иуды, да ещё было в ней колено Вениаминово. Это определило её спаянность и верность династии Давида.

Откровенно говоря, автор находит в недавней истории России аналогию с древними еврейскими государствами. Когда ряд республик, в том числе и Прибалтийские, обратились к всесильному советскому партийному и государственному деятелю с предложением предоставить им большую самостоятельность (ведь дошло до того, что даже кулинарные рецепты предписывались из Москвы), они получили отказ. Начались волнения. “Пусть выпустят пар!” – говорили правители в Москве, не подозревая, подобно Рехавоту, надвигающейся угрозы. Потом против демонстраций кое-где были направлены вооружённые омоновцы. Кончилось всё это развалом страны. А требовалось всего-навсего сесть за стол и расширить права республик, не желающих больше, в обстановке экономического кризиса, терпеть нелепый диктат.

Как неумный израильский правитель древности, так же, при подобных же обстоятельствах, современные близорукие рехавоты привели страну к развалу. Наверно, надо было им изучать еврейскую историю!

Израиль

Израиль первым из еврейских государств погиб в волнах бушующего вокруг него враждебного мира. Да и как мог он противостоять этому миру, если его беспрерывно раздирали внутренние противоречия. За два века существования Израиля на его троне сменилось 19 правителей, которые, как правило, не держались у власти больше одного-двух лет, иные царствовали всего несколько месяцев, а один и вовсе 7 дней, причём многие кончали насильственной смертью от рук своих соперников.

Мало кто из израильских правителей оставил по себе заметный след в еврейской истории. Среди них выделяются Омри и его сын Ахав.

Омри принял израильский престол, когда страна, разорённая неумным и корыстным правлением его предшественников, находилась на грани гибели.

Ему удалось погасить междоусобицы, одержать внушительную победу над вторгшейся в страну объединённой армией нескольких государств, отбив у них охоту к дальнейшим военным кампаниям против Израиля. Реформы и новые законы Омри были направлены на развитие торговли и ремёсел. Он осуществил ряд успешных завоеваний, значительно раздвинув границы своего царства.

Соседи считали Омри грозным царём. Древняя таблица гласит: “Царь израильский Омри много дней угнетал Моав”. Ассирия произносила его имя с почтительным страхом. Его слава царя – завоевателя вышла за пределы Ближнего Востока. И всё же Омри оказался невольным виновником мятежа и возмущений в стране. А в конечном итоге и её гибели.

В то время, о котором идёт речь, во главе торгового государства Сидон стоял бывший жрец, человек предосудительных страстей и дел, который захватил трон убитого им царя. Его дочь, Тирская принцесса Изевель, по части чёрных дел, интриг и убийств, была подстать своему отцу. Древние историки применяют к ней эпитет “архираспутная”.

Омри, желая завязать более тесные связи с торговыми городами-царствами Тиром и Сидоном, убедил своего сына Ахава жениться на Изевель. Коварная и бесцеремонная принцесса сумела сконцентрировать в своих руках большую власть, добилась отмены гражданских свобод, тех свобод, ради которых Израиль пошёл на разрыв с близкой

ему Иудеей; разожгла политические страсти в стране. Но основная вина, которая вменялась ей, состояла в том, что она наводнила страну финикийскими жрецами, исповедующими культ бога Ваала.

В Самарии, столице Израильского царства, был воздвигнут “Дом Ваала”. Его пышный культ привлекал многих израильтян, главным образом из придворных кругов, что вызывало недовольство народа и решительную критику со стороны пророков – глашатаев настроений и идей простых иудеев.

Библия обвиняет Ахава в попустительстве в отношении языческой веры и, обходя молчанием его добрые дела, подробно рассказывает историю с виноградником, которая рисует Ахава в неблагоприятном свете, хотя, повидимому, главным инициатором была Изевель.

По рассказу Библии, Ахаву приглянулся виноградник некоего Навота, и он выразил желание купить его, но Навот ответил: “Мои предки сажали и выращивали его, и я много труда вложил в него. Как же я могу его продать?”

На помощь Ахаву приходит Изевель. С привычной для неё способности к интригам, она нанимает двух нечестивцев, которые пишут ложный донос на Навота, в результате чего он был обвинён в измене и казнён, а виноградник стал собственностью Ахава.

“Ты убил, а ещё наследуешь!” – с гневом упрекает пророк Илья нечестного властителя.

Этот эпизод из Библии, характеризующий демократизм древнего писания, не скрывающего предосудительных поступков израильских правителей, был довольно широко известен среди верующих, а пророк Илья, с лёгкой руки авторов Библии, для многих поколений евреев и христиан, стал олицетворением божьего человека, который не боится резать правду сильным мира сего.

В Книге царств, свободной от пристрастного отношения ортодоксальной религии к Ахаву, перед нами совсем другой человек – талантливый полководец, самоотверженный воин, истинный герой.

В этом месте нашего повествования мы несколько отойдём от темы, чтобы сказать о воинственных качествах евреев древности.

М. Даймон пишет, что если евреи, впервые пришедшие в Ханаан, – это мирное племя, которое лишь в исключительных случаях бралось за оружие, то за прошедшие с тех пор века они совершенно изменились.

**В ЭПОХУ ЦАРСТВ ЕВРЕИ БЫЛИ “ВОИНСТВЕННЫМ
НАРОДОМ, БЕССТРАШНЫМ НА ПОЛЕ БИТВЫ,
НЕПРЕВЗОЙДЁННЫМ В БОЕВОЙ ДОБЛЕСТИ.**

Подобно грекам, они славили свои марафоны - величественные победы, одержанные вопреки самым неблагоприятным обстоятельствам. Но в отличие от греков, которые смиренно покорились римлянам после своего поражения, евреи не переставали воевать со своими поработителями, пытаясь вернуть себе политическую независимость и религиозную свободу. С мужеством, которое граничило с дерзостью, евреи отваживались вести войны с такими могучими державами, как Сирия, Финикия, Египет. В то время как другие народы трепетали при приближении ассирийских и вавилонских полчищ, Израиль и Иудея взывали к доблести и мужеству своих соседей и сколачивали из них коалиции для борьбы с врагом. Они походили скорее на людей эпохи Возрождения с их склонностью к ярким драматическим эффектам”. (М. Даймонт. “Евреи, бог и история”)

Такова оценка современным писателем далёких еврейских предков.

Автор надеется, что последующее закомство с древней еврейской историей позволит читателю принять справедливое замечание М. Даймона о непревзойдённой воинской доблести древних евреев.

Народы древнего мира в этом отношении отдавали евреям должное.

Однако “через столетия, как пишет М.Даймонт, уже во времена западной цивилизации, в сознании народов утвердился новый, ныне стереотипный образ еврея -мирного, даже кроткого существа”.

Тут американский писатель выразился довольно мягко, ибо западная цивилизация культивировала образ не только кроткого, но трусливого еврея, не способного к борьбе, к сопротивлению, о чём ещё пойдет речь в нашей книге.

Настойчиво внедрялось такое представление о евреях и в сознание россиян в царской России, вопреки многочисленным фактам героического поведения евреев- солдат русской армии, вопреки мужественной борьбе евреев против царского режима.

И в советское время цель пропаганды сводилась к искажению нравственных качеств еврея в духе антисемитских представлений.

Возможно, современная история Израиля, маленькой страны, противостоящей огромному арабскому миру, поможет кое-кому понять лживость стереотипного образа трусливого еврея, лживость МИФА о прирождённой трусости евреев...

Возвращаясь к истории еврейских царств, надо сказать, что она была непрерывной полосой войн и сражений, которые являли высокие воинские достоинства защитников еврейских государств древности.

Эти войны и сражения авторы древних книг рисуют со всеми подробностями, описывая тактические манёвры, военные операции, батальные сцены современных им сражений. Из летописей мы узнаём и о войнах израильского царя Ахава, о котором идёт речь в нашем рассказе.

Древний документ рассказывает, что примерно в 870 году до н. э. сирийский царь Венадад, объединившись с тридцатью двумя арамейскими правителями, повёл на Израиль огромное войско с колесницами и конными отрядами. Он осадил столицу Израильского царства Самарию, отрезав Ахава от основной части его войск. Казалось, судьба Израиля была решена.

Венадад предъявил Ахаву жёсткие требования, уверенный в том, что Ахав вынужден будет их принять. Но израильский царь отверг эти требования, и тогда Венадад, по словам летописи, намекая на огромную численность своего войска, сказал: “Праха самарского хватит по горсти для всех моих людей”.

“Не хвались подпоясываясь, а хвались распоясываясь”, - с достоинством возразил ему Ахав.

В то время, когда Венадад беспечно пировал со своими союзниками, ему сообщили, что из осаждённого им города вышла небольшая группа израильских войск и спускается с холма.

“Взять их живыми, с миром они идут или с войной!” - приказал Венадад, не оставляя весёлого пира.

Отряд же израильтян, выпущенный из города, состоял из отборных воинов Ахава. Вступив в бой с преследовавшими его солдатами противника, он должен был отвлечь внимание противника, в то время как основные силы Ахава устремились в атаку на войска Венадада, которые удерживали выход из осаждённого города.

Ошеломлённые неожиданным нападением, воины Венадада обратились в бегство. Бежал и Венадад, вскочив на первую подвернувшуюся ему лошадь.

Засевшие в узком горном проходе израильские гарнизоны атаковали бегущего в панике противника и довершили его сокрушительный разгром.

Но Венадад не отказался от своих захватнических планов в отношении Израиля, хотя ему потребовалось несколько лет, чтобы снова собраться с силами и попытаться взять реванш.

Древнее сказание свидетельствует, что Венадад вторично потерпел поражение и пал к ногам Ахава с просьбой о пощаде.

Ахав внял мольбе пленного и отпустил Венадада с его приближёнными с миром, взяв, однако, с него обещание отказаться от военных действий против Израиля и не препятствовать его торговле.

Не все в Израиле одобрили эти действия царя, но Ахав смотрел вперёд. Он наблюдал за растущей мощью Ассирии и понимал, что перед лицом идущей от неё опасности ему необходимо заручиться миром на своих западных границах.

Из ассирийских исторических хроник известно, что в середине 9 века до н.э. набравшая мощь Ассирия начала свой великий завоевательный поход.

Историк Х.Тадлер называет Ассирию “в высшей степени агрессивным месопотамским царством”, чьи “грабительские походы на Северную и Центральную Сирию сопровождались опустошениями и беспримерной жестокостью”.

Ассирийцы двигались со страшной силой, “обращая в развалины города, сжигая сады и урожай на полях, убивая и увозя пленных”. Это был “вал огня и смерти”.

Ахав, не убоившись мощи захватчика, пошёл на него во главе объединённой им армии союзников.

Ассирия к этому времени обладала самым совершенным наступательным оружием. Тараны, складные лестницы, шестиколёсные стенобитные орудия, покрытые листовым металлом, колесницы, всадники, лучники и копьemetатели,- вся эта армада представляла грозную силу, наводившую ужас своей мощью на соседние народы. Но и противостоящий ей Израиль со своими союзниками представлял немалую силу. Ядро их армии составляли

2000 колесниц, выставленных Израилем. Одних только пехотинцев было 50 тысяч.

На границе Каркала произошла кровопролитная битва, после которой на поле боя осталось 20 тысяч павших воинов. Так говорит древняя летопись.

Ассирия потерпела от Израиля, поддержанного союзниками, сокрушительное поражение, которое на многие десятилетия приостановило её экспансию. Приостановило, но не предотвратило окончательно.

Войны. Войны. Мир был не в обычаях этой эпохи. Правители умирали в своих постелях от ножа соперника или от ран, полученных на поле боя. Так было и с Ахавом.

Вот история его гибели, рассказанная древними.

Пока Ассирия набиралась сил для новых захватнических походов, продолжалось противостояние Ахава и сирийского царя Венадада, который, несмотря на договор, не выполнил своего обещания оставить захваченные им ранее израильские города. Поэтому Ахав решил вернуть их силой. На этот раз его союзником был иудейский царь Иосафан.

Когда Ахав спросил его: “Пойдешь ли ты со мной на войну?” - Иосафан отвечал: “Как ты, так и я. Как твой народ, так и мой народ. Как твои кони, так и мои кони”.

Что касается Венадада, он хорошо помнил уроки, данные ему Ахавом в предыдущих сражениях. Для него Ахав был опасней любого противника. Свои войска он наставлял: “Не сражайтесь ни с малым, ни с великим, а только с одним царём израильским”.

И вот начинается битва.

Сирийцы бросаются к появившейся на поле боя царской колеснице противника, но, к их разочарованию, в ней оказывается не израильский, а иудейский царь.

Ахав же сражается с самого начала битвы впереди своего войска. Он бесстрашен, и его войско, видя впереди своего командира, вдохновляется его мужеством и доблестно бьётся с врагом, одерживая верх над ним.

Ахав – в доспехах, неуязвимых для стрел. Но, видимо, от судьбы не уйдешь. Случайная стрела попадает в сочленение между доспехами и входит в его тело. Ахав тяжело ранен. Он истекает кровью, но не

выдаёт своих страданий, продолжая руководить сражением: его уход может вызвать среди воинов нежелательную реакцию, побудить к отступлению. И, скрывая свою рану, он сражается, стоя на своей колеснице, до вечера, а на рассвете умирает.

“Истекая кровью и героически скрывая свою рану от глаз своих воинов до самого вечера, Ахав предотвратил поражение”. (Хаим Герцог и Мордехай Гишон “Библейские рассказы”)

Утром должно было вспыхнуть новое сражение. Но оно не началось. Весть о гибели царя повергла его войско в уныние. Никто не мог заменить Ахава. Утром израильтяне и иудеи оставили поле боя и ушли “каждый в свой город, каждый в свою землю”. Это не было отступление. Это был отказ от битвы солдат, удручённых гибелью своего командира.

После героической смерти Ахава трагические события потрясли Израиль. Ненависть израильтян против Изевель вылилась в заговор и в мятеж, во главе которого стоял пророк Элиша, поручивший Иегу, одному из доблестных генералов погибшего царя, возглавить поход против “сидонской блудницы”.

Иегу решительно расправился со всеми членами царского дома Ахава, уничтожил “всех вельмож его, близких его, и священников его, так что не осталось ни одного уцелевшего”.

Изевель выбросили из окна её же евнухи, “кровь её обрызгала стены и лошадей, Иегу поправ её ногой”. Были истреблены все жрецы Ваала, разрушено его капище, и “сделали из него место нечистот до сего дня”, утверждает древняя хроника.

Пророки достигли своего: культ Ваала был искоренён...

В истории Израильского царства периоды упадка и подъёма сменяют друг друга. Было время (конец и середина 8 века до н.э.), когда израильтяне овладели Дамаском, всей Южной Сирией и Заиорданьем. Их северная граница совпала с границей времён царя Давида и Соломона, а южная доходила до Мёртвого моря.

В их руках оказались главные торговые пути из Сирии в Египет. Им сопутствовал экономический расцвет, развивалось строительство, архитектура, особенно в главном городе Самарии. Однако, наряду с этим, происходило обнищание крестьян. В защиту бедных и обездоленных громко звучал голос пророка Амоса, вышедшего из народной среды, обличавшего богатеев, погрязших в беззакониях и пороках.

Происходили непрерывные дворцовые перевороты. И всё-таки Израиль одерживал важные военные победы. Особенно впечатляет его противостояние могучей Ассирийской империи.

Ассирии потребовалось десять лет ожесточённой борьбы, прежде чем она взяла верх над маленьким непокорным народом. За это время сменилось три ассирийских царя. Первый из них, прозванный “яростным”, сумел овладеть лишь несколькими незначительными областями Израиля. Его преемник не был удачливее, лишь третьему, Саргону, удалось захватить осаждённую столицу Израиля Самарию, которая оказывала героическое сопротивление в течение 3-х лет.

“И пошёл царь ассирийский на всю землю, и приступил к Самарии,- повествует Книга царств,- и держал её в осаде три года”.

“Можно представить,- пишет исследователь,- что должен был вытерпеть народ Израиля, какую стойкость и мужество должен был проявить, чтобы три года выдерживать натиск более сильного во много раз противника.

Александр Македонский осаждал Тир в течение 7 месяцев, римский полководец Марцелл овладел Сиракузами после 2-х лет осады. А тут - три года”. Три года самоотверженного, бесстрашного противостояния.

Но очень уж неравными были силы.

Захват Самарии предшествовал и шантаж, и коварство ассирийского царя, который обложил Израиль непосильной данью, и многие другие способы, с помощью которых захватчик старался расколоть этот твёрдый орешек, каким являлось для него северное еврейское царство.

“Не лучше ли покориться?” – предлагала проассирийская благоразумная партия. Но Израиль предпочёл противостояние. “И что удивительного: - замечает М.Даймонт,- он был недалёк от победы”.

Самария, обескровленная и обессиленная, нашла свою гибель не в открытом бою. Ассирийцы, избежав открытое столкновение, удушили осаждённый город голодом.

Последствия войны были для Израиля катастрофическими. Худшего нельзя было и придумать.

Ассирийский царь не пожелал оставить у себя в тылу такой упорный, непокорный народ. Десятки тысяч евреев были изъятые из своих родных мест и переселены в Месопотамию. На их место были

насильственно пригнаны другие народы. Сельскохозяйственные угодья, на протяжении тысячелетий с необыкновенной тщательностью осваиваемые евреями, в течение 2-х лет были розданы новым переселенцам поневоле.

Израильское государство прекратило своё существование. Перестал существовать и народ Израиля. Вырванный из своей почвы, он растворится среди других народов, смешавшись с ними. Среди членов правительства, учёных, военачальников других стран ещё долгое время будут мелькать израильские имена, а народа израильского уже не будет. Он растворится, ассимилируется, исчезнет.

Иудея.

Почти на полтора века Иудея пережила Израиль, но разница была коренная, основополагающая: грядущая гибель Иудейского государства не станет гибелью её народа.

Если говорить об истоках Иудеи, мы должны вспомнить, что ею стала южная часть еврейского государства, оставшаяся после того, как от него отделились северные районы.

Конечно, это не могло не ослабить страну, чем сейчас же воспользовался Египет. Он напал на Иудею, разгромил её города, сжёг посеи. Рехаваму, первому иудейскому царю, по вине которого и произошло разделение, удалось уберечь от разорения Иерусалим, откупившись от египтян сокровищами Иерусалимского храма.

После этого, наученный горьким опытом, Рехавам всю свою энергию направил на усиление обороны своего сузившегося государства. Библия свидетельствует:

“И утвердил он крепости сии и устроил в них начальников и хранилища для хлеба, деревянного масла и вина. И дал в каждый город щиты и копья и утвердил их власть сильно”. Ну, хлеб и вино – это понятно, это для пропитания.. А деревянное масло? Оно же несъедобно. Деревянное масло – для богослужения, которое никогда не забывалось евреями.

Крепостей было много. Для командования ими надо было найти надёжных, преданных военачальников. Но и сыновей у Рехавама было много – 28, от восемнадцати жён и шестидесяти наложниц. Из их числа он и выбирал командиров крепостей.

Помимо крепостей были построены сторожевые заставы, военные форты для охраны водных источников, сигнальные башни. Это были глаза и уши государства, маленькой страны, окружённой враждебными, часто намного более сильными соседями. Учёные сравнивают Иудею этого времени с дикобразом, который выставлял все свои иголки навстречу опасности. Об одной из крепостей писалось, что она “находилась на гребне горного хребта, остром, как лезвие меча”. Захватчику надо было хорошо подумать, прежде чем решиться на штурм такой крепости.

Древней Иудее противостояли такие могущественные государства, как Ассирия и Вавилон. Словно маленький Давид, стояла Иудея против ассирийского Голиафа. Но она не пасовала перед противником. Ассирия, в столкновениях с ней, несла весьма чувствительные потери.

В 705 году до н.э. на ассирийский престол взошёл Санхериб, против которого царь Иудеи Хизкия сколотил и возглавил военный союз. Согласно договорённости, Египет должен был ударить с юга, а Сирия поддержать ведущую силу – Иудею, с севера.

Предвидя ассирийское вторжение, Хизкия укрепляет Иерусалим, в частности в скалах был высечен туннель в несколько сот метров, через который вода поступала в город, - знаменитый Силоамский туннель, который существует и поныне.

Ассирийцы не заставили долго ждать себя. Санхериб вторгся в южную Иудею. Её главный город Лахиш ответил упорным сопротивлением, но ассирийцам удалось прорвать его крепостную стену, после чего они варварски разграбили город, угнали его жителей в плен и потом подошли к Иерусалиму.

Как это уже случалось не раз, Египет, по существу инициатор союза против Ассирии, убоялся её мощи и не пришёл Иудее на помощь, так же как и другие её союзники. Маленькая Иудея осталась лицом к лицу с могущественной империей.

Санхериб направил к Хизкиягу своих парламентариев с требованием сдать город и с угрозами жестокой расправы в случае неповиновения.

Давид Малкин пишет: “И вот теперь, читатель, представьте: на широкой крепостной стене вокруг Иерусалима поставлен каменный стул. На нём в боевых одеждах сидит король Хизкиягу, а по всей стене изготовились для боя иудеи – все, кто только способен натягивать лук.

За их спинами женщины и дети собирают камни для пращей, затачивают бронзовые наконечники стрел, обносят воинов водой, готовятся принимать раненых. Старейшины под руководством пророка Ишиягу продолжают молиться в Храме. А по другую сторону, под стенами града Давида, шумит только что обосновавшийся военный лагерь противника. Там выстраивается немного-немало сто восемьдесят тысяч ассирийских солдат – их Санхериб отправил для сопровождения своих парламентариев: пусть посмотрят в иудейской столице на такой всего лишь эскорт”. Основные силы сирийский царь намерен двинуть потом.

По приказу Хизкиягу приоткрываются городские ворота, и через них выходят трое иудейских парламентариев.

Посольства – ассирийское и иудейское- встречаются. Существуют записи иудейского посла, оставившего потомкам описание этой встречи.

“На кого ты надеешься, что восстал против меня?”- вопрошает ассирийский парламентарий, обладавший громовым голосом. Он форсирует свой и без того необычно громкий бас, чтобы иудеи далеко услышали его и убоялись. “Сколько могучих колесниц у ассирийцев!- подолжает он убеждать.- Разве евреи могут с ними тягаться? Они надеются на своего Бога? Но он поможет им так же, как помогли другим народам, захваченным Ассирией, их боги. Не лучше ли евреям сразу сдаться? И они получают “страну олив, дающих масло и мёд”,- кривляется ассириец, глумясь и потешаясь над Хизкией.

Но иудеи, к которым обращается “остроумный” оратор, безмолвствуют.

Казалось бы, громкоголосый горлопан прав: евреи бессильны перед мощью ассирийцев. Но Хизкиягу молится своему Богу, и пророк Ишиягу молится еврейскому Богу, и...происходит чудо: наутро иудеи видят за стенами своего города пустой лагерь, оставленный ассирийцами, снявшими осаду Иерусалима и ушедшими восвояси.

Ещё одно ЧУДО? Евреи предпочитали в него верить.

Римский историк Геродот объясняет уход ассирийской армии эпидемией чумы, вспыхнувшей в Ассирии. Из исторических источников известно, что Санхериб получил известие о заговоре в его

дворце и потому покинул Иудею. Вскоре после этого он был зарезан в храме собственными сыновьями между колоннами с изображением божеств-хранителей.

Евреи же были уверены: это Бог послал им спасение.

В конечном итоге евреи понесли жестокое поражение в этой войне. Ассирийцы подчинили и разрушили Иудею. Много тяжёлого случилось с евреями и впоследствии. Но память народа – мудрёная вещь. К тому же, может быть, у евреев сила воображения усиливает память прошлого? Во всяком случае, как свидетельствует историк, “со временем сгладились ужасы ассирийского вторжения и забылась непомерная дань, уплаченная Хизкией, но сохранилась память о “чуде”, и о том, что Иерусалим не пал под натиском врага, что Иудея избежала участи Самарии и основная масса её населения осталась на родине. Эти факты ещё более подняли авторитет Иерусалима и его Храма и усилили веру в их святость и великое значение”. (“Очерк истории еврейского народа”)

Когда евреям становилось особенно плохо, они вспоминали об этом “чуде”. Они думали: если Бог помог им в трудную минуту, почему бы ему снова не прийти им на помощь. Эта надежда укрепляла дух и придавала силы.

ПРОРОКИ

В известном пушкинском стихотворении Бог обращается к пророку со словами:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Так воззвать можно к вождю, к личности, которой по силам исполниться Божьей волей, по силам поднять и вести за собой людей.

Такое представление о пророках восходит к древнееврейской традиции. Это не юродивый, изрекающий в экстазе, в конвульсиях туманные фразы, требующие догадки и расшифровки, даже не мудрец, кочующий от аула к аулу, передавая байки, исполненные народного остроумия, не кудесник, предсказывающий будущее. Еврейские пророки – это вожди. Их пламенные речи клеймили зло и неправду, пробуждали сознание людей, звали к правде и справедливости. Их влияние распространялось не только на простых людей, но и на сильных мира сего. Слово пророка могло отвратить правителя от несправедливого поступка и направить к добру. Хотя пророк в древнем обществе иудеев не имел никакого официального статуса, его влияние было огромным. Ничего подобного не было ни у кого из других народов.

Не удивительно, что это явление привлекало внимание писателей и философов далёких от древности поколений. Обращался к нему и Пушкин, который имел намерение изучить древнееврейский язык, чтобы читать в подлиннике еврейского пророка Исаяю.

*Пророк Захария.
худ. Микеланджело.
Роспись Сикстинской
капеллы. 1508 – 1512 гг.*

*Пророк Исая.
худ. Микеланджело.
Роспись церкви Сан
Агостино. 1511 – 1512 гг.*

В повседневности пророков отличала нравственная высота и пренебрежение к жизненным благам, что и делало их слово таким весомым и убедительным, ибо, не желая ничего для себя, они поглощены были мыслями о судьбе простых тружеников, судьбе народа и государства. Древние евреи были убеждены, что пророк послан самим Богом, чтобы указать людям путь к праведности и счастью.

Из пророков “письменных”, то есть тех, которые оставили после себя письменные памятники, наиболее известны Амос, Исайя и Иеремия.

Амос

Амос вышел из простых пастухов и не считал себя пророком. Он говорил о себе: “Я не пророк и не сын пророка. Я был пастухом, но Яхве взял меня от овец”.

Суровым обличением богатых и алчных звучал его голос: “Вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овец из стада, пьёте из дорогих чаш вино, уснащаете свои тела благовониями, ...- вы притесняете бедных, угнетаете нищих”.

Амос обличает судей, которые превращают суд в “отравленное” действие, лицемеров – святош (“ненавижу, отвергаю праздники ваши”), лихоимцев – чиновников (“и взыщу с вас за все беззакония ваши”). Его устами говорит Всевышний, обращаясь к евреям с горьким упрёком: “Только вас призвал я из всех племён Земли, потому и взыщу с вас за все беззакония ваши”. Амос напоминает, что с евреев особый спрос, потому что, по замыслу Бога, они должны быть примером достойной, святой жизни для всех других народов, и для этого они должны искоренить в себе всё дурное. Да, утверждает он,

ЕВРЕИ ИЗБРАНЫ БОГОМ, НО НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ
ГОСПОДСТВОВАТЬ НАД ДРУГИМИ, А ЧТОБЫ
УКАЗАТЬ ДРУГИМ ПУТЬ К ЦАРСТВУ РАЗУМА И
СВЕТА.

“Возненавидьте зло и возлюбите добро, и установите его у врат правосудия”, - призывает Амос на самой ранней поре цивилизации.

Исайя

Беспрерывные войны сотрясают землю – а еврейские пророки прославляют мир. “И не поднимет народ на народ меч и не будет больше учиться войне”, – заглядывает в будущее Исайя. Эти слова пророка можно прочесть сегодня на стене у здания ООН в Нью-Йорке. Великая честь для столь далёкого от нас по времени мудреца.

Однако с грустью констатируем: человечество так же далеко от воплощения этого пророчества в жизнь, как и во времена Исайи, который верил, что люди “перекуют мечи на орала” (вот откуда это выражение).

Характерно, что, по мнению Исайи, именно “из праведной земли, из дома Давидова, явится судья, и будет он судить по справедливости, и решать тяжбу малых мира сего по истине”. И действовать он будет не мечом, а “бичом слова поразит он землю, и уста его поразят творящего зло”.

Проповеди тех далёких глашатаев истины – это величайшие, часто непревзойдённые образцы ораторского искусства.

В отличие от Амоса, Исайя принадлежал к привилегированному классу. Согласно Вавилонскому талмуду, он племянник иудейского царя, но все его симпатии на стороне угнетённых. “Почему вы тесните мой народ и угнетаете бедных?” – вопрошает он, обращаясь к тем, кто господствует в государстве.

Исайя считает, что не на умножение боевых коней и колесниц должно быть направлено внимание общества, а на осуществление высших идеалов справедливости и морали. Он на стороне той партии, которая настаивает, что лучше платить дань, чем проливать кровь своих сограждан. Но когда война разразилась, своими пламенными речами Исайя стремится поднять дух защитников Иерусалима, вселить в них веру в победу. Он едко высмеивает самонадеянность ассирийского царя, его притязания на господство.

В книгах Исайи явственно звучит тема жертвенности. “И нарекут ему имя: Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира, и примет он на себя грехи всего человечества и искупит всё, жертвуя собой”.

Знакомый мотив? Да-да, ещё задолго, ох, как задолго до появления Иисуса Христа, всё то, что будет потом сказано христианскими проповедниками и преподнесено, как новое слово, осенившее мир, уже

давно найдёт своё место в писаниях и речах еврейских пророков. И даже образ Девы Непорочной, которая “во чреве примет и родит сына”, за много веков до его появления в христианском писании, находим мы у Исаяи, жившем в 8 веке до рождества Христова.

В творческом наследии Исаяи особое значение имеют его моральные установки, совершенно новые для того времени. Он впервые в мировой литературе ставит вопрос о совести, о необходимости нравственной перестройки человека и общества.

Среди текстов, найденных в Кумране, есть пергаментный свиток длиной в семь метров, содержащий книгу Исаяи. Это самая сохранившаяся из всех дошедших до нас древних книг. Она поражает яркостью образов, многие из которых переключались в литературы народов позднейшего цивилизованного времени.

Пол Джонсон пишет: “Исайя был не только самым замечательным из пророков. Его по праву можно считать величайшим автором в Ветхом завете”. Писатель считает, что в учении Исаяи, нашла своё развитие мысль о назначении еврейской нации. Оно состоит в том, что

**ЭТО “МИССИЯ ИЗБРАННОЙ НАЦИИ, СТРАДАЮЩЕЙ
ЗА ВСЁ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО”.**

Значащая оценка, которая заставляет задуматься о многом.

Тексты Исаяи, по выражению историка, “остались самыми популярными из всего Святого писания”. Это объясняет и повышенный интерес к ним Пушкина. Кстати сказать, в пушкинскую эпоху, да и позднее, древнееврейский язык изучался образованными людьми наравне с древнегреческим и латинским. Лев Толстой, например, владел им наряду со многими другими древними и современными языками.

Чтобы кончить рассказ об Исае, нельзя не вспомнить предание, которое утверждает, что за своё смелое проповедничество пророк вызвал такую слепую злобу царя Манассия, что был по приказу тирана распилен надвое.

Если это и миф, то он весьма показателен, ибо говорит о значении пророков в жизни древних евреев. Нужно было обладать большим влиянием и авторитетом в обществе и в народе, чтобы вызвать у правителя желание с такой ненавистью расправиться с человеком, единственным оружием которого было слово.

Иеремия.

Пророк Иеремия проповедовал спустя 100 лет после Исаяи.

Он был выходцем из семьи незнатного священника и видел свою миссию в высоком предназначении. (“И сказал мне Яхве: “Вот, я вложил слова мои в уста твои”). Ещё раз обратимся к Пушкину. Сравним:

И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замёршие мои
Вложил десницею кровавой.

Иеремия глубоко переживал страдания, выпавшие на долю Иудеи. Несколько раз он предпринимал шаги, которые должны были удержать правителя Иудеи от непродуманных поступков. Он посылает царю грозное пророчество, желая предотвратить войну с Вавилоном. Разгневанный царь разорвал свиток, полученный от Иеремии, в клочья и бросил в огонь. Но Иеремия пишет царю новое послание, дополненное новыми угрозами, которые могут быть последствием роковой ошибки царя. И снова безуспешно.

Осаду Иерусалима Вавилонией Иеремия переживает, как величайшую личную трагедию.

Его заключают в тюрьму, как предателя, ведь он, как мог, противился войне. После падения Иерусалима начальник Годония выпускает Иеремию из грязной ямы, где он содержался, страдая физически и морально, избитый, удручённый страшным поражением Иудеи.

Годония предлагает ему выбор: стать изгнанником в Вавилоне или остаться на разорённой земле. Иеремия выбирает второй путь, но радикальные евреи снова организуют заговор против Вавилона, и снова неудачный.

Руководители нового бессмысленного кровопролития бегут в Египет и насильно увозят с собой Иеремию. Здесь он умирает в конце 80-ых годов 6-го века до н.э.

Иеремию считают самым несчастным персонажем Библии. Даже семейных радостей не дал ему Бог, запретив жениться, ибо ужасная судьба была бы уготована и его детям.

Сколько боли и отчаяния в его словах: “Будь проклят тот день, когда я родился! Зачем я вышел из утробы?! Чтобы видеть муку и скорбь, и чтобы закончить дни мои в поругании?”

Он ушёл из жизни, страдая от сознания, что не мог оказать влияния на события своего времени, не мог ничего сделать из того, чего добивался, не мог остановить зла, за что считал себя ответственным. Он пророчествовал, но люди ему не вняли.

Однако потомки его не забыли. Писатель Тёлушкин замечает, что “этические наставления Иеремии вошли в кодекс поведения евреев”. Например:

Да не хвалится мудрый мудростью своей.

Да не хвалится сильный силою своей.

Да не хвалится богатый богатством своим

Пророческие книги Иеремии нашли отражение в произведениях более поздних еврейских философов. Во времена Маккавеев его почитали как защитника народа и священного Иерусалима. Христиане считали его предтечей Иисуса, который так же, как Иисус, понёс мучения за народ.

Главное, что оставил Иеремия евреям, говорит Тёлушкин, - свою веру в возрождение Иудеи. Сегодня в Израиле, на каждой традиционной еврейской свадьбе, звучит сионистское пророчество Иереми: “В городах Иудеи и на опустевших улицах Иерусалима ещё слышен будет голос радости и голос веселья, ликование жениха и ликование невесты”.

Заключая рассказ о пророках, надо ответить на вопрос: имела ли их деятельность практические результаты?

Учёные считают, что она стимулировала перемены в еврейской религии. Одна из этих перемен – замена Храма синагогами, ставшими прототипом и христианской церкви, и мусульманской мечети. Молитва, впервые введённая в обиход евреями, стала символом верности Богу и способом общения с Богом.

Большое значение имело утверждение в религиозной жизни тезиса еврейских пророков о том, что этика выше ритуала, результатом чего была отмена ряда ритуальных норм, в частности жертвоприношений.

Конечно, изменения эти обязаны не только деятельности пророков, - их вызвала сама жизнь, потребовавшая новых подходов к религиозным установлениям, но и влияние пророков не только на мировую религию, но и на нравственность человеческого общества в целом имело немалое значение.

Для евреев сила пророческого слова - сила укора, наставления, пророческой веры в свой народ – окрашивала жизнь многих поколений, учила, помогала, вдохновляла.

Христианские проповедники многое унаследовали от еврейских пророков, что нашло отражение не только в содержании их учений, но и в стиле, используя приёмы которого они направляли стрелы своей антисемитской ненависти против еврейского народа, породившего это самое христианство.

ПОД ВЛАСТЬЮ ВАВИЛОНА И ПЕРСИИ

В 605 году до н.э. в битве под Кархемишем Ассирия была разгромлена Вавилоном. Вавилоняне получили всю распадающуюся империю ассирийцев. Иудея также оказалась под властью новых правителей. “Однако,-пишет М.Даймонт,- покорность была столь же несвойственна характеру иудеев, как и израильтян”. Вавилону стало это понятно, когда на третий год после пленения неукротимые евреи восстали. Против них были брошены большие военные силы. Порядок в стране был восстановлен железной рукой.

Если сразу после захвата Иудеи Вавилонией евреи лишились сокровищ дворца и храма, то теперь лучшая, наиболее образованная и организованная часть народа, десять тысяч пленных, подверглись переселению из Иудеи. Это были отборные воинские части, уведенные вместе со своими оружейными мастерами, учёные, ремесленники, царедворцы и даже сам иудейский царь.- Самые беспокойные, бурлящие слои общества.

Казалось бы, больше восставать было некому.

Вавилонский царь Навуходоносор, проявив великодушие, не стал разрушать Иерусалим и опустошать страну. Он назначил правителя Иудеи. Правда, у этого правителя не было реальной власти, но он происходил из дома Давидова, что должно было ластить иудеям.

Однако бунтарский дух иудеев снова взыграл.

Цидкияху, поставленный Навуходоносором правителем, был человеком умеренных взглядов, ему претило кровопролитие. Немало крови уже пролили евреи, избирая путь мятежа, увлекаемые стремлением освободиться от могущественного поработителя. Но Цидкияху испытывал давление с разных сторон. Радикалы верили в возможность освобождения от Вавилона, бывшие служители Храма не могли примириться с потерей храмовых сокровищ, придворные пророки, верные духу протеста, предсказывали скорое падение Вавилона. И иудеи снова восстали. Их должен был поддержать Египет, но он в очередной раз их предал.

Навуходоносор двинулся на Иудею, осадил Иерусалим.

Два года длилась тяжёлая, мучительная осада.

Под натиском вавилонских полчищ Иерусалим, погибающий от ран и от голода, пал. Страшна была судьба Цидкиягу, который противился

восстанию, но не мог его предотвратить. Он пытался бежать, но был схвачен. На его глазах были убиты его сыновья, после чего сам он был ослеплён. Подобная кара была в нравах того времени: отец навсегда запомнит казнь своих детей, картина их гибели,- последнее, что он видел, - будет всегда стоять перед его ослеплённым взором.

Скованный цепями по рукам и ногам, слепой Цидкияху был угнан в Вавилонию, посажен в темницу, где вскоре умер.

Наместник, присланный из Вавилона для управления немногочисленным, оставшимся в Иудее населением, через два месяца после своего назначения был найден убитым. Все понимали, что это была месть захватчику.

Надо сказать, что в 6-ом веке до н.э. Вавилоном управляли просвещённые цари. К покорённым народам они относились довольно терпимо. Многие переселённые евреи освоились в новой обстановке, некоторые стали купцами, коммерсантами, завязали связи с деловым миром других стран. Часть евреев приобщилась к чтению, наукам.

Библиотеки Вавилона обладали богатейшей сокровищницей древних рукописей, ставших доступными еврейским учёным. Вавилонская культура не могла не оказать влияния на образованных евреев. В то же время в Вавилоне развивается и еврейская литература.

50 лет длилась для евреев вавилонская эпопея. Она сменилась властью персидской империи, которая поглотила Вавилон вместе с перевезёнными туда евреями.

Кир Великий, персидский правитель, понимал, что лучше иметь восстановленную страну, которая будет приносить ему доход, чем пустынный разорённый край, каким стала Иудея. Поэтому он издал декрет, который давал евреям возможность вновь обрести свою землю. Мало того, он дал распоряжение оплатить расходы по постройке из царской казны, а также вернуть в Иерусалим храмовую утварь, увезённую вавилонянами.

Казалось, евреи хлынут в Иудею, но в жизни всё не просто. Кто-то за долгие десятилетия успел пустить корни в землю Вавилона, иные были стары, бессильны, им трудно было начать новую жизнь. Кого-то обуревали сомнения: что если Кир сменится, и придёт другой правитель, который снова погонит их прочь с родной земли?

Было несколько переселений в Иудею.

Первое оказалось не очень успешным. Со второй волной возвратилось свыше 42 тысяч изгнанников, в том числе священники и книжники –ортодоксально настроенные евреи. Они немедленно принялись за восстановление Храма. Потом была третья волна и, наконец, четвёртая, во главе с видным персидским деятелем, евреем по национальности, Неемией, которому было поручено управлять Иудеей как автономией.

Иерусалим в это время, после войн и восстаний, представлял печальное зрелище. Это была груда развалин. Кучка иевусеев, - всё население, оставшееся от богатого, густо населённого города, ютилась, словно звери, в подземных складах. Кочевники-бедуины и шайки разбойников время от времени появлялись в городе, чтобы разграбить то, что ещё можно было разграбить. Храм, построенный Соломоном, лежал в руинах. Всё было вынесено из богатых домов. Иерусалим напоминал город – призрак, его обходили стороной крестьяне, которые едва собирали жалкий урожай с осыпавшихся террас.

Вернувшиеся семьи запирались в своих домах, со страхом прислушиваясь ночами к крикам рыскавших по городу грабителей и вою шакалов. Безрадостным было богослужение в разрушенном храме.

Население, с согласия персидского царя, добровольно взяло на себя задачу по восстановлению былой столицы. Царь назначил Неемию губернатором и даже придал ему небольшой вооружённый отряд.

Неемия собрал ополчение для защиты города и приступил к строительству стен и городских ворот. Он оказался хорошим организатором и незаурядным государственным деятелем. Ему приходилось преодолевать не только разруху, но и сопротивление арабов, аммонитян и других жителей, которые не желали расселения евреев в городе.

Неемия оставил воспоминания о том, как шло восстановление Иерусалима. Из них мы узнаём, что прежде чем начать строительство храма, ночью, с другими руководителями стройки, он обследовал его развалины. Стройка производилась под усиленной охраной. Строители были перепоясаны мечом, “и ни я, ни братья мои,- пишет Неемия,- не снимали с себя одеяния своего; у каждого были под рукой меч и вода”.

Всё это очень напоминает заселение Палестины евреями в 19 веке, когда приходилось одновременно и возделывать землю, и осушать болота, и отражать нападения арабов.

Строительство городских стен вокруг Иерусалима было завершено Неемией за 52 дня.

Конечно, это не был Иерусалим Соломона. Город был меньше, беднее, дома ещё не были отстроены. И при этом он был пуст.

Тогда по всей Иудее отобрали по жребию семьи и привезли в еврейскую столицу.

Важную роль в возрождении Иудеи сыграла большая группа эмигрантов из Вавилонии, состоявшая из нескольких тысяч, которой руководил Эзра, еврей, занимавший высокий пост в министерстве персидского царя. Он был снабжён грамотой, которая давала ему право установить в Иудее порядки, согласные с законами Торы. Эзра стал сподвижником Неемии.

Неемия провёл социальные реформы, которые враждебно встретила иерусалимская знать. Да и могло ли быть иначе, если Неемия освободил крестьян от рабства, да ещё с землёй. Зато народ видел в губернаторе своего защитника. Его называли “вторым Моисеем”.

Неемия вместе с Эзрой думали над укреплением религиозных нравов в стране и решили повторить ход иудейского царя Иошиягу. С этой целью во все концы персидской империи были разосланы гонцы, которые возгласили народу, что в день Рош-ха-шана в Иерусалиме будут зачитаны народу книги Моисея, написанные его рукой.

Был праздник Суккот, когда по обычаю жители Иудеи совершали паломничество в Иерусалим. В эти дни состоялось народное собрание.

В торжественной обстановке, стоя на деревянном помосте, сделанном специально для этого дня, Эзра читал и разъяснял законы Торы. Книга Неемии рассказывает, как был взволнован народ, как потом все, мужчины и женщины, сыновья и дочери, с энтузиазмом подписали завет верности священным законам великого Писания.

С этого времени вошло в обиход в еврейском обществе толкование священных книг. Толкователи пользовались большим почётом и уважением.

Стало обычаем читать в синагоге по субботам в течение всего года один за другим отрывки из книги Моисея. Чтение завершалось в конце года и после праздника Рош-ха-шана возобновлялось опять с первой страницы Книги Бытия.

Учёные считают, что реформы Неемии и Эзры, как и проведенная раньше реформа Иошиягу, а также учения пророков сформировали еврейский национальный характер.

Поскольку речь зашла об Иошиягу, остановимся немного подробнее на деятельности этой значительной личности в истории Иудеи.

После падения Израиля Иудея переживала тяжёлое время. Её, как и Израиль, сотрясало соперничество враждующих группировок, стал набирать влияние культ поклонения языческим богам, усилились социальные противоречия между бедняками и притесняющими их высшими слоями общества. Прежнее единство народа распадалось. Иудее грозило повторение судьбы Израиля.

В этот критический момент, вместо убитого заговорщиками его отца, на престол Иудеи взошёл Иошиягу. Это было в 638 году до н.э.

Иошиягу понимал: чтобы сплотить народ, социальные реформы должны быть поддержаны утверждением в народе нравственной идеи, которая объединит всё общество.

И вот было широко объявлено, что в Иерусалимском Храме найдена старинная рукопись, написанная рукой самого Моисея, и что эта рукопись будет зачитана народу.

Был ли в самом деле найден старинный свиток при ремонте Храма, хранившийся там ещё со времён Соломона, или его подложили, по совместному договору правителя и священнослужителей, - неизвестно. Но важно, что со всех концов Иерусалима евреи потянулись к Храму, чтобы услышать слово Моисея.

С большой торжественностью свиток был зачитан при значительном стечении народа и освящён. Он получил название Второзакония.

Это было важнейшим актом, который вызвал волну патриотического и религиозного подъёма, захватившего все слои общества.

На волне этого эмоционального подъёма Иошиягу провёл социальные реформы и разделался с языческими культами идолопоклонства.

Подобное действо спустя более столетия осуществили и Неемия с Эздрой, что оказало важное воздействие на нравственное и религиозное сознание евреев периода персидского владычества.

Два столетия еврейской истории (с 400 до 200 года до н.э.), которые называют “тихими”, не принесли евреям ни войн, ни потрясений, ни восстаний. Если они и не были “тихими”, ни в каких исторических документах они не отражены. Однако, по словам историка, “эти два “потерянных” столетия сделали евреев народом книги”.

Евреи владели грамотой на весьма раннем этапе своего развития. Не только в городах уровень грамотности населения был высок, но и большинство крестьян в той или иной степени владели грамотой.

Но те далёкие евреи не только умели писать и читать, они все были своего рода писателями. “Писательство,- говорит Пол Джонсон,- было их национальной привычкой, чтобы не сказать одержимостью”.

Ветхий завет – очень малая часть литературы того времени. Древние евреи любили записывать истории, свидетелями которых они были или о которых слышали, события из своей жизни, проповеди пророков. “Число историй и хроник было невероятно велико”. Евреи не являлись великими ремесленниками, художниками, архитекторами, но они создали великую книгу – Библию. К сожалению, всё остальное книжное богатство евреев древнего мира скрыло от нас время. Возможно, будь тогда печатный станок, всё выглядело бы иначе, но как можно было в то время сохранить книгу? Был только один способ: переписывание - изо дня в день, из года в год, из века в век. Причём, под строжайшим присмотром церкви.

Так возник канон – утверждённые церковью образцы, которые подлежали переписыванию и сохранению, всё остальное для нас пропало.

Канонизацию, по существу жесточайшую цензуру, переняли у евреев другие религии. Конечно, канонизация не могла не препятствовать развитию литературы, но в то же время, именно благодаря ей человечество имеет Библию и связанные с ней другие письменные источники.

Эти книги древние евреи читали, штудировали и знали. Иосиф Флавий, этот крупнейший писатель древности, говорил, что если разбудить ребёнка, он скорее процитирует Тору, чем назовёт своё имя. Вот почему, при почти всеобщей грамотности, евреи уже тогда стали **НАРОДОМ КНИГИ**. И дело, как сказано выше, не только в религиозной литературе, но и в том богатстве книжной культуры древних евреев, которое, к сожалению, поглотило время.

МАККАВЕИ

Целью Александра Македонского было не только овладеть миром, но и сделать этот мир греческим, с греческими богами, греческой культурой, греческим образом жизни. Поэтому, едва завоевав новые земли, он закладывал на них новые города в греческом стиле, переселял туда греков, поощряя их браки с местным населением, и таким образом распространял эллинизм в своей империи.

Но для Иудеи Александр почему-то сделал исключение. Возможно, он понял, что этот маленький упрямый народ невозможно заставить отказаться от своего Бога. Есть, правда, легенда, маленькое мифологическое сказание о том, что первосвященник Иерусалима предсказал Александру его победу над Персией, что и явилось причиной благорасположения великого полководца к Иудейскому царству. Во всяком случае при жизни великого грека Иудея избежала насильственной эллинизации и была предоставлена сама себе.

После смерти великого полководца, неожиданно постигшей его на 32-ом году жизни, его империя распалась, и Иудея оказалась под властью Птолемеев. Она попрежнему пользовалась религиозной свободой и самоуправлением. Во главе провинции Иудея стоял первосвященник, подвластный избираемому народом синедриону, который выполнял роль и сената и верховного суда.

Юридическая система Иудеи исходила из признания равенства всех её граждан перед законом. Процедура суда включала право обвиняемого на защиту и на апелляцию. И это за много столетий до того, как произвол властей и инквизиции сменила в европейских странах цивилизованная судебная система. Кстати, исходя из сказанного, можно заключить, что суд над Христом, как он описан в Библии, совершенно не соответствует принятым в то время в Иудее судебным правилам. Но об этом речь ещё пойдёт впереди, а пока мы подошли к одному из самых драматичных периодов в истории еврейского государства.

В 198-ом году до н.э. селевкидский царь Антиох Третий отвоевал территорию Палестины у Птолемеев и включил Иудею в своё государство.

Спустя несколько лет, убив своего брата, власть захватил Антиох – Епифан, что наглядно характеризует его нравственный облик.

Властительный Елифан начал вводить новые порядки в своём государстве.

Для того, чтобы обеспечить лояльность евреев, Елифан решил заставить их отказаться от своих верований, от их Бога и навязать им греческую религию и культуру.

Надо заметить, что националистическая политика Елифана была принята без сопротивления в большей части империи Селевкидов. Повсюду воздвигались статуи греческих богов, стояли изображения самого Елифана, и население поклонялось им, как богу. Для евреев, противников идолопоклонства, которые никогда не пытались представить своего Бога в виде статуи, это было совершенно неприемлемо.

Правда, эллинизация в еврейской среде имела место. Она проходила стихийно, когда еврейская аристократия старалась перенять греческую культуру, говорить по-гречески, перенимать греческие имена. Деловые отношения также способствовали сближению с греческим образом жизни. Молодых образованных евреев привлекали греческие спортивные соревнования, ради которых они шли на мучительные операции, чтоб не отличаться от своих греческих ровесников. Даже в еврейскую религиозную жизнь стало проникать греческое влияние. Стоит вспомнить, что не так давно, уже в наше время, была раскопана синагога с великолепными рисунками из еврейской религиозной жизни, что является явным признаком сближения с греческой культурой, ведь рисунки в еврейских синагогах, как правило, отсутствовали.

Продвинутая еврейская молодёжь, которая познакомилась с греческой философией, театрами, спортом, начала охладевать к иудейской религии.

Всё это вызывало беспокойство и даже ненависть в среде еврейских консерваторов - ортодоксов. Как же было им не волноваться? Куртизанки, дома гетер, культ чувственных наслаждений, сексуальная свобода, даже распущенность, эпикурейство – всё это грозило развратить молодых евреев.

В то же время многим грекам импонировала строгость еврейских нравов, культ семьи, этическая культура евреев.

Не будь экстремистов с обеих сторон, произошло бы постепенное эволюционное взаимное проникновение двух культур, с благоприят-

ными последствиями для обоих народов. Однако история идёт своими путями. В конечном итоге экстремизм обернулся для обеих сторон человеческим безумием.

Но вернёмся к Антиоху.

Разъярённый неудачным египетским походом, он возвращался в свои владения, когда узнал, что в его отсутствие евреи расправились с назначенными им служителями Иерусалимского Храма, сбросив их в тридцатиметровую пропасть, а вслед за ними отправили в пропасть и греческие статуи, установленные в Храме.

Вне себя от гнева, властитель обрушился на Иерусалим, перебив с бессмысленной жестокостью 40 тысяч его жителей. В Храме были воздвигнуты новые статуи, и Антиох запретил под угрозой смерти обрезание и празднование субботы. Это вызвало бурный протест евреев, назревало восстание, к которому теперь готовы были присоединиться и умеренные эллинисты.

Поводом к взрыву послужил эпизод в селении Модии, когда греческий чиновник пытался заставить священнослужителя Мататьягу поклониться статуе Епифана, как богу, и принести жертву языческим богам.

Мататьягу решительно и гневно отказался. Молча стояла окружавшая его толпа, напряжённо ожидая ответной реакции грека. Наконец из толпы вышел еврей, готовый выполнить требование чиновника, и сейчас же пал к ногам статуи, сражённый мечом Мататьягу.

Узнав о случившемся, Антиох приказал сурово наказать Мататьягу, но адон, как называли его в селении в знак особого уважения, со своими пятью сыновьями уже был недосягаем, скрывшись в горах Иудеи.

В историческом романе, посвящённом описываемым событиям, Говард Фаст рисует Мататьягу – уже немолодого, мужественного, мудрого и сильного человека, с седой бородой, ниспадавшей на грудь, невольно вызывавшего своей внутренней силой глубокое почтение.

Вслед за Мататьягу и его сыновьями в горы устремились сотни крестьян, не желавших мириться с селевкидским произволом. “Вся Иудея воспламенилась, забурлила и забушевала, и не было в Иудее семьи, в которой не знали Мататьягу и его пяти сыновей. И греки, зализывая свои раны, уже не считали евреев робкими и безответными

книжниками, которые в субботу скорее дадут себя зарезать, чем поднимут руку в свою защиту...И отовсюду, со всей земли, самые сильные, самые отчаянные и смелые шли в землю Офраим”, где в горах формировались боевые отряды. (Говард Фаст)

В одном из боёв с селевкидскими солдатами Мататьягу был смертельно ранен. Умирая, он обратился к своим сыновьям со словами: “Что изрёк Господь, Симон? “Иди по стезе правды, возлюби добро и возненавидь зло”. Господь избрал нас, упрямый, жестоковыйный народ. И было в его договоре, что не должны мы преклонять колена ни перед кем- ни перед кем, Симон. Держите же высоко голову – или вся Иудея превратится в пустыню”. Так говорит Мататьягу в романе, примерно так же говорит он и в исторических хрониках.

Люди горько оплакали Мататьягу, его тело было перенесено в Модиин и там предано земле. Вместо Мататьягу во главе восставших стал его третий сын Иегуда, который вошёл в историю евреев, как один из самых выдающихся еврейских полководцев.

С глубокой симпатией Говард Фаст рисует этого незаурядного человека, почти юношу, который своим человеческим обаянием покоряет и ведёт за собой людей. Он красив мужественной и природной красотой. Его брат в романе рассказывает о нём: “Когда Иегуде было девять лет, он уже тогда отличался невыразимой красотой и достоинством”. В нём как бы воплотились все предания Израиля, “.. он был прекрасен, как Давид, чист и целомудрен, как Гедеон, страстен, как Иеремия”.

Иегуда-вождь терпелив, мягок и суров одновременно, в зависимости от обстоятельств, уступчив и непреклонен. Мы видим его не только в бою, но и на сельском поле, где он покрыт потом и грязью, с волосами, завязанными узлом на затылке, босой, по щиколотку в земле, но и тогда он говорит с греческим правителем Иудеи Никанором “с изысканным изяществом”.

Никанор предлагает Иегуде власть в обмен на отказ от борьбы, но Иегуда с достоинством отвергает это предложение. “Он всё же был Маккавей, и он возвышался над всеми, и его высокий рост и широкие плечи были столь же естественны, сколь его обаяние и доброта”. “Ему ещё не было тридцати – далеко не было – и он был в расцвете своей мужественной юности, такой высокий, стройный и прекрасный, что Никанор, грек, не мог отказать ему в почтении, которое оказывали ему все другие люди”. (Говард Фаст)

Казалось бы, идеальный образ, но влияние Иегуды на людей, его поразительные военные победы, в самых немыслимых, неблагоприятных обстоятельствах, запечатлены со всеми подробностями в исторических летописях.

До восстания совершенно далёкий от войны, Иегуда мужает и растёт как военачальник в битвах с опытным противником, его успехи – результат точного расчёта, тщательной подготовки и отваги. А кроме того, в самоотверженности его воинов, знающих, за что они сражаются, и бесконечно преданных своему командиру.

Иегуда один из первых в военной истории с исключительной эффективностью использовал тактику партизанской войны, которая позволяла противостоять самой высокой в то время военной технике и мощным легионам наёмников, состоящим из хорошо обученных и безжалостных профессиональных солдат, в несколько раз численно превосходящих силы восставших.

Вождь восстания отдавал себе отчёт в силе противника, но умело использовал его слабости: громоздкость, слабую маневренность. Исходя из этого, он и строил свою тактику, навязывая Селевкидам свои правила игры. Он наносил им удар за ударом, словно молот, который бьёт по наковальне, за что и получил имя Маккавей, от слова “молот”.

Среди его первых крупных успехов - победа над войском Аполлония, главного наместника Иудеи. Узнав о его походе, Иегуда собирает сход и обращается к своим людям со словами, запечатлёнными в хронике Маккавеев: “Наёмное войско сирийцев движется сейчас в Офроим, чтобы уничтожить нас, но, как бы ни было нас мало, мы выйдем против него и одолеем...настанет час, когда мы рассчитаемся с царём, и если он посылает на нас три тысячи людей, мы вернём ему три тысячи мертвецов: мера за меру”.

Он стоял перед людьми. Он “был их дитя и их отец, юноша и старец, и в нём причудливо смешались доброта и ярость, кротость и гордость, смирение и неукротимость”. Люди впивались глазами в своего вождя. Они верили ему.

Готовясь к предстоящему сражению, Иегуда расположил свои отряды таким образом, чтобы заставить Аполлония пройти через узкое ущелье, где греки не смогут развернуть свою фалангу – строй сомкнутых, закованных в броню, вооружённых длинными копьями наёмников, за которыми шли кавалерия и лучники. Фаланга была

смертоносным изобретением греков, которым они гордились и с помощью которого побеждали.

Иегуде надо было избежать прямого боя с этой стеной оцетинившихся копий. Он дал бой грекам в узком ущелье. Когда первый отряд Аполлония вступил в ущелье, он был атакован с разных сторон повстанцами и попал под перекрёстный огонь. Идущие следом отряды греков, не зная, что происходит в ущелье, напирали на передних. Всё войско было сжато в узком пространстве. Наёмники, с ожесточением погибающих, старались проложить путь из ущелья. Говард Фаст так представляет этот бой, в котором сошлись не только два войска, но лицом к лицу скрестили свои мечи и командиры: “Аполлоний был столь же грузен, сколь Иегуда строен, и столь же уродлив, сколь Иегуда красив...Грек был тяжёл и грузен, как бык, Иегуда же проворен и гибок, как леопард галилейских холмов”.

Поединок между ними закончился победой Иегуды, как и всё сражение.

Грекам стало ясно, что повстанцы – это не сборище деревенщины, как они с презрением выражались сначала, а сила, с которой приходится считаться.

Желая расправиться с восставшими, Антиох направил против них вдвое большее, чем у Аполлония, войско под командованием генерала Сирона, который представлял свою задачу как лёгкий поход против горстки партизан. Уж он-то не попадёт в ловушку, как Аполлоний. Соединившись с иерусалимским гарнизоном, он двинется на подавление всей Иудеи. Таков был стратегический план Сирона. Разве устоят Маккавеи против его силы и ума?!

Войско Сирона и в самом деле обладало внушительной мощью. Оно двигалось, гремя своими железными доспехами, увесистыми мечами, копьями и тяжёлыми стрелами. У партизан стрелы были лёгкие, с которыми легче было управляться.

Двигалась эта грозная армада шеренга за шеренгой, отряд за отрядом, а повстанцы наблюдали её нескончаемый поток, окопавшись на склоне горы, и страх заползал в их сердца. И, понимая это, Иегуда обратился к своим солдатам с горячим призывом: “Помните, что вы сражаетесь за свои дома, свои семьи и своего Бога!”

Грекам снова пришлось убедиться, что не всё решает сила.

Чтобы избежать ошибки Аполлона, Сирон при переходе через

ущелье, лежащее на его пути, не стал вести вперёд сразу всю свою армию. По его плану отряды должны были преодолевать путь между горами поодиночке и с интервалами во времени, но как только первая группа его войск вышла из ущелья, на неё обрушился шквал стрел и ударные силы повстанцев.

Нападение было таким внезапным, что греки дрогнули и бросились назад в ущелье, смешавшись с теми, кто в это время преодолевал узкий проход, и увлекая их назад за собой. Началось беспорядочное отступление, перешедшее в паническое бегство. Войско Сирона было смято и разгромлено. Оно потеряло более 800 человек.

Весть о новой победе Маккавея разнеслась по всей Иудее. Его авторитет среди населения неизмеримо вырос, и люди шли к нему.

Заметим, что, формируя свою армию, Иегуда должен был считаться с древней еврейской традицией, освобождая от воинской повинности только что вступивших в брак, а также построивших новый дом. Этот закон был вызван заботой евреев о создании крепкой семьи и о будущем своего народа. Помимо этого правила, Иегуде приходилось учитывать, что его солдаты должны посеять и снять свой урожай, выполнить работы, необходимые для того, чтобы обеспечить семью. Его армия не была профессиональной, она не рекрутировалась из наёмников. Это греки могли своих убитых солдат заменять другими наёмниками, были бы деньги, чтобы платить этим бездомным бродягам, готовым продавать свою жизнь любому, кто за неё заплатит. У евреев каждая смерть отдавалась болью. И заменить убитого мог только свой же брат. Тем не менее силы Иегуды росли, как численно, так и с точки зрения военного искусства.

Историк пишет: “Это было такое войско, которого до сих пор не знал мир... Это было войско из народа, которое сражалось не за плату и не ради власти, но чтобы отстоять своё право жить по завету отцов и на земле отцов”.

Армия Иегуды после одержанных ею внушительных побед уже представляла собой большую, дисциплинированную, хорошо организованную силу, вооружённую оружием, добытым в боях...

Антиох только что собирался двинуться в Иудею для пополнения своей казны, но, узнав о поражении Сирона, пришёл в ярость и приказал сокрушить Иудею, стереть с лица земли Иерусалим и уничтожить память о нём.

Теперь он формирует большое войско под командованием члена царской семьи Лисия. Лисий отправляется в поход, настолько уверенный в своей победе, что везёт с собой работоторговцев, нагружённых золотом, серебром и гремящими оковами для купли-продажи дешёвых рабов – плененных евреев, которые будут захвачены в сражении.

К этому времени армия Иегуды уже насчитывала 7 тысяч человек, хотя по численности и вооружению намного уступала войску Лисия. Но это не пугало повстанцев.

Готовясь к встрече с селевкидским войском, Иегуда разделил свою армию на 4 подразделения, поставив во главе трёх из них своих братьев, Симона, Иоханана и Ионафана. Сам он возглавил четвёртое. Каждая из воинских групп имела своё задание.

И вот военные действия развернулись.

Один из главных селевкидских командиров Горгия решил повторить манёвр евреев. Он надеялся незаметно подойти к холмам Иудеи, неожиданно напасть под покровом ночи и внезапным ударом разгромить армию евреев, которые знают, что селевкиды, в силу особенностей их вооружения, никогда не сражаются ночью, и поэтому будут застигнуты врасплох. Однако Горгия не учёл прекрасно поставленной разведки Иегуды, а также бдительности местного населения, наблюдавшего за неприятелем. Так что движение Горгия не было для Иегуды секретом. Разгадав его замысел, Иегуда решил переиграть грека.

Он позволил тому углубиться в горы и оторваться от основных частей греческого войска. По его замыслу, повстанцы разожгли множество костров, создав впечатление большой армии, расположившейся на отдых, и, руководимые своими командирами – братьями Иегуды, вышли из лагеря.

Горгия, застав лагерь пустым, устремился преследовать повстанцев, которые заманили его в узкое ущелье и атаковали с флангов. Селевкиды в своих тяжёлых доспехах вынуждены были принять рукопашный бой. А в это время отряд, руководимый Иегудой, проник в лагерь Селевкидов в Эммаусе, где ждали добрых вестей от Горгия, но никак не солдат противника. Завязался бой. Войско Лисия, атакованное с флангов, где фаланга не могла использовать свою силу, отступило. Иегуда не стал его преследовать, он ждал возвращения уже потрёпанного, но всё ещё боеспособного подразделения Горгия.

Солдаты Горгия, возвращающиеся после неудачного сражения с частями восставших, надеялись найти в своём главном лагере убежище, но вместо этого застали поле, усеянное павшими селевкидскими воинами. Они устремились к побережью, преследуемые Иегудой, где были окончательно разгромлены.

Таково вкратце описание этой кампании Лисия, окончившейся для греков жестоким поражением.

Однако борьба продолжалась.

Сорока тысячам солдат пополненной после поражения армии Лисия противостояли десять тысяч воинов Иегуды. К тому же у Лисия было семь тысяч конников. Перевес греков огромный. Однако повстанцы не давали им покоя ни днём, ни ночью, постоянно нанося удар за ударом. Когда же Лисий пытался перейти в наступление, повстанцы моментально рассеивались и исчезали.

В это время в столице Селевкидов разгорелась борьба за власть, и Лисий решил оставить пределы Иудеи, заявив о своем отказе от политики Антиоха Епифана. Таким образом евреям была дана свобода вероисповедания.

С тех пор ни один из греческих правителей не пытался заставить евреев отречься от своего Бога.

Казалось бы, цель борьбы достигнута: евреи могли не опасаться вторжения недругов в их храмы и осквернения их святых реликвий. Но теперь они уже не желали этим ограничиться: религиозная борьба превратилась в борьбу за освобождение своей земли от захватчиков.

Первым делом надо было освободить Иерусалим, который всё ещё находился под контролем селевкидского гарнизона.

Евреи начали было возвращаться в свои разрушенные дома и селения. Когда же разнеслась весть, что Маккавеи идут в Иерусалим, тысячи потянулись за войском в священный город.

Там всё ещё стояла, как неприступная твердыня, захваченная Селевкидами крепость Аккра. И тогда Иегуда сказал: “Хватит крови! Мы не будем брать каменные стены Аккры в пятнадцать локтей толщиной. Пусть они гниют в крепости – и пусть видят, как мы очистим храм от языческой нечисти!” И Маккавеи двинулись к Иерусалиму, минуя Аккру. Впереди шли рыжебородые старцы – священнослужители и левиты в белоснежных плащах. За ними следовал Иегуда, его четыре брата и две тысячи бойцов. И когда они

проходили через селенья, люди приветствовали их и многие присоединялись к шествию.

В Иерусалиме их глазам предстал поруганный город и поруганный и разрушенный Храм. Это была “картина бессмысленного разрушения и безумия – исступлённого безумия, до которого доводит человека лишь слепая ненависть”. На алтаре стояла воздвигнутая греками мраморная статуя Антиоха, и даже скульптор, изваявший её, не мог скрыть следы тупой, звериной жестокости в лице царя.

Три недели трудились люди, восстанавливая порядок в Храме.

“В утро двадцать пятого дня месяца кислева (декабрь) обновлённый Храм был освящён, и в его величественных залах вновь зазвучали древние слова: “Слушай, Израиль, Господь Бог наш, Господь один!”

И восемь дней в меноре горел огонь, хотя масла должно было хватить только на один день. А горело оно восемь дней. Таково предание. Таков МИФ. Или РЕАЛЬНОСТЬ? Евреи верят в истинность этого предания. Это “чудо” было послано Богом,

**ЭТО БЫЛ ЗНАК БЛАГОВОЛЕНИЯ БОГА К СВОЕМУ
НАРОДУ, КОТОРЫЙ КРОВЬЮ ДОКАЗАЛ ВЕРНОСТЬ
ЕМУ.**

Так трактуют это чудо евреи. И с тех пор вот уже много веков в праздник Ханука снова горит менора – горят восемь её свечей, устремлённых к Богу.

До сих пор в нашем рассказе все 5 братьев, 5 сыновей Мататьягу, ещё живы, ещё вместе. Но безжалостный рок унесёт их одного за другим в водовороте ожесточённой борьбы.

Первым погибнет самый молодой из них, Элиазар, “краса битвы”. Так его называли, потому что он обладал богатырским сложением и богатырской силой, и дрался в сражениях, как богатырь, как свидетельствует о том древняя книга...

Это была чудовищная битва...

С тех пор как Мататьягу с сыновьями ушёл в горы, войска Селевкидов четырежды вторгались в Иудею и четырежды были разгромлены волнами восставшего народа. Каждый раз, когда новое нашествие грозило Иудее, Иегуда бросал клич, и люди, готовые умереть за свою землю и веру, собирались вокруг него. Но с каждым разом их становилось всё меньше. Они погибали, они уставали от

пролитой крови, своей и чужой, их семьи, их поля звали к себе мужчин. Защита требовала рассредоточить силы по разным границам Иудеи, а нашествие призывало сосредоточить их в одном месте. На всё это людей не хватало.

А Селевкиды не хотели выпустить Иудею из рук. Лисий, борясь за власть, стремился подкрепить свои притязания победой над иудеями. И вот он решил использовать для этого новую силу – боевых слонов, с которыми евреям ещё не приходилось сталкиваться.

Их было 200, этих чудовищных, неуклюжих, невиданных дотоле израильтянами животных, сметавших всё на своём пути, с укреплёнными на их спинах башнями, за которыми сидели вооружённые наёмники. Слухи о них росли и становились всё более устрашающими.

Наконец они появились, эти мощные, невиданные существа, от которых отскакивали стрелы, они шли грозной силой, сокрушая вал, воздвигнутый на их пути.

Воины Иегуды оторопели в изумлении и ужасе.

И тогда перед слонами бесстрашно вырос Элиазар. Он взмахнул своим могучим молотом, и слон, с проломленным черепом, стал медленно оседать на землю.

Это был успех. Но смелый юноша не успел отскочить в сторону, и огромное животное всей своей мощью рухнуло, придавив Элиазара к земле.

Так погиб первый из братьев.

Бой со слонами был первым поражением Маккавеев. Но он не означал конца противостояния.

М.Даймонт пишет: “Потрясённые греки с изумлением взирали на этот народ, бестрепетно и героически погибающий во имя абстрактной идеи...Высокомерное отношение к евреям - “варварам” сменилось почтительным страхом перед ними.Такого рода война была грекам непонятна.Они считали, что если армия разбита, столица оккупирована, царь взят в плен, а храмы и боги низвергнуты, народ должен покориться. Но евреи не хотели покоряться. И поскольку каждый еврей нёс свой храм в своём сердце, греки начали с беспокойством понимать, что выкорчевать еврейскую религиозную идею можно, только уничтожив всех евреев до единого. Поэтому-то жестокой, затяжной войне не видно было конца”.

Вот она разгадка того, почему ничто: ни зверства крестоносцев, ни костры инквизиции, ни средневековые гетто, ни дикие погромы и преследования в царской России – не могли заставить евреев отказаться от своей религии. Потому что, по выражению современного историка,

“КАЖДЫЙ ЕВРЕЙ НЁС СВОЙ ХРАМ В СВОЁМ
СЕРДЦЕ”.

Но вернёмся к Маккавеям.

Иегуде удалось заключить союз с Римской империей, а это означало юридическое признание Иудеи как независимого государства. Однако вскоре после этого селевкидские полчища под командования нового наместника Бакхида вновь вторглись в Иудею.

Незадолго до этого Иегуда одержал большую победу над войском Никанора, которое численно превышало силы евреев более, чем в три раза.

Никанор, назначенный правителем Иудеи, в этом сражении был убит. Но евреям эта победа тоже обошлась очень дорого. Это была самая жестокая и кровавая битва из всех, которые им выпали на пути к свободе. Их потери были огромны. В этой битве был смертельно ранен второй брат Иегуды Иоханан.

После жестокой, кровопролитной битвы Иегуда счёл нужным отпустить часть своего войска по домам. И теперь небольшому отряду в 800 человек предстояло снова встретиться с многотысячным войском греческих наёмников.

Оставшиеся в живых братья Иегуды Симон и Ионатан, как и многие его близкие сподвижники, уговаривали Иегуду уйти в горы, чтобы укрепнуть и вернуться с новыми силами, но Иегуда был непреклонен.

“Люди доверились нам и ушли в свои дома,- сказал он,- мы не можем позволить, чтобы свора Бакхида ворвалась в нашу землю, как стая волков. Если в этот раз мне придётся встретить смерть и погибнуть в сражении, лучше выдержу всё, чем покрою позором прежние наши подвиги и прежнюю нашу славу бегством”.

Это решение было ошибкой, роковой ошибкой. Хаим Герцог пишет: “Ему не следовало вступать в последний безнадежный бой при Елеасе. В сущности трудно понять, почему осторожный, умный полководец не принял разумного совета своих соратников и не отступил, чтобы со

временем продолжить войну. Можно лишь предположить, что Иегуда попросту был утомлён шестью годами изматывающей и непрекращающейся борьбы”.

Иегуда повёл свой отряд в последний бой и пал, как доблестный воин. Его братья Симон и Ионатан вынесли бездыханное тело Иегуды с поля боя. Они принесли его к дому Мататьягу и придали земле рядом с могилой его отца.

Собрав вокруг себя остатки бойцов, они снова вернулись к тактике партизанской войны.

Война с Селевкидами продолжалась 25 лет. “Антиох Епифан умер, так и не осуществив своей мечты о массовой распродаже евреев на рынках работоторговцев. Его преемник предложил евреям полную религиозную свободу, но евреи потребовали полной политической независимости и перенесли войну на территорию врага. Потеряв веру в победу, Селевкиды согласились на поставленные им условия. Евреи, уставшие от четвертьвековой борьбы, заключили мир”. (М.Даймонт)

В 142 году до н.э. Деметрий Второй согласился полностью освободить Иудею от уплаты дани, что было равносильно признанию её независимости. Отчаянное восстание против религиозных гонений привело к установлению полной государственной независимости Иудеи после перерыва, длившегося 440 лет...

Память о Маккавеях для евреев овеяна неувядающей славой. Она напоминает евреям их прошлое, которое служит вдохновляющим примером и в нынешние нелёгкие времена.

Что знает мир об этой исключительной эпопее? Ничего. Хотя история евреев – это часть всемирной истории. Спросите у нашего современника, что ему известно о прошлом еврейского народа, и он ответит: ему известно, что евреи были ростовщиками. Антисемиты всех мастей, вольно или невольно, сделали всё, чтобы в сознании народов не осталось следов героического прошлого гонимого народа, чтобы еврей – доблестный воин, самоотверженный борец за свободу, бесследно канул в вечность.

Может быть, эти строки для кого-то осветят несправедливо забытую, выпавшую из памяти людей, достойную самого глубокого уважения часть всеобщей истории, связанную с библейским временем и библейскими именами.

ХАСМОНЕЙСКОЕ ЦАРСТВО

Но продолжим рассказ о еврейской истории.

Во главе вновь созданного еврейского государства стал представитель прекрасной семьи Мататьягу из рода Хасмонеев, один из пяти братьев, Ионатан. Три брата сложили свои головы на поле брани. Двум другим будет суждено познать плоды нелёгкой победы, но и они не избегнут трагического конца.

Сирийский царь Александр признал Ионатана главой еврейского народа и возвёл его в сан первосвященника - фактического руководителя государства.

Правление Ионатана ознаменовалось рядом успешных начинаний. Ему удалось расширить границы Иудеи, он приступил к укреплению Иерусалима и других еврейских городов, чтобы предотвратить возможность иностранного вторжения. Понимая важность союза с Римом и греческой Спартой, Ионатан стремился к укреплению этого союза. При нём Иудея стала оказывать значительное влияние на судьбу селевкидской империи. Однако успех влечёт за собой зависть и вражду, и часто поэтому именно успех приводит к гибели. Так случилось и с Ионатаном. Прошедший через сто сражений, Ионатан стал жертвой коварства и подлости.

Сирийскому наместнику Трифону оказалось не по нутру укрепление Иудеи. Обманным образом он заманил и схватил Ионатана, двинув своё войско для овладения Иерусалимом, но Симон преградил ему путь и разгромил его. Тогда, разозлённый поражением, коварный сириец перенёс свою досаду на Ионатана и казнил своего пленника. Такова была участь четвёртого из братьев.

Вскоре и сам Трифон был убит его соперником, претендовавшим на сирийский престол.

У руля иудейского государства после смерти Ионатана стал Симон, который продолжал политику брата, состоящую в укреплении союза с соседними государствами, и в первую очередь с Римом. Он присоединил к Иудее торговый город Гезер, порт Яффу, ввёл в стране технические новшества и военные усовершенствования. Симон овладел иерусалимской крепостью Аккра, которая до этих пор всё ещё находилась в руках селевкидского гарнизона, и вышвырнул оттуда иноземцев, что произвело особое впечатление на население Палестины. При нём интересы государства были в надёжных руках.

Когда Антиох, обосновавшийся на сирийском престоле, потребовал у Симона вернуть Гезер и Яффу, а в крайнем случае уплатить за них дань, Симон ответил тем, что направил против него армию, которая в то время включала 20 тысяч бойцов и конницу. Во главе армии стояли сыновья Симона – Иегуда и Иоханан, которые разбили Селевкидов. Это заставило Антиоха отказаться от своих притязаний, и с этого времени он не смел больше вмешиваться в дела Иудеи.

Власть меняет людей. Демократически настроенный, как его отец и братья, Симон, придя к власти, начал думать об установлении своей династии. Именно династическое наследование власти, которое он установил в своём государстве, и повлекло за собой все последующие беды Иудеи.

Симон созвал в Иерусалиме Великий Собор, который утвердил его в трёх ипостасях: в качестве этнарха – главы народа, первосвященника и главнокомандующего одновременно, и провозгласил эти назначения наследственными. Таким образом Иудея превратилась в монархию.

Казалось, Симон достиг того, о чём его братья и не мечтали. Но конец его был печален.

У него, как и у каждого правителя, были свои друзья и недруги, сторонники и противники, последних, однако, он стремился склонить на свою сторону. Таким противником был его зять Птолемей, втайне лелеявший мысль об иудейской короне, которого Симон поставил правителем Иерихонской долины. Симон со своей женой и двумя сыновьями объезжал страну, когда Птолемей пригласил их навестить его. В честь дорогих гостей был устроен великий пир. Во время пира стража Птолемея напала на безоружного Симона и его семью и убила их. Как и его брат Ионатан, Симон, бесстрашный воин, прошедший через тысячу смертей, пал жертвой подлого заговора.

Птолемей ничего не достиг убийством Симона. Сын Симона Иоханан опередил его. Предупреждённый друзьями, он успел добраться до Иерусалима, где был провозглашён первосвященником. Птолемей сунулся было со своим отрядом в Святой город, но был встречен вооружённым народом, ставшим на защиту сына одного из своих любимых героев. Преследуемый Иохананом, он пытался спрятаться в одной из крепостей. Ему удалось ускользнуть от расправы и скрыться за границей соседнего государства.

Так интригами, заговорами, соперничеством началось существование государства, с такими невероятными трудностями, такой кровью, такими героическими усилиями завоёванное. По пути дворцовых междоусобных баталий его развитие пошло и в дальнейшем.

Всё то, во имя чего так бестрепетно, самоотверженно боролись и погибали братья Макковей и сотни тысяч их сторонников, было отдано на откуп жадным и безнравственным правителям, которые грызлись друг с другом за власть, как волки.

Впрочем, Иудея не была в этом отношении оригинальной. Не этим ли кончаются все революции?

Сын Симона Иоханан Гиркан самовластно объявил себя царём. При этом он вызвал гнев своих соплеменников тем, что покусился на священную гробницу царя Давида, изъяв из неё три тысячи талантов серебра. Он присоединил к Иудее идумеян и галилеян, в результате чего впоследствии именно из Идумеи вышел один из самых злобных правителей Иудеи Ирод.

Сын Гиркана Аристобул проложил свой путь к власти через убийство своих братьев и матери. О правлении другого сына Гиркана Александра Янная, которого даже в его семье ненавидели и боялись, Говард Фаст пишет: “Даже бесстрастное перечисление его злодеяний кажется неправдоподобным. Он лишал жизни всех своих противников. Убийства явно доставляли ему удовольствие”. Захват им греческих городов навлёк на евреев гнев греков, которые спустя десятилетия жестоко отомстили евреям. Он насильственно под страхом смерти обратил в иудаизм покорённые им массы людей.

О зверствах Янная говорят его приказы. Он уничтожил всех до единого из шести тысяч иудеев, собравшихся в храме для богослужения. Это была его месть за выраженное ими недовольство. В другой раз он приказал убить 800 человек, предварительно на их глазах умертвив их жён и детей. Это был поистине садист на троне.

Войны иудейских правителей, их деспотизм, порядки, заведенные ими, вызывали протест в стране, вылившийся в народные восстания. За короткий срок существования Хасмонеяского государства страна пережила две гражданские войны, которые унесли десятки тысяч людей, помимо мелких вспышек народного гнева.

Народ, который с такой страстью и самоотдачей поддерживал

Маккавеев в период борьбы за независимость и в первые годы существования еврейского государства, постепенно разочаровался в Хасмонеях-правителях.

В конце эры в истории Иудеи мелькнул небольшой период, который был назван “золотым веком”. Это время правления Соломеи-Александры, жены Янны, которая унаследовала царство после смерти своего мужа-деспота.

Александра провела целый ряд прогрессивных реформ. В частности, она основала общедоступные начальные школы, в которых обучение было обязательным как для мальчиков, так и для девочек. Окружавший Иудею мир был сплошь неграмотным, а крошечное еврейское государство на заре цивилизации уже решило проблему образования для народа.

Правление Александры было временем расцвета сельского хозяйства, словно сама природа благоприятствовала царице. Если в прежние времена засуха и войны разрушали Иудею, заставляли население искать убежище в соседних странах, приводили к гибели множества народа, то царствование Александры осталось в памяти евреев как время мирного благополучия, когда процветает хозяйство, ремёсла, торговля.

Александра освободила из тюрем сотни людей, заключённых в темницы Янны, позволила тысячам пленных изгнанников вернуться домой.

Такая политика была результатом влияния партии фарисеев. Библейское христианское Евангелие рисует фарисеев отрицательно. Есть предположение, что места, связанные с ними, включены в Библию, когда фарисеи стали в оппозицию к христианскому учению, то есть гораздо позже событий, происходящих вокруг Иисуса. Говард Фаст с симпатией оценивает взгляды и политику фарисеев, называя их самым гуманным и ярким течением еврейской мысли. Прогрессивные шаги Соломеи-Александры были предприняты под их влиянием.

Александра принимала меры для укрепления армии, занималась вопросами обороны страны, но во внешней политике придерживалась принципа сдержанности, делая упор на дипломатию, а не на военную силу.

Так, с помощью дипломатических мер ей удалось предотвратить вторжение её воинственного соседа, армянского правителя Тиграна.

Однако в её собственной семье мира не было. По мнению учёного-историка, смерть Александры на 72-ом году жизни избавила её от печальной участи быть свергнутой собственным сыном.

После её смерти между двумя её сыновьями началась ожесточённая борьба за престол. Она продолжалась до тех пор, пока войска римского императора Помпея не подошли к границам Иудеи.

Сопrotивление римлянам оказала только одна крепость на Храмовой горе.

В результате ожесточённой осады почти все её защитники пали.

Римляне ворвались в город, разрушили одну из башен и проникли в храмовый двор. Как пишет Говард Фаст, “многие священники при виде неприятелей, устремившихся на них с обнажёнными мечами, неустрашимо оставались на своих постах, продолжая своё служение...” Они пали, не дрогнув, в числе 12 тысяч своих единоплеменников.

Ещё до вторжения римлян в страну, братья Гиркан и Аристофан весьма опрометчиво обратились к Помпею, стоявшему у стен Иудеи, с просьбой решить их спор о власти. Одновременно с ними к Помпею обратился некий человек из народа, миссия которого состояла в том, чтобы добиться устранения от власти династии Хасмонеев, которая успела набить у народа оскомину своими правителями. И это после такой героической борьбы!

Помпей выслушал всех троих и принял решение о ликвидации государства, где родные братья не могут договориться, а правители ненавистны своему народу.

Он объявил Иудею римской провинцией.

Так бесславно закончилось своё существование Хасмонейское царство, завоёванное героической борьбой иудеев, руководимых доблестными вождями, и погубленное их ничтожными внуками.

“Спустя 80 лет после завоевания независимости внуки первого хасмонейского царя своими руками разрушили политическую самостоятельность еврейского государства, завоёванную Маккавеями”. (М.Даймонт)

Хотя царство Хасмонеев мало отличалось от других государств древности грызней своих правителей за власть, всё-таки с сожалением приходится констатировать, насколько наследники Маккавеев, ставшие у власти, оказались недостойными своих великих предков.

ИРОД. ГИЛЛЕЛЬ.

С первых же лет римского владычества евреи постоянно проявляли протест против новой власти. То и дело происходили вспышки восстания, ничего хорошего не сулившие. И тут на сцене появляется Ирод, прозванный Великим, хотя в памяти евреев он только угнетатель.

Ирод вышел из идумеев. Это семитская группа народностей, которая исповедовала не иудаизм, а язычество. Хотя Яннай и обратил их насильственно в иудейство, в борьбе против римлян они твёрдо приняли сторону евреев и, надо сказать, самоотверженно погибли в этой борьбе в начале 1-го века новой эры. Что же касается Ирода, то он пришёл к власти как раз с помощью римлян.

Пол Джонсон пишет о нём: “Ирод был одновременно и евреем и антисемитом; поклонником греко-римской цивилизации и одновременно восточным варваром, способным на невероятную жестокость. Он был блестящим политиком и в некоторых отношениях мудрым и дальновидным государственным деятелем, великодушным и весьма эффективным; и в то же время наивным, суеверным, карикатурно капризным, балансирующим на грани безумия (а иногда и переходящим эту грань) ...”

Отец Ирода, Антипатр, идумей, выдвинулся при Гиркане, став его премьер - министром. При жизни отца Ирод занимал пост правителя Галилеи. Он разгромил группу религиозных фанатиков, действовавших против Рима, и казнил её главарей, не прибегая к содействию еврейского религиозного суда. По еврейским законам это считалось убийством, поэтому он был вызван на суд синедриона. Чувствуя за собой поддержку правителей Рима, с которыми у него были не только политические, но и дружеские отношения, Ирод повёл себя вызывающе. Хотя подсудимому полагалось явиться на суд синедриона в чёрной одежде, он демонстративно облачился в яркокрасную тогу, чем вызвал возмущение судей. Разозлённый суровым осуждением судей, он готов был обрушиться на Иерусалимский Храм, но был остановлен своим отцом. В это время парфяне вторглись в Иудею. Народ восстал против парфян и восстановил власть хасмонея Антигона. Ирод в это время бежал в Рим и вернулся с армией в составе 40 тысяч пехотинцев и 6 тыс артиллерии. Он захватил Антигона, выдал его Риму, где Антигон был казнён, а сам утвердился на его престоле.

Чтобы как-то расположить к себе евреев, он женился на царевне из рода Хасмонеев Мариамне, но никогда не чувствовал себя уверенно. Ему постоянно мерещились заговоры, и он безжалостно казнил за истинную или мнимую измену. Он убил 45 человек из Хасмонеев. Питая к своей жене, по словам Иосифа Флавия, “ревнивую страсть”, он в конце концов ополчился и против её и её семьи.

Брат Мариамны Аристобул, первосвященник, популярный в народе, был утоплен в бассейне. Ирод обвинил жену в попытке отравить его, казнил её и её мать, а также двух своих сыновей, рождённых ею от него, и сына от другой жены.

Народ надеялся, что со временем один из сыновей Мариамны унаследует царский трон и восстановит династию Хасмонеев, на которых теперь снова он возлагал свои упования, но с гибелью сыновей Мариамны надеждам народных масс не суждено было осуществиться.

Говоря об Ироде как о правителе, нельзя не отметить, что никто из царей эпохи Второго храма не уделял столько внимания строительству великолепных зданий, новых городов и крепостей, в том числе и ставшей знаменитой крепости Массад. Он превратил Иерусалим в одну из самых блестящих столиц на Ближнем Востоке.

Строя Иерусалимский Храм, он мечтал о том, чтобы люди специально приезжали посмотреть на него. И Храм поднимался великолепным, впечатляющим строением, какого не видели до него. Иосиф Флавий пишет, что за много километров от Храма были видны блеск его белого камня и сверкание золота, поражавшие тех, кто видел его впервые.

Конечно, для всего этого требовались немалые средства.

У императора Августа он арендовал медные рудники на Кипре, оставляя себе половину дохода. Хорошие доходы приносили ему торговые пошлины, которые он получал, построив самый большой в стране порт. При этом и народ он оббিরал нещадно, расправляясь с жалобщиками, искавшими защиты в Риме, что увеличивало ненависть к нему иудеев. В то же время иногда он устраивал нечто вроде отчётных собраний своему населению, пытаясь объяснить свои достижения и оправдать расходы. Совсем в современном духе, не так ли? То ли искренне, желая помочь людям, то ли ради популярности, он помогал нуждающимся в голодные годы, проявлял заботу о бедных, больных, о

заключённых. Может быть, потому ему и удавалось удерживать мир в стране.

Расположение Рима к Ироду вполне понятно, если учесть, какие богатства текли туда благодаря его умелой хозяйственной политике.

Себя Ирод считал реформатором, желая сблизить отсталый Восток с современным миром, стремился отгородить еврейское общество от ортодоксально настроенных священников, но жестокие меры, которые он при этом использовал, отталкивали народ от него.

Ирод покровительствовал спорту, театрам, строил стадионы, бассейны, он и сам был энтузиастом, занимаясь различными видами спорта. Ему принадлежит заслуга спасения Олимпийских игр от упадка. Благодаря Ироду их стали проводить регулярно и с подобающей пышностью, а сам иудейский царь удостоился титула пожизненного президента Игр. Согласитесь, что всё это весьма впечатляет.

Неудивительно, что в истории Ирод получил имя Великий, а в памяти еврейского народа он остался правителем, способным на самые крайние жестокости. Ведь ему приписывают даже приказ об уничтожении младенцев, впрочем, ничем не подтверждённый.

Евреи рисуют его одной чёрной краской. Да и то сказать: благим целям должны соответствовать благие средства. А иначе, какой же он великий?!

Последние годы своей жизни Ирод доживал жалким, немощным стариком, скулящим от боли и взирающим полными ужаса глазами на близкую смерть. Он жаловался придворным, что некому будет оплакать его, что во всём мире не найдётся никого, кто бы проронил слезу над ним.

Существует предание, что один из придворных Ирода предложил в момент его смерти умертвить Гиллея, тогда плач всего мира по великому человеку можно будет отнести за счёт выражения скорби по ненавистному правителю Иудеи

Гиллель умер через 14 лет после Ирода, и скорбь действительно охватила весь древний мир. Говорили, что ни раньше, ни позже не было такого траура. Плакали не только евреи, но многие тысячи язычников. Узнав о смерти святого человека, они хлынули в синагоги, чтобы разделить скорбь евреев.

Философ, гуманист, мыслитель, Гиллель считается отцом еврейской мудрости, поистине духовным вождём евреев.

Он приехал в Иудею из Вавилона, чтобы учиться у великих мудрецов, преподающих в высшей еврейской школе.

Гиллель страшно нуждался, зарабатывая своим трудом одну монету, из которой половину он тратил на пропитание своё и своей семьи, а половину отдавал стражнику дома, где проходило ученье, чтобы тот впускал его.

Однажды у него не было даже половины монеты, и он, чтобы не пропустить занятия, забрался на крышу дома и, прильнув к окну, слушал лекцию мудрых.

Был поздний зимний вечер пятницы, падал снег, покрыв юного Гиллеля, как снеговика.

“Что такое, брат?– спросил один из мудрецов, преподававших в классе в это время, у другого.– Обычно в это время ещё светло, а сегодня наша комната тёмная. Наверно, облако покрыло небо”.

Они посмотрели наверх и увидели фигуру человека, окоченевшего и покрытого снегом с головы до ног.

Незнакомец был приведен в дом, ему приготовили горячую ванну, умастили, что не полагалось делать в субботу (празднование еврейской субботы начинается, когда в пятницу наступают сумерки), и, усадив у огня, сказали: “Этот человек заслуживает того, чтобы ради него была нарушена суббота”.

Спустя несколько лет Гиллель сам преподавал в этой школе. Его признали выдающимся учёным.

Важнейшая особенность учения Гиллеля – интеллект, который выразился в логически выверенном толковании отдельных разделов Торы. Учёный пропускает законы Торы через призму этики, тем самым придавая им нравственное толкование. Даже в вопросах ритуала Гиллель исходит, в противоположность ортодоксам, из этических принципов.

До сего дня этот выдающийся учёный не только чтим, но и изучаем в еврейских иешивах. В свете новейших знаний, как говорят о нём сегодня, он нередко воспринимается, как наш современник. Он выступал против бессмысленных ритуалов и формализма в религии, утверждая более гуманные принципы интерпретации священных книг.

Гиллель настойчиво утверждал еврейский религиозный постулат о святости каждой человеческой жизни и о зле, который несёт война.

Мягкость, терпимость, гуманность и простота Гиллеля вошли в предания.

Его нравственный облик способствовал не только его популярности, но и распространению его учения. Сущность Торы, учил Гиллель, в её духе, а не в деталях.

Если известная школа ортодокса Шама́я исчезла, то Гиллель остался в памяти народа во множестве афоризмов и изречений, таких, как “Застенчивый человек не выучится”. “Невежда не может быть святым”. И самое знаменитое: “Если я не за себя, то кто за меня, но если я только за себя,- зачем я? И если не сейчас, то когда?” Эти изречения пришли в практику жизни из его книг.

Говард Фаст пишет: “Подобно еле слышному шёпоту в веках снова и снова отдаётся эхом наставление Гиллеля: “Не делай никому того, чего не хочешь, чтоб делали тебе”.

Пол Джонсон утверждает, что Иисус принадлежал к школе Гиллеля, возможно, даже учился у него, ибо его высказывания довольно близко перекликаются с утверждениями Гиллеля, а иногда и повторяют их.

ХРИСТИАНСТВО

Палестина начала новой эры. Она входит в состав Римской империи, с её жадными, жестокими, утопающими в роскоши правителями. Группы бездомных людей, согнанных с земли за неуплату налогов, бродят по её дорогам в поисках пристанища и заработка. В среду, в общество этих бесприютных людей приходит из далёкого прошлого вера в мессию, который должен явиться на Землю и установить на Земле царство Божье. Так в среде еврейских бедняков зарождается христианство.

Вспомним, что ещё еврейский пророк далёкого дохристианского века Исаяя предсказывал, что явится тот, кто возьмёт на себя страдания человечества, чтобы исцелить его от ран. Он добровольно принесёт себя в жертву ради людей. Его уста не произнесут ни слова упрёка, он возьмёт грехи человечества на свои плечи и понесёт страдание за других, чтобы спасти мир.

Не портрет ли Иисуса перед нами? Что это? Фантазия? Предвидение? Пророчество? Совпадение?

Учёный пишет: “Исайя был наиболее читаем и почитаем, тем более, что его книга написана лучше всех других книг в Библии”.

Слово было сказано, оно прозвучало давно, но не было забыто. Снова и снова возвращалась к нему память людей, страждущих обновления, счастья и чуда. Приходили и уходили “мессии”, о них забывали. Об Иисусе не забыли. Главным образом благодаря энергичной, подвижнической деятельности Павла .

Считают, что Иисус вышел из ессеев, иудейской секты, которая жила на рубеже старой и новой эры. Рукописи, найденные в районе Мёртвого моря, почти зеркальным подобием с христианским учением свидетельствуют о родстве раннего христианства и секты ессеев.

Замечу для информации: еврейские рукописи, найденные в пещерах в районе Мертвого моря в середине прошлого века, относятся к 1-2 векам до нашей эры. Им более 2-х тысяч лет. Это самые древние книги, известные до сих пор.

На основании их изучения у учёных составилось представление о секте, проживавшей здесь. Оно состояло в том, что секта вела аскетический образ жизни, была пацифистски настроена, то есть отрицала войны, верила в возможность всеобщего равенства и в приход

мессии, который должен возвестить о предстоящем явлении Бога, и стремилась своим благочестием уготовить Царство Божие на Земле.

Таково было первое представление учёных, составленное на основании найденных рукописей. Оно в глазах широкой публики держится и теперь, хотя со времени первых открытий прошло более половины века и во взгляде учёных на Кумранские рукописи (так их называют по имени местности, где они найдены) многое изменилось.

Огромное количество наконечников стрел, найденных на территории Кумрана, говорит об ожесточённых сражениях, которые вели обитатели этого места, об их воинственности, но никак не о пацифизме. Поселение носит явно военный характер. Никаких следов деятельности писцов, книжников, которые вначале “нашли” археологи, на самом деле не обнаружено. Здесь не занимались переписыванием книг, здесь их прятали, чтобы сохранить от врага, чтоб не дать погибнуть духовному богатству народа.

Учёный Норман Голб пишет: “Факты, открытые за последние 35 лет, совершенно опровергают принадлежность свитков секте ессеев”. (Статья Нормана Голба написана в 1990 году).

На самом деле книги свозились из Иерусалима, из всей Иудеи, их спасали от гибели перед лицом угрозы со стороны Рима, видимо, в преддверии войны или восстания.

Не могла небольшая секта, насчитывавшая предположительно около 4-х тысяч человек, обладать такой огромной по тем временам библиотекой, состоящей из многих сотен книг, обнаруженных и в Массаде, и в Кумране, и во многих других пещерах близ Мёртвого моря. Они не могли принадлежать только одной секте. Это было достояние всего народа.

Думается: как же надо было любить книгу, чтобы так заботиться о её сохранении! Как надо было любить свою землю, чтобы так готовиться к её защите!

Счастливый случай привёл бедуинского мальчика в пещеру- место, где были спрятаны древние книги. За века, прошедшие со дня их помещения сюда, многое могло случиться. Книги могли безвозвратно исчезнуть, погибнуть. Те, кто прятали эти книги, надеялись ли они когда-нибудь к ним вернуться? Или они обрекали себя на гибель с верой, что кто-то другой найдёт их и использует для блага всех евреев?

Такие мысли приходят на ум, вызывая чувство преклонения перед духовной силой и мужеством тех, кто мог так заботиться об интеллектуальном наследии своего народа. И ещё думается: как же велико для древнего мира (более двух тысяч лет назад) было это богатство книжной культуры евреев!

Но вернёмся к нашей теме. Какой вывод следует из того, что книги, найденные здесь, не были здесь созданы, а были сюда принесены?

Норман Голб констатирует: “Не из одних только ессеев выросли раннехристианские доктрины.

**НА РОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА ОКАЗАЛ ВЛИЯНИЕ
ВЕСЬ ИУДАИЗМ В ЦЕЛОМ”.**

И далее, по Голбу: “Иудаизм и христианство – не дальние теологические родственники, а б л и з к и е р о д и ч и”.

В этом и состоит истина.

Объективный, непредвзятый подход к этому вопросу приводит к выводу: влияние религии иудеев на религиозные верования христиан гораздо значительнее, чем это пытались и пытаются представить антииудейско мыслящие христианские церковники.

В действительности связь первых христиан с иудеями была органичной. Вот как говорит об этом Говард Фаст: “...из уст Иисуса мы слышим очень многое из того, что высказывали иудейские мыслители того времени... После его страшной смерти евреи вспоминали о нём с любовью и состраданием. Скажем больше: апостолы и первые последователи Иисуса не были христианами, поскольку были евреями. Этим всё сказано. Они не могли ни в чём обвинять евреев, потому что сами были евреями. Ни Иисус, ни его ученики не пытались обратить их в христианство, потому что тогда христианства ещё не существовало... Утверждения некоторых авторов о том, что евреи преследовали или отвергали первых христиан, не имеют под собой основания...”

**КЛЕВЕТНИЧЕСКОЕ ОБВИНЕНИЕ ЕВРЕЕВ В
УБИЙСТВЕ ИИСУСА СТОЛЬ ЖЕ БЕЗДОКАЗАТЕЛЬНО
И ОТВРАТИТЕЛЬНО, КАК И ЛЮБЫЕ ДРУГИЕ
АНТИСЕМИТСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ”.**

(Говард Фаст. “Евреи. История народа”)

Эти антисемитские построения нашли своё отражение в тенденциозно написанном Новом завете, авторы которого были заинтересованы в том, чтобы интерпретировать события, связанные с Иисусом, в искажённом виде.

Для подтверждения этой мысли обратимся к Священной книге.

По Библии арест Иисуса был произведён ночью, что противоречило еврейскому закону. Так же противоречило закону и заседание суда накануне праздника Песах, изображённое в Новом завете. Еврейский суд всегда проводился в специально отведённом для этого здании, а не во дворе первосвященника, как мы видим в Библии. Одно из правил еврейского судопроизводства требует присутствия в суде защитника, а также глашатая, который по пути на казнь вызывает из толпы тех, кто может свидетельствовать в пользу осуждённого. Ничего этого в Библии мы не находим.

Таким образом все установления судебного еврейского кодекса, одно за другим, были, если следовать за Библией, нарушены. Зачем?

Кроме того, совершенно непонятно, почему суд проводился с такой поспешностью. Все процедуры, если верить Новому завету: арест, суд, осуждение, казнь - были проведены в невероятно короткий срок, в течение 12 часов. Зачем синедрион так спешил нарушить свои же правила? Объяснения нет.

В таком изложении отражена тенденция Библии - переложить вину за казнь Иисуса с римлян на евреев.

Согласно писанию, вокруг распятого Иисуса рыдала толпа евреев, в то время как римская стража, а не евреи глумились над осуждённым и плевали на него. Не евреи, а римляне придумали венок с колючками, которые впивались в голову Иисуса, не евреи, а римляне повесили на грудь несчастного издевательскую надпись "Царь Иудейский", и, наконец, не евреи, а римляне приговорили Иисуса к смертной казни. Это всё мы находим в Библии, в той самой Библии, которая, вопреки логике, послужила основанием для ложных обвинений против евреев. Добавим к сказанному, что у евреев не было такого наказания, как распятие. Они никого не распинали и никогда не требовали кого-либо распять.

И после всего этого на протяжении веков вина за распятие Иисуса ложится на весь еврейский народ (с какой исступлённой ненавистью

обрушивались христианские церковники на евреев в своих проповедях!) и совершенно обходится вопрос о роли римлян в этих событиях.

Укажем на ещё один, исключительно важный аспект вопроса о гибели Иисуса, который остался незамеченным или сознательно обходился христианской церковью.

Учёный Бернард Старр в статье “Кто убил Иисуса? Ответ – в самом вопросе” пишет: “Самое странное в этой трагической истории ненависти, что христианское учение ясно и недвусмысленно утверждает: “Б-Г УБИЛ ИИСУСА! (Прим. Фраза выделена самим Старром.) Б-г пожертвовал Своим единственным сыном во имя искупления человечества от грехов. “Ибо так возлюбил Б-г мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную” (Иоан., 3:16)

“Кроме того,- пишет Бернард Старр, выступая против новой антисемитской интерпретации казни Иисуса– фильма Мела Гибсона, прошедшего по экранам мира, - разве Иисус не добровольно отдал свою жизнь во искупление человечества? Разве Б-г или Иисус не могли остановить разворачивающиеся, безжалостные садистские пытки, так ярко воспроизведенные в фильме Мела Гибсона? Иисус прямо говорит: “...или думаешь, что я не могу умолить Отца Моего, и Он представит мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?...”

Вот ещё слова Иисуса о своей жизни: “Никто не отнимет её у Меня, но я Сам отдаю её” (Иоан., 10: 17) Таким образом Иисус Сам, так сказать, провоцировал своё распятие.

Бернард Старр спрашивает: “Какой тогда смысл в кровавой истории христианского насилия против евреев? Ведь совершенно ясно: христиане всегда знали, что Б-г убил Иисуса! От этого факта никуда не деться – он зафиксирован в Евангелиях и положил начало христианству”. Однако, продолжает писатель, христианская церковь - вопреки своим собственным утверждения, вопреки собственным многочисленным указаниям на то, что “множество народа” (т. е. евреи) шли за Иисусом, внимали ему, сочувствовали его учению и его судьбе, – упорно возлагает вину за распятие Иисуса на евреев.

Итак, какой же во всём этом смысл?

Пока повременим с тем ответом, который Бернард Старр даёт на

поставленный им же вопрос, - вопрос, который веками стоит перед гуманистами мира и не находит ответа, - и обратимся к м о т и в а м ложной интерпретации христианскими апостолами событий, изображённых в Новом завете.

Для чего и кому нужна была такая искажённая трактовка?

Учёный Джоэль Кармайкл в статье “Потерянный континент” даёт этому следующее объяснение: Новый завет создавался в то время, когда христиане подвергались со стороны римских правителей жестоким преследованиям, когда в среде евреев (христиан и нехристиан) развернулась критика политики римских властей, борьба за идеалы свободы и справедливости, “движение за Царство Божие”, с которым Иисус - проповедник, защитник бедных и угнетённых, был непосредственно связан. Сказать в то время правду об Иисусе, значило навлечь на христиан новые гонения и сделать невозможным создание и распространение христианской литературы и распространение христианского учения. Поэтому авторы Нового завета пошли по пути искажения событий, по пути оправдания римлян. Они убрали из повествования всё, что может затронуть чувства властей, отвели удар от христиан в сторону евреев, стараясь стереть память о еврейском освободительном движении, частью которого были Иисус и его сторонники.

Библии нужно было показать Иисуса не борцом и мятежником, враждебно настроенным к Риму, каким он был на самом деле, а святым мучеником за религиозную идею, преданным Богу и императору. Это и было достигнуто. Главным образом в посланиях христианских апостолов.

Джоэль Кармайкл пишет: “Мятежник Иисус забыт. Надо было изъять его из исторического контекста того времени”.

Подытожим сказанное.

**ПРИЧИНА ТЕНДЕНЦИОЗНОГО, ОТРИЦАТЕЛЬНОГО
ИЗОБРАЖЕНИЯ ЕВРЕЕВ В НОВОМ ЗАВЕТЕ
СОСТОЯЛА В ТОМ, ЧТОБЫ СКРЫТЬ ИСТИННУЮ
СУТЬ ИИСУСА – БОРЦА И НАПРАВИТЬ УДАР
РИМЛЯН С ХРИСТИАН НА ЕВРЕЕВ.**

Для подтверждения этой мысли обратимся непосредственно к Святому писанию.

Если посмотреть объективно на библейского Иисуса, его взгляды и деяния выглядят совсем не в таком свете, как пытаются их интерпретировать Новый завет.

Вот Иисус в Храме. Он возмущён заведенным здесь обычаем продавать мелких животных, предназначенных для жертвоприношений, и менять деньги для их покупки, возмущён превращением священного места в рынок. Он гневно и решительно наводит в Храме свой порядок.

“Иисус, вошед в Храм, начал выгонять продающих и покупающих в Храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул”. Так повествует Библия.

Форменный дебош сотворил Иисус.

Где же была в это время стража, насчитывающая сотни человек? Как реагировали на такое самоуправство священнослужители и молящиеся?

Если судить по Библии, никто не выказал протеста действиям Иисуса. Правда, с ним были ученики. Но сколько их было, если никто не попытался оказал им сопротивления?

Естественно предположить, что Иисус явился не с мирными иудеями, а, как и он, с агрессивно настроенной группой людей, возможно, и вооружённой.

Возникает ещё вопрос: если Иисус действовал открыто, ни от кого не прячась, зачем солдатам надо было пытать за деньги у Иуды местопребывание Иисуса?

Логично представить, что после учинённого им в храме дебоша, после зажигательных проповедей, чреватых мятежом, направленных против власти, ему надо было скрываться от полиции.

В более поздних исторических источниках префект Египта называет Иисуса “разбойником”, который руководил вооружённой шайкой, численностью в 900 человек.

По словам Иосифа Флавия, Антипа, который казнил Иоанна Крестителя, опасался, что движение последователей Иоанна таит в себе грозную силу и ведёт к восстанию. А ведь Иисус и был именно таким последователем.

В свете таких фактов и свидетельств понятно стремление христианского священного писания снять с Иисуса подозрение в вооружённом мятеже и утвердить представление о христианстве как о

мирном движении, которому чужды силовые методы и которое лояльно настроено в отношении римской власти.

Если посмотреть на проповеди и действия Иисуса непредвзято, становится ясно, что у римских властей были основания для враждебного отношения к Иисусу. Достаточно вспомнить слова самого Иисуса: “Не с миром я пришёл, а с мечом”.

Сказание как-то ловко обходит это воинственное признание, заставляя религиозного христианина забыть о нём и исключая всё, что может о нём напомнить.

Новый завет совершенно умалчивает напряжённую обстановку, которая характеризует Рим и Иудею той поры, фон, на котором происходят события, связанные с Иисусом.

Джозель Кармайкл пишет: “Римляне, распявшие на крестах бесчисленное количество евреев, умудряются оставаться вне поля зрения авторов и редактора Евангелия”.

Если же на страницах священной книги и появляются римляне, их взаимоотношения с евреями почти идиллические.

Таков Понтий Пилат в Новом завете. В действительности этот римлянин был едва ли не самым жестоким среди прокураторов, правивших Иудеей с начала века до конца 70 – ых годов. Даже римский император опасался, что крутые меры Пилата против евреев могут спровоцировать новый взрыв мятежа, и поэтому отозвал его в Рим для отчёта.

Историк Филон указывает, что император Тиберий отозвал Пилата в Рим, потому что тот был обвинён во “взятках, оскорблениях, лихоимстве, бесчинствах, злобе, непрерывных казнях без суда, ужасной и бессмысленной жестокости”.

Напоминая об этом, Бернард Старр пишет: “Это кем же надо быть, чтобы выглядеть жестоким в глазах римлян?! Исторический портрет реального прокуратора Иудеи опровергает образ безвольного, робкого Пилата, нарисованный Гибсоном”, снискавшим новые лавры на старом лживом МИФЕ.

В действительности с самого начала своего правления Пилат готовился к крутым мерам. Он привёл с собой в Иерусалим значительные военные силы. Узнав о своём назначении, он “покинул свою любовницу в Цезарее и срочно явился в Иерусалим. С ним прибыли его легионеры. На улицах города раздавалось бряцанье мечей и доспехов”.

Вот как описывает появление Пилата в Иудее Иосиф Флавий: “Понтий повелел привезти в Иерусалим статуи Цезаря и расставить их повсюду. Огромная толпа окружила дворец Пилата с требованием немедленно прекратить осквернение Иерусалима. В ответ Пилат приказал своим вооружённым солдатам окружить толпу тремя рядами. После этого он объявил потрясённым евреям, что велит солдатам изрубить в куски каждого, кто не подчинится его приказу и откажется поклониться статуе Цезаря. Толпа молчала. Пилат дал знак солдатам обнажить меч. Тут все евреи, словно сговорившись, упали на колени, восклицая хором, что они готовы умереть, но не отдать на поругание своей земли. Потрясённый их религиозным фанатизмом, Пилат приказал убрать статуи Цезаря из Иерусалима”.

В исторической литературе Пилат известен как жестокий и жадный временщик, который в полной мере пользовался правом казнить и миловать любого неримлянина, посылая его на крест.

Так можно ли согласиться с библейской трактовкой его отношения к Иисусу, как великодушной и милосердной?

Возникает вопрос: почему же евреи не дали свою версию событий?

Почему не пытались опровергнуть домыслы христианских идеологов, доказать, что истинным палачом Иисуса был тиран Иудеи Пилат, который усмотрел в еврейском проповеднике бунтовщика и мятежника, подбивавшего евреев к восстанию под именем Сына Божьего, мессии, Царя Иудейского? Ведь именно прокуратор, а не “жестоковейные” еврейские священники и фарисеи осудили Иисуса.

Почему евреи молчали?

Вспомним, что христианские апостолы создавали Новый завет спустя несколько десятилетий после указанных событий, причём с чужих слов, не будучи сами их свидетелями. Спустя несколько десятилетий! Когда уже нелегко было отделить правду от вымысла.

Что могли сделать евреи? Показать истинное лицо Понтия Пилата? Но на кого можно было сослаться? На Иосифа Флавия? На этого трусливого предателя еврейского народа, оставившего свой пост командира в трагический момент и перешедшего на сторону римлян? Нет, этого евреи не могли себе позволить. Они вычеркнули двурушника из своей памяти. (Об Иосифе Флавии речь пойдёт ниже)

Возможно, знай евреи наперёд о той роковой роли, которую сыграет в их судьбе версия о гибели Иисуса, запечатлённая в Новом завете, они

и предприняли бы в своё время шаги к её опровержению. Но “нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся”. И не только наше слово, но и наше молчание. Страшной трагедией отозвалось для евреев столь громко заявленное слово фанатиков -евангелистов и собственное молчание.

А впрочем, разве кому-нибудь, кроме евреев, нужна была правда? Отцам церкви нужен был враг, против которого, в своих корыстных целях, они могли обратить ненависть христиан, тем более, что этот враг был слаб и не был в состоянии себя отстоять. Разве могли евреи, рассеянные по всему свету, лишённые своего отечества, а значит и защиты, противостоять мощи христианской церкви, за которой стояли всесильные правители многих стран? Слабого можно бить, клеветать, уничтожать, унижать, издеваться над ним, забыв все добрые поучения христианской религии. А чтобы оправдать свою ненависть, надо оклеветать его.

В этом и состояла провокационная роль Нового завета, хотя, может быть, составители и не подозревали в такой степени его разрушительной силы, чреватой тяжёлыми последствиями не только для евреев, но и для формирования нравственного облика и практики самого христианства. В действительности

ВЕРСИЯ СОБЫТИЙ В НОВОМ ЗАВЕТЕ, СВЯЗАННЫХ
С ИИСУСОМ, – ЗЛОВЕЩИЙ И ЛЖИВЫЙ МИФ,
СОЗДАННЫЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ,

повлекший за собой неисчислимые трагические последствия.

Теперь вернёмся к статье Бернарда Старра.

Выступая против огульного, лживого обвинения евреев в смерти Иисуса, он напоминает о расправе римлян с апостолом Павлом, казнь которого “была всего лишь очередной казнью очередного еврея – совершенно незначительное событие, всё равно что глазом моргнуть”. Впрочем, так же, как и казнь Иисуса.

“Разве не удивительно,- пишет с сорказмом автор статьи,- что самый главный христианин своего времени, основавший Церковь, - вероятно, на все времена,- был казнён римлянами в отсутствие наводящей страх еврейской толпы...”, однако,- продолжает писатель,- хотя итальянцы в Риме – наследники римлян, никто не бежит по итальянским деревьям с криками “Хватай убийц основателя

христианства!” “Потому что это глупо – так же глупо, как и заявлять: “евреи убили Христа”...

Название статьи Бернарда Старра – “Кто убил Иисуса? Ответ - в самом вопросе”. Иначе говоря, заглавие уже само содержит ответ. Автор заключает: “Так что если вы согласны, что евреи не убивали Иисуса, не считайте, что этим самым антисемитизм искоренён: ОТВЕТ – В САМОМ ВОПРОСЕ, И НОВЫЕ “ФАКТЫ” НАЙДУТСЯ! Пока мы не остановим примитивную ненависть...” (Прим. Выделение фразы принадлежит Б.Старру)

Автор данной книги готов присоединиться к этому объяснению вековых преследований христианами евреев. Оно в ПРИМИТИВНОЙ НЕНАВИСТИ.

У католической церкви хватило совести хотя бы сквозь зубы признать это и покаяться в своей вине перед евреями, а православие пока что даже на это ещё не способно.

И ходит МИФ по свету, смущая сознание людей, порождая новые беды и трагедии.

Евреи не могли защитить себя от чудовищного навета. Обстоятельства оказались сильнее их. Христианство вышло победителем, стараясь при этом не очень подчёркивать:

что оно приняло монотеистическое П я т и к н и ж и е - старозаветное, иудейское, с его моралью и этикой, приняло книги еврейских пророков и мудрецов, апокрифы, даже неканонизированные;

что христианское причастие восходит к е в р е й с к о й л и т у р г и и,

что в о с к р е с е н ь е, как день, посвящённый Богу и отдыху от трудов праведных,- это не что иное как переименованная еврейская суббота;

что даже слово “п а с х а” произошло от еврейского “песах”, что ладан, лампады, псалмы, гимны, священнослужители, мученики в борьбе за веру, чтение священных книг, сама церковь, сам обряд крещения (у евреев омовение), как и многое другое, – в с ё э т о п р и ш л о и з и у д а и з м а, близкой, родственной христианству религии, хотя христианство с прежним упорством старается это отрицать, навешивая на евреев все новых “собак”.

Добрую службу сослужила христианству, и в большой мере обеспечила его победу, отмена некоторых ритуальных установлений евреев, таких, как обрезание, как многие пищевые ограничения, предписанные еврейскими законами для благочестивых иудеев.

Часто эти законы отпугивали от иудаизма, но они же и обеспечивали его стойкость и не дали погибнуть еврейскому народу за века преследований и репрессий.

Из сказанного выше ясно, в чём состоит б л и з о с т ь двух религий. И в первую очередь, конечно, в основополагающем единстве, состоящем в единобожии и в связанных с этим религиозных установлениях, - в единобожии, зародившемся в сознании евреев и подхваченном христианами.

А в чем р а з л и ч и е?

Конечно, коренное различие не в ритуальных правилах, а в идейных, содержательных основах.

Христиане считали Иисуса мессией, который должен прийти на землю второй раз и возвестить о наступлении Царства божия. И не только мессией, но и самим Богом. Для иудеев история рождения, гибели на кресте и воскрешения еврея Иисуса была окутана тенью глубокого сомнения. Сомнения! Если не сказать более.

Христиане, и в первую очередь апостол Павел, считали Иисуса равновеликим Богу, что входило в полное п р о т и в о р е ч и е с доктриной единобожия.

Евреи многое могли принять в христианстве, со многим согласиться, главное, чего они не могли принять, - ликвидацию абсолютного различия между Богом и человеком, ибо это и было сущностью еврейской теологии. На вопрос о том, кем был Иисус, Богом или человеком, христиане отвечали: тем и другим. Еврейский рациональный логический ум этого принять не мог. Для него это нелепость, нонсенс! Ещё большая нелепость (никак не поддающаяся логике!) для еврейского трезвого ума – постулат о т р и е д и н с т в е: Бог-отец, Бог-сын и Бог-дух святой – в одном лице. Этими постулатами христиане неотвратимо отделили себя от иудаизма. Это тот водороздел, который делает антагонизм между двумя формами монотеизма неизбежным, непримиримым. По существу это единственное (но непреодолимое) основное различие, единственное основное несогласие.

Но почему это несогласие должно было стать таким ожесточённым, диким, безумным, несообразным по отношению к доброй природе человека, каким его замыслил Бог, создавая своё подобие?

Ожесточение, с которым христианство преследовало евреев в течение веков, кажется необъяснимым.

Английский писатель Малколм Хэй пишет: “В чём смысл, подлинный мотив этих преследований, длившихся столетие за столетием во всех странах? ...Никто не может дать убедительного ответа на этот вопрос”. Он приводит слова Стефана Цвейга: “Даже Фрейд, наиболее проникательный человек своего времени, с которым мне удалось беседовать, ...был обескуражен и не мог найти смысла в этой бессмыслице”. И Малколм Хэй добавляет: “Возможно, нет более горького ответа чем тот, который дал Соломон Гольдман: “Причины антисемитизма не имеют никакого другого объяснения, кроме дьявольской природы человека”. (Малколм Хэй. “Кровь брата твоего”).

Неужели в этом правда? Собственно говоря, ведь это повторение другими словами мысли Старра о примитивной ненависти, ибо несправедную ненависть всегда отождествляют с тёмными силами в душе человека.

Само понятие “дьявольской природы человека” – это изобретение христианства, которое утверждает существование светлых и тёмных сил, сил добра и зла, между которыми происходит постоянная борьба, постоянное противостояние.

Можно смело сказать, что именно эту дьявольскую природу человека, замешанную на присущей ей ненависти, и поставило христианство себе на службу, избрав предметом своей ненависти – евреев.

Иудаизм, во всяком случае, в основном его направлении, отрицает силы дьявола и считает Бога единственным правителем мира, носителем добра.

В таком случае, как же объясняет он всё то зло, которое происходит в мире, в том числе и с евреями?

“Мы не можем знать предначертаний Бога,- говорят еврей-ортодоксы,- значит так надо, значит надо терпеливо ждать судного дня, когда Бог явит свой замысел”.

Может ли удовлетворить такое объяснение и такая проповедь

терпенья? Если в истории евреев их решимость и борьба редко приводили к успеху, то и долготерпение принесло немало бед. Но и христианская идея противоборства добра со злом мало что объясняет.

Есть одна истина: из ненависти своей паствы к евреям христианская церковь всегда извлекала для себя выгоду, материальную и моральную, укрепляя на этом свой авторитет, своё влияние и своё экономическое могущество. Быть может, тут -то и скрывается объяснение. Оно в к о р ы с т н ы х, э г о и с т и ч е с к и х мотивах, ничего общего не имеющих с человеколюбием или защитой христианских ценностей. В мутной воде антисемитизма церковь ловила свою рыбку, пренебрегая истиной, совестью, нравственными принципами христианского учения. За антисемитской риторикой и демагогией всегда стоит корысть, хотя порой и неосознаваемая.

Но продолжим разговор об о т л и ч и я х в иудейской и христианской религиях.

Как решают христиане и иудеи вопрос о д у х е и п л о т и? Для христиан зов плоти – греховен. Плотское наслаждение – это нечто нечистое, порочное. Иудаизм же по этому поводу говорит: Бог таким создал человека. Всё от Бога. Он велел: “Плодитесь и размножайтесь”, и люди не должны видеть в этом ничего греховного.

Тора - Закон Моисея, главное, что есть у евреев, Закон, по которому еврею надлежало строить свою жизнь, исполненную добра, милосердия, благочестия. Тора предъявляет к еврею прежде всего требования нравственного порядка. Именно н р а в с т в е н н ы й закон иудейская религия, иудейские пророки, иудейские священные книги считают основой поведения человека.

В этом смысле христиане противопоставляют Торе В е р у. И часто слепую.

Вот что говорит Иисус своим ученикам: “Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев и сестёр, и при том и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником”. “Кто любит отца и мать нежели меня, недостойн меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, недостойн меня”.

Эрнест Ренан, слывший антисемитом и ярым поборником Иисуса, тем не менее пишет о нём: “Так как дело его не было делом разума и не считалось с доводами человеческого ума, то он и требовал наиболее властно одной только “веры”.

Желая оправдать это непреклонное требование Иисуса слепой веры, Ренан утверждает, что эта черта обычно присуща вождям народных движений, бесконечно преданным своей идее и требующим такого же фанатизма от своих сторонников. Только вот почему-то у еврейского вождя - Моисея, истинного или выдуманного (не в этом суть), мы этого не видим.

О вере, как о главном достоинстве христианина, говорит и Новый завет. Святой апостол Иаков призывает: “Братья мои! Имейте веру в Иисуса Христа нашего Господа, не взирая на лица!” Правда, он требует подкреплять свою веру добрыми делами, но всё это звучит, как общие фразы, и далеко от твёрдо установленных, подробно и глубоко трактуемых этически-нравственных норм Торы, выполнение которых еврейский Закон возлагает на еврея. Это также отличает христианство от иудаизма. Далее.

В обеих религиях есть постулат о п о к а я н и и.

Вспомним Ивана Грозного. Каждый раз после бессмысленно жестокой расправы с очередным своим недругом он бьёт поклоны, едва не разбивая свой лоб, вымаливая прощение у Бога, и после очередной покаянной молитвы придумывает очередную мучительную казнь, и потом снова бьёт челом перед иконами.

Тора требует от еврея обращаться за прощением прежде всего к человеку, по отношению к которому он испытывает вину, а потом уже к Богу.

Католики придумали остроумное средство отпущения грехов – индульгенции, потом правда ими же и отменённые. Нагрешил – купи индульгенцию. И тебе польза, и церкви доход. Прекрасная идея. Православные до такого не додумались. Они уповают на молитву, как на средство своего спасения. А потом снова грешат, и снова молятся. Не все, конечно, зачем же грешить на всех христиан? Иные уходят в монастырь, иные становятся отшельниками. Но обиженному-то что из этого?

Еврейский закон требует от обидчика д е л о м загладить свою вину. Об этом в частности есть немало рассуждений и поучений в Талмуде.

Да, различия есть. Да иначе и не может быть. Каждая паства живёт по своему разумению. Но вернёмся к вопросу о “вине” евреев.

Бернард Старр пишет: “Иерусалим был еврейским городом. Что бы там ни происходило – это еврейское дело. И возлагать коллективную

вину на евреев – всё равно что заявлять: “Американцы убили Авраама Линкольна и Кеннеди”. Это глупо. Так же глупо, как обвинять евреев, американцев, итальянцев в смерти Иисуса, Линкольна, Кеннеди и святого Павла. Однако попробуй сказать об этом человеконенавистникам”.

Английский писатель Малколм Хэй, переключаясь с Бернардом Старром, спрашивает: будут ли когда-нибудь отключены эти “мощные генераторы ненависти” (выражение писателя), которые включили христиане, направив их против евреев, сделав эту ненависть одним из краеугольных камней своего религиозного учения и своей религиозной практики?

ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

Выше уже говорилось о гнёте и издевательствах над простыми людьми в древнем Риме. Говард Фаст пишет: “В 1-ом веке ведущей силой в римском обществе стали деньги, а ключевыми фигурами прокураторы”, которые отличались “такой алчностью и ненасытностью”, какой никто прежде не знал. “Место прокуратора давало ему право обирать до последней нитки жителей города или целой страны”.

Наряду с прокураторами, алчные откупщики взимали с населения непосильные налоги в пользу государства и - в свою пользу. Алчное государство, с его утопающими в роскоши и разврате римскими правителями, беспощадно разоряло население бесконечными поборами. Естественно, что всё это вызывало протест покорённых народов, вселяло ненависть к римским правителям.

Наряду с жестоким гнётом, обнищанием, евреи постоянно испытывали национальную и религиозную ущемлённость. Их религиозные чувства постоянно подвергались наглým и вызывающим оскорблениям, святилища осквернялись. Римская солдатня могла устроить оргии в еврейском храме, сжигая при этом священные для евреев свитки Торы. Её излюбленным издевательством над евреями было жертвоприношение птиц. Птиц обычно жертвовали прокажённые. Принося в храм птиц, солдаты намекали на лживое предание о происхождении евреев от прокажённых.

Это был один из тех злобных антисемитских МИФОВ, которые сопровождали евреев на протяжении всей истории их рассеяния.

А тут ещё полубезумный император Калигула, объявивший себя божеством, потребовал воздвигнуть свои статуи во всех храмах. Еврейское население отказалось подчиниться приказу, ибо для него это было святотатством.

Напрасно еврейская делегация, состоящая из влиятельных, уважаемых людей, старалась втолковать это Калигуле, разъярённый правитель, вне себя от гнева, обрушился на них с криком: “Все народы признают мою божественность, вы - единственный народ, который не хочет этого признавать!”

Над головами евреев нависла угроза массовой расправы.

Смерть Калигулы от рук своего соперника была спасением, которое евреи расценили как Божий промысел.

Активную роль в издевательствах над евреями в римском обществе играли греки, которые считались привилегированной цивилизованной нацией, в противоположность варварам – евреям. Они пользовались своим положением, чтобы оскорблять религиозные чувства евреев, что нередко вызывало столкновения между евреями и греками.

Одно из таких столкновений в Кесарии и спровоцировало войну.

Блеснули ножи, кинжалы, римская полиция равнодушно взидала на это, пока не появились первые убитые. Так как в подобных столкновениях всегда обвиняли евреев, участвовавшие в инциденте евреи скрылись. С новой силой вспыхнула партизанская война, которая фактически не прекращалась в течение предшествующих десятилетий.

Наиболее радикальным крылом восставших были zeloty – крестьяне, согнанные со своих земель за неуплату налогов. Они не могли уберечь свои семьи от нищеты и рабства и часто вместе с семьями бежали в горы, в пустынные районы, где присоединялись к партизанам, к шайкам бродяг, грабящих на дорогах.

Жгучая ненависть горела в их сердцах, они ненавидели своих угнетателей и искали утешение в религии.

Самыми непримиримыми из них были секарии, что значит “вооружённые ножами”, от слова “сака” – нож, с которым они никогда не расставались. Дня не проходило без убийств. Они вырезали целые семьи, если считали, что их хозяин предатель или вероотступник. Они высматривали своих жертв в толпе и бесшумно расправлялись с теми, кто высказывал негодные им взгляды. Когда толпа расходилась, на земле оставались трупы убитых, но секарии исчезали ещё до того, как убийство было обнаружено.

Зелоты и сикарии были религиозными фанатиками, себя они считали исполнителями Божьей воли.

Постепенно к ним присоединились самаряне и идумеи, люто ненавидевшие римлян, которые довели их до нищеты и считали обычной для неримлянина бессмысленно жестокою казнью на кресте, подвергая ей и правого, и виноватого.

Восстание втянуло в свою орбиту и фарисеев – обеспеченных, авторитетных людей, среди которых были мелкие землевладельцы и рядовые священники. Этих людей глубоко возмущали бесчеловечные римские законы и нравы. Их захватил этот дух сопротивления, горевший в народе, непреклонное стремление к свободе, эта

готовность народа бороться за восстановление своего государства. Они поняли: пути назад нет.

Фарисеи не были сторонниками кровопролития, они опасались открытого столкновения с римлянами, понимая, что силы восставших и силы римлян слишком неравные, и всё-таки некоторые из них взяли на себя руководство мятежниками. К ним относился и Иосиф Флавий, писатель, будущий автор “Иудейской войны”, единственной, дошедшей до нас летописи легендарной кровавой эпопеи. Иногда сами зелоты приглашали умных, честных, образованных людей возглавить восставших, и те, хотя и с неохотой принимали на себя эту миссию, честно и мужественно выполнял свой долг перед соплеменниками.

Ессеи же молились в своих пещерах за успех восстания. Если Иисус и вышел из их среды, то вряд ли он остался бы в стороне от великой битвы, живи он в те годы.

В это время сознание народа питалось во многом апокалиптическими идеями, верой в то, что падение империи недалеко (слишком она погрязла в пороках) и близится царство Божье, которое возглавит Сын Человеческий. Те же настроения, те же мечтания были присущи и первым христианам. Но поднялись не они, а евреи, охваченные жертвенной страстью самоотречения.

Один из персонажей в романе Фейхтвангера обращается к евреям со словами: “Неужели вы ещё дадите чужеземцам отнять у вас благословение Ягве, чтобы они устраивали бои гладиаторов и травили нас зверями? Времена исполнились. Царство Божие близко. Мессия родился...Убивайте трусов из Великого совета в Риме! Убивайте римлян!”

По всей стране создаются вооружённые отряды, в Иерусалиме происходят бурные демонстрации. Новый прокуратор Иудеи, ставший и последним, Гессий Флор, изымает 17 талантов золота из казны Храма, которая состоит из приношений прихожан, и вводит новый налог. Оппозиционно настроенная молодёжь, высмеивая Флора, ходит с пустыми вёдрами по улице, прося подаяние для “бедного неудачника-губернатора”.

Флор взбешён, он требует выдать зачинщиков. Полиция бросается на поиски “Мстителей Израиля” и участников революционных групп. Обыски превращаются в грабежи и в вооружённые столкновения. Полиция хватается за людей. Сотни евреев приговариваются к позорной

казни - распятию на столбе. За пять дней в Иерусалиме было убито свыше трёх тысяч человек, среди них около тысячи женщин и детей.

Теперь даже зажиточные горожане вступают в ряды “Мстителей”.

Умеренные пытаются остановить восставших, напоминая об их слабости и о мощи легионов, с их артиллерией, флотом, но народ, доведенный до крайности, внимает не им, а радикально настроенным zealotам.

Доктор Элеазар, как начальник храмового управления, приказывает прекратить жертвоприношения в иерусалимском храме в честь римского императора, которые практикуются уже в течение ряда лет. И это звучит как сигнал к восстанию.

Иерусалим переходит в руки восставших. Военный гарнизон Рима оказывается бессильным. Ему обещают свободный выход из города при условии сдачи оружия, но когда оружие было сдано, наиболее непримиримые из восставших напали на солдат и полностью истребили их.

Восстание перебрасывается и на другие провинции Палестины, происходят кровавые столкновения с греками на национальной почве. В Кессарии, где и в мирное время греки и евреи жили в состоянии полувойны, греки в отдельных городах полностью вырезают евреев, там же, где преобладают евреи, они с той же беспощадностью расправляются с греками.

Флор вызывает подкрепления из Сирии. Оттуда выступают 2 легиона под водительством опытного военачальника Цессия Галла. Но профессионально обученное, технически оснащённое войско оказывается не в состоянии справиться с несведущей в военном деле, плохо вооружённой, но решительно настроенной массой восставших бойцов из отрядов “Мстителей”, которых поддерживает население.

С крыш домов на головы солдат обрушивается град камней из пищалей.

Цессий Галл отступает, преследуемый “мстителями”. (Если следовать за романом Фейхтвангера, именно так назывались отряды противников римского режима).

В ущелье Бет-Хорон войско Галла попадает в засаду. Вождь восставших Симон бар Гиор, совершив обходной манёвр, окружает римлян и наносит Галлу сокрушительное поражение. Римляне теряют 6 тысяч воинов и весь свой обоз.

Ещё до восстания Симон бар Гиор развернул партизанскую войну. Это “молодой офицер невысокого роста . Над короткой холеной бородкой выступает энергичный прямой нос, поблескивают узкие карие глаза”. Так рисует писатель его портрет, подчёркивая его молодость, мужественную красоту и смелость.

Сила духа не оставит Симона и тогда, когда за несколько часов до смерти, идя в колонне пленных, молодой, прямой и стройный, он скажет своему соратнику, коренастому, мужиковатому, из крестьян Иоанну Гискальскому: “Они предадут меня позорной смерти, и всё-таки хорошо, что мы начали эту войну. Она не кончена, и идущие за нами многому научатся. Если бы только мы вовремя объединились, мой Иоанн, мы бы с ними справились”. Таков этот вождь восстания.

Победа, которую Симон одержал над Галлом, казалась евреям знаменательной. В этом самом месте, по библейскому преданию, Бог когда-то остановил солнце, чтобы обеспечить успех Израилю, здесь Иегуда Маккавей одержал верх над греками. Успех Симона вселил в евреев надежду: он не случаен. В Храме состоялось торжественное богослужение. Народ праздновал победу. Он снова был свободен. В Иудее устанавливается независимое еврейское правление. Восставшие торопятся утвердить и ознаменовать свою победу чеканкой новой монеты. – Новый недолгий период независимого еврейского государства. Краткий миг на протяжении многих последующих веков изгнания. Трагическое торжество в обстановке боёв, схваток и раздоров.

Всем ясно, что борьба не закончена, и поэтому восставшие поспешно вооружаются, женщины и дети помогают мужчинам. Маленькая страна готовится к схватке с титаном.

М. Даймонт пишет: “Народы, входившие в состав Римской империи, не веря своим глазам, следили за тем, как

**ЕВРЕИ В ОДИНОЧКУ СРАЖАЛИСЬ С РИМСКИМ
ГОЛИАФОМ. Евреи были так близки к победе, что
РИМЛЯНАМ ПРИШЛОСЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВСЮ
СВОЮ МОЩЬ.**

Они понимали, что ставка слишком высока: стоит им проиграть, а евреям добиться независимости, и пламя восстания охватит всю империю. Поэтому они действовали беспощадно, стремясь осилить

евреев. Кровавые побоища следовали одно за другим с неослабевающей яростью”.(М. Даймонт.“Евреи, бог и история”).

Основной удар римляне направляют против Галилеи, которая сопротивляется особенно упорно. Во главе армии восставших в Галилее стоит Иосиф Флавий. Он молод, превосходно образован, принадлежит к старинному священническому роду, то есть к израильской аристократии.

У него много достоинств, но трезвый взгляд на вещи не позволяет ему быть достаточно твёрдым и настойчивым. Он понимает бесполезность борьбы с всемогущим Римом.

Под натиском легионов падают один за другим восставшие города Галилеи. Римляне захватывают Магдал, прибрежный, довольно хорошо укрепленный город. Остатки разбитых повстанцев устремляются к утлым рыбацким лодкам и тонут, сопровождаемые смехом забавляющихся римских солдат, которые отрубаят руки тем, кто пытается ухватиться за их плоты.

Вода Геннисаретского озера была красной от крови. Много лет потом евреи не ели из него рыбы. В этой битве погибло более 4 тысяч евреев. Около 38 тысяч было взято в плен. Больные и те, кто постарше, были зарублены, остальные проданы в рабство.

Последней опорой Иосифа была крепость Иотапата.

Три мощных римских легиона окружили крепость тесным кольцом. Вожди евреев решили удерживать крепость до конца. Она почти неприступна. Если им удастся продержаться, Иерусалим может быть спасён.

Но Веспасиан воздержался от прямого боя. Его войска осадили крепость. Стояло жаркое лето, а вода у защитников крепости убывала. Они строго регламентировали её потребление. Пытавшихся выбраться из крепости в поисках воды римляне распинали на крестах, что означало медленную и мучительную смерть.

На всех вершинах стояли кресты. Римляне возводили искусственные валы, которые всё ближе подвигались к крепости.

Люди умирали и сходили с ума от жажды, но не думали о сдаче. Римские тараны уже стояли под стенами Иотапаты.

Не ожидая, когда римляне ворвутся в крепость, все оставшиеся в живых приняли решение покончить с собой, заколов по жребию друг друга.

Иосифу, с помощью хитрости, удалось полуживым от жажды выбраться из крепости и сдаться римлянам. Этого предательства евреи не могли простить ему.

Впоследствии он с уважением писал о своих погибших товарищах и всю жизнь пытался оправдать себя.

От Иотапаты путь шёл в Иерусалим, осаждённый римлянами.

“Иерусалим должен быть разрушен!” - категорически требуют сенаторы Рима, кипя от злости и ненависти к этому упрямому городу.

Евреи получают некоторую передышку, когда в Риме кончает с собой Нерон. Трое его преемников сменяют друг друга на троне, убитые каждый своим соперником. Наконец армия провозглашает своим императором Веспасиана.

Старый опытный воин отбывает в Рим, поручив своему тридцатилетнему сыну Титу закончить войну с евреями.

Беспримерная оборона Иерусалима продолжается.

К этому времени очаги восстания были подавлены Веспасианом на всей территории Иудеи. Но Иерусалим стоял неприступной твердыней. Это была самая сильная крепость на Востоке. Остатки разгромленных повстанческих отрядов стекались в Иерусалим, чтобы продолжить борьбу.

И снова эта неразумная еврейская строптивость. Вместо того, чтобы объединиться, они начали между собой братоубийственную, междоусобную борьбу.

Радикально настроенные группы перебили умеренных фарисеев и левитов. Они не пощадили даже первосвященника. Сикарии, самые бескомпромиссные радикалы, подожгли и уничтожили запасы продовольствия. Кажется, большую глупость трудно было придумать. Впоследствии это привело к жестокому голоду и ускорило падение Иерусалима.

Вожди восставших, Иоанн Гискальский, Элеазар бен Шимон и Симон бен Гиора, яростно боролись между собой за первенство. Они отрезвели, когда римляне подошли к городу. Только тогда они покончили с раздорами и объединились.

Тит, как и до него Веспасиан, отказался от мысли взять город приступом. Он не хотел терять свои лучшие легионы, предвидя потери при наступлении. Тактика римлян состояла в том, чтобы осадить Иерусалим, устрасить восставших и принудить их к сдаче. Они не

предполагали такого невиданного упорства и стойкости, которые явили еврейские повстанцы.

Титу были приданы свежие войска. Теперь силы римлян доходили почти до 100 тысяч против 23 тысяч защитников города.

Римляне окружили Иерусалим деревянным валом, вырубив вокруг него все деревья на расстоянии 20 миль: плодовые сады, масличные рощи, вековые кедры- всё пошло неприятелю для строительства наступательных сооружений. Римляне боялись, что и этих деревьев им не хватит, тогда придётся сидеть здесь и ждать, чтобы перемёрли все евреи.

Поход действовал римлянам на нервы сильнее, чем более опасные и суровые кампании. Ими овладевала бессильная ярость.

А положение восставших было очень тяжёлым. В городе начались голод и эпидемии. Римские стрелки, расположившиеся на валу, развлекались тем, что стреляли в сидевших на территории кладбища умирающих от голода евреев. Они показывали евреям свои пайки, жрали их, давились, кричали непристойности. Они задыхались от злобы: “неужели им придётся вечно сидеть перед этой белой, таинственной и страшной твердыней? Никакой другой город в мире не мог бы выдержать так долго междоусобицу, голод, войну... Начиная с начальников легионов и кончая последним рядовым римляне дошли до предела в своём гневе на этого Бога Ягве, не дававшего римскому военному искусству восторжествовать над фанатизмом еврейских варваров”.

Всех, кто пытался выйти из города, римляне вешали на кресте. Вершины холмов вокруг Иерусалима обросли крестами. Профосы выказывали большую изобретательность в придумывании новых положений для казнимых. Иных они прибавляли к кресту вверх ногами, иных поперёк креста, вывихивая им руки и ноги..

Гибель ждала и в городе и за его стенами, и не хватало крестов для человеческих тел.

“День, когда на крестах вокруг Иерусалима корчилось до пятисот распятых, не был исключением. Воздух был пропитан смрадом гниющего мяса и наполнен стонами агонизирующих людей. И всё же евреи держались- это был уже четвёртый год войны” (“Евреи, бог и история”. М.Даймонт.)

Нельзя не упомянуть об одном поразительном эпизоде, происшедшем во время осады, в ту пору, когда осадой руководил Веспасиан, об эпизоде, который сыграл впоследствии огромную роль в судьбе еврейской религии, в судьбе народа.

В один из дней, когда Иерусалим стоял, измученный, но не сдавшийся в кольце римских войск, к воротам города приблизилась похоронная процессия: несколько человек несли гроб на своих плечах. По их словам покойный болел страшной, заразной болезнью, поэтому его нельзя хоронить в городе, чтоб не распространить заразу.

Римляне пропустили гроб с сопровождавшими его евреями, но, когда они открыли его, из гроба выбрался пожилой бородатый еврей.

Это был еврейский мудрец, учёный Иоханан бен Заккай.

И вот этот человек стоит перед самим Веспасианом. Старый еврей в традиционном одеянии спокойно и бесстрашно смотрит на всемогущего римского полководца, закованного в сверкающие латы.

Веспасиан ждет. Чего хочет от него этот старик? Как посмел он так обмануть римских солдат?

“Я пришёл объявить тебе пророчество и обратиться с просьбой”, - говорит старый еврей.

Веспасиан не прочь узнать о своём будущем. “Тебя ждёт корона римского императора”, - не колеблясь, отвечает его пленник.

Веспасиан счастлив. Лучшее будущее трудно ожидать.

Что хочет еврейский мудрец от него за такое счастливое пророчество, спрашивает Веспасиан.

Конечно, не лишённый корысти римлянин ожидал и от еврея просьбы о деньгах. Но денег мудрец не просил. С понятным недоумением Веспасиан отпустил странного старика с миром.

Как мы знаем, предсказание бен Заккая сбылось, но какие мотивы заставили старого человека идти на такой рискованный обман, когда он был вынесен из погибающего города?

Нет, не забота о собственной безопасности вела его, не желание спастись от неизбежной гибели в осаждённом городе. Его обращение к всемогущему полководцу состояло всего-навсего в просьбе разрешить ему открыть в каком-либо из иудейских городов школу, где он и его ученики могли бы изучать еврейские законы. Казалось бы, странная просьба, но бен Заккай думал о будущем своего народа, о его вере, потому что не может быть народа без веры. Без веры народ

растворяется среди других и перестаёт существовать как народ. Именно так и случилось с Израилем много веков назад. Заккай понимал неизбежность гибели Иерусалима, он предвидел муки и страдания, которые ждут его народ после поражения. Что может спасти народ? Единая вера, которая сплачивает, поддерживает, даёт силу... Предсказание еврейского мудреца, основанное на трезвом расчёте, исполнилось.

Через несколько месяцев Веспасиан надел пурпурную тогу императора, а бен Заккай основал в городе Явне первую еврейскую духовную академию, которая вскоре стала местом притяжения учёных и стремящихся к науке евреев. Эта школа создала условия для сохранения живой еврейской мудрости, для спасения иудаизма, для спасения народа.

Были среди евреев те, кто считал поступок бен Заккая предательством. Ведь он выбрался из осаждённого города, где погибали его соплеменники. Он спасся, а они погибли. Большинство же евреев расценивают поведение мудреца как образец высокого мужества. Он шёл на великий риск. Он поставил свою жизнь на весы, где на другой чаше было будущее его народа. И он выиграл. Результат этого поступка ещё очень долго будет положительно сказываться в судьбе еврейского народа...

Несмотря на, казалось бы, безвыходное положение, Иерусалимская крепость стояла.

Тит делает даже попытку договориться с евреями и вступает с ними в переговоры. Он готов был даже на уступки, но требования евреев были невероятно дерзки. Переговоры кончились провалом.

И тогда Тит пошёл на безумную затею. Он устрашит Иерусалим своей мощью и заставит его сдаться. Он проведёт парад своей армии под стенами города. Среди боёв, смертей, среди злейших страданий осаждённого города он продемонстрирует свои войска. Евреи должны понять, с какой силой они сражаются, понять бесполезность своей борьбы.

И вот перед глазами осаждённого населения, смотревшего с иерусалимских стен, проходили легионы по 6 человек в ряд, в полном вооружении, обнажив мечи: 70 тысяч солдат, за которыми следовало 10 тысяч кавалеристов и тысячи осадных орудий.

Евреи, сидя на своих стенах, на своих крышах, тысячи осаждённых, погибающих с голоду евреев, наблюдали парад невиданной мощи, наблюдали это невообразимое шествие, которому, казалось, нет конца.

Они молчали, и это молчание свидетельствовало об их глубокой неприязни к самоуверенному врагу.

Парад продолжался 3 дня. А когда он кончился, евреи выразили своё презрение дерзкой и насмешливой овацией.

Тит был взбешён.

Многое в этой войне удивляет потомков, кажется странным, нереальным. И в первую очередь это удивительное, отчаянное упорство евреев, словно обречших себя на гибель.

11-го мая римлянам удалось подтащить к стенам Иерусалима свои стенобитные машины, и весь Новый город содрогался от глухих ударов “Свиного Юлия”, крупнейшего римского тарана.

Через три дня римлянам удалось взять внешнюю стену. Новый город был разграблен и сровнят с землёй. Валы и машины подводились ко второй стене.

Вторую стену защищал Симон бар Гиора. Её взятие стоило римлянам огромных потерь в людях и боеприпасах. Бой длился непрерывно днём и ночью в течение целой недели. Симон проявил не только упорство, но и большое военное мастерство. Но сказалось численное и техническое превосходство римлян.

30 мая они штурмом взяли вторую стену. Но это был ещё не конец. Белый дерзкий город, этот знаменитый строптивый прекрасный город смотрел на Тита со всех своих крутых холмов. В центре города возвышался Храм - центр еврейской жизни, краса и гордость Иудеи, твердыня, которую надо было взять, необыкновенно красивая твердыня, без овладения которой нельзя говорить об окончании войны.

Впервые Давид заложил этот Храм на святой горе Сион. Его достроил царь Соломон в течение семи лет. “За это время ни один рабочий не умер, ни один даже не заболел, ни один инструмент не сломался”. Так говорит предание.

Могучий, великолепный дом Ягве, построенный Соломоном, стоял более четырёхсот лет. Его разрушил вавилонский царь Навуходоносор.

Новый храм, построенный евреями после вавилонского плена, был жалким подобием первого, но царь Ирод перестроил его и превратил в

прекраснейшее здание во всей Азии. Многие считали его и лучшим в мире. Он поражал своими великолепными пропорциями и благородством отделки. “Белый и золотой, висел над городом Храм на своих белых террасах; издали он казался покрытым снегом холмом”. Искусная мозаика, мрамор, золото и серебро, коринфская бронза покрывали его ворота, колонны, террасы. Художественные произведения Храма снискали ему мировую известность. О его сокровищах ходили легенды.

Тит не хотел разрушать Храм. Об этом говорит его приказ. Но в ходе ожесточённого сражения он был разрушен разъярёнными солдатами, опьянёнными ненавистью и победой.

Сначала шесть дней без перерыва “Свирепый Юлиус” пытался разрушить внешнюю стену священной обители Ягве. Стена стояла. К нему присоединились другие машины- стена нерушимо стояла.

Римляне попытались взять её штурмом - евреи столкнули приставленные к стене лестницы, густо усеянные людьми. К воротам был подложен огонь. Он бушевал целые сутки. Наконец путь к зданию был открыт. Римляне подожгли запасы дров, которые использовались в храме. Огонь бежал по кедровым балкам, по драгоценной деревянной облицовке залов.

С неистовой яростью римляне ринулись внутрь Храма.

Иоанн и Симон, пытавшиеся защитить Храм от огня, поняли, что невозможно одновременно тушить огонь и сдерживать напор истоплённых римских легионеров. Они дали приказ стянуться в Верхний город. Небольшие отряды добровольцев, обречённые на гибель, прикрывали их отход, но никто не колебался.

Тит, раздасодованный тем, что Храм гибнет, дал соответствующий приказ войскам, но он не мог отрезвить легионеров, охваченных бешеной яростью, опьянённых жадой мщения за изнурительные месяцы осады.

“Храм горел и рушился, а легионеры азартно, толкая друг друга, с криком и хохотом расхватывали храмовые сокровища. Они наслаждались, эти разнузданные захватчики, давая себе волю после перенесенных трудных месяцев; тяжело громыхали подкованными сапогами по полу, мрамор и мозаика которого были покрыты трупами и окровавленными боевыми перевязями защитников Храма, с начальными буквами девиза Макковеев”

В то время, как пламя бушевало над Храмом, в самых нижних его частях находилось много мирных иудеев: мужчин, женщин, стариков и детей. Они скопились в Храме, побуждаемые твёрдым убеждением неведомо откуда явившегося старика: он слышал голос; это был голос Ягве; Ягве идёт сюда, как спаситель.

Но Ягве не пришёл.

Теснимые римлянами, они дошли до самых нижних помещений и здесь, безоружные, предстали перед спускающимися по ступеням римскими солдатами.

Для римлян это был товар рынка рабов, материал кровавых праздничных игр. Но опьянённые победой римские солдаты пожелали всласть насладиться своим торжеством. Они загородили выход из помещения этому живому товару и с интересом наблюдали, как люди метались, прыгая в пропасть, устремляясь на мечи построившихся в четыре ряда легионеров или навстречу огню. Над обрушивающейся колоннадой звучал предсмертный вопль: “Слушай, Израиль, Ягве един!” Солдаты передразнивали эти крики, вопя наподобие ослов “Я-а-а ! Яа –а-а!”

Среди мечущихся людей римский офицер увидел двух господ из Великого совета, которых он знал лично, и предложил им сдаться, обещая пощаду. Но они пожелали погибнуть с остальными.

Все, кто остался жив, погибли под обрушившейся колоннадой. Кто знает, может быть, это и была милость Ягве, о которой говорил старик, - милость Ягве, избавившего их от более мучительной и позорной смерти...

Тит целиком стёр Иерусалим с лица земли, оставив только часть западной стены, как доказательство того, как укреплён и как прекрасен был взятый им город.

Пленных с оружием сейчас же казнили на кресте. Кресты густо стояли сотнями на Масличной горе, на них висели нагие люди, исполосованные бичами, с чудовищно искажёнными лицами. Некоторые произносили проклятия, большинство бормотало своё: “Слушай, Израиль!”

Такова была жуткая картина, увиденная и оставленная для потомства Иосифом Флавием.

На торжественных празднествах на арене одна группа евреев должна была нападать на другую, изображая взятие военного

плацдарма. Бородатые жалкие люди должны были наносить друг другу смертельные удары. Тех, кто уклонялся от битвы, подгоняли ударами кнута и раскалённым железом. Против тех, кто не хотел убивать своих соплеменников, выпускали натренированных бойцов – рабов. Из уст сражающихся срывались крики: “Слушай, Израиль, Ягве един!”

Зрители криками старались возбудить сражающихся на смерть на арене, увидеть, какие они, евреи, в настоящей схватке, такой, как на поле сражения, ведь они наслышаны о стойкости и бесстрашии евреев.

На пленных выпускали львов, зубров, слонов. Зрители выражали жалость к разъярённым зверям, а не людям, которых они терзали и давили.

Для того, чтобы потеха была ещё более забавной, пленных на арене обряжали в смешные маски, поджигали на них легко воспламеняющуюся одежду, заставляли карабкаться по скользким ступеням, с которых евреи падали на поднятые копьё.

Так умирали на потеху римлян тысячи иудеев.

На подмостках Большого цирка, вмещавшего триста восемьдесят три человека, не было ни одного свободного места, когда в торжественной процессии проходили победители: министры, сановники, повозки с награбленными драгоценностями, военными доспехами, знамёнами и оружием побеждённых, с пропитанными кровью повязками маккавеев.

А как же без крови?

Ей и здесь нашлось место. На повозках воспроизводились кровопролитные военные сражения, чтобы просвещённые зрители не скучали.

Вот солдаты несут священные еврейские свитки. Это их могучий римский Бог войны отвоевал у страшного, непонятного, невидимого, таинственного еврейского Ягве.

Звучит музыка на еврейских музыкальных инструментах. Этой музыкой в Иудее возвещают каждые семь лет о возвращении пленных рабов в категорию свободных людей. Здесь, в Риме, она звучит как апофеоз нечеловеческой жестокости по отношению к пленным.

Но вот и они, военнопленные, живая добыча победителей, отобранные, одетые в пёстрые одежды, гремящие цепями. Их ждут каторжные работы, арены цирков. Среди них и вожди восставших, вознамерившиеся подняться против всемогущего Рима, Симон бар Гиор и Иоанн Гискальский. На их головах венки из сухих колючек.

На лицах обоих не видно страха смерти. Они выражают спокойствие. Словно эти главные пленники знают, что сделали своё дело, и теперь готовы умереть.

Их и в самом деле ждёт расправа после парада. Нет, ещё до окончания парада. Они этого не знают, но готовы ко всему.

Когда триумфальные колесницы остановятся у Капитолия, глашатаи прокричат всему народу о смерти Симона бар Гиора, которого бичевали и после бичевания задушили.

Иоанн проживёт дольше.

И вдруг в колонне пленных возникает крик: “Слушай, Израиль, Ягве наш бог, Ягве един!” Его подхватывают все пленные. Слушатели в ответ пытаются подражать ослиному крику: “Яа-а-а!” Но затем они стихают, и над трибунами воцаряется тишина.

Кто-то в этот момент задумывался: каков он, этот Бог, что дал силы маленькой Иудее подняться против Римского гиганта и основательно потрясти его?

Нет, это не осёл. Не может быть ослом этот таинственный, грозный Ягве, который заставил всемогущий Рим напрячь все свои силы, для того чтобы справиться с маленьким народом.

Он побеждён, этот Бог. Но в еврейских синагогах, и после ужасающего разгрома, звучит тот же возглас: “Слушай, Израиль, Ягве наш Бог, Ягве един!”

Вот вслед за оркестрами и жертвенными животными показалась триумфальная колесница. На ней Веспасиан. Нынешний скороспелый римский император, с лицом простого грубого крестьянина, каким он и остался.

Затем нескончаемым потоком следовало бесконечное войско: когорты легионов, техника – катапульты, камнемёты, тараны, “Свирепый Юлиус”, – оружие кровожадной варварской империи, – Рима, о котором Тацит сказал, что после себя он оставляет выжженную землю.

Так Рим праздновал победу – Пиррову победу, потому что он понёс чудовищные потери. Он победил не в силу своего военного искусства, а в силу огромного численного превосходства.

Древний историк Филострат писал, что Тит, отказавшись от победного венка, заявил, что, мол, невелика заслуга победить народ, от которого отвернулся его собственный Бог.

Пол Джонсон называет это утверждение типичным для антисемитской пропаганды. Он считает это замечание Тита неправдоподобным в устах профессионального полководца, который выиграл нелёгкую войну у решительно сопротивлявшегося народа.

О том, какое значение Тит, и римляне вообще, придавали этой победе, свидетельствует воздвигнутая ими т р и у м ф а л ь н а я а р к а, до сих пор символизирующая изображением е в р е й с к о г о с е м и с в е ч н и к а на её столпах силу м у ж е с т в е н н о г о с о п р о т и в л е н и я и у д е е в карательной мощи всесильного Рима.

После иудейской войны антисемитская критика со стороны греческих историков в адрес евреев усилилась. Ведь побеждённых легко и привычно судить, в особенности если отрицательная оценка исходит от устарелой ненависти.

По словам Пола Джонсона, Гораций и Марсий осуждали евреев приглушённо, а Тацит сознательно, намеренно, часто вопреки элементарной правде “свёл воедино всю греческую грязь”.

“Начиная с 100-го года нашей эры, евреев стали с новой силой осуждать за разрушительную деятельность и идеи; эхо от этого обвинения будет звучать вечно”,- говорит писатель.

В известном смысле это осуждение объяснимо: чувство справедливости, оппозиционность по отношению к силе, навязывающей свои законы, защита истины, слабых, угнетённых не раз в истории приводила евреев на баррикады, в первые шеренги пламенных борцов, как это было уже отмечено выше. А так как такая борьба, как правило, обречена на поражение, то вместо похвалы и сочувствия она в конце концов вызывала осуждение и непонимание и давала повод обвинять евреев в разрушительном бунтарстве, что подхватывали и раздували антисемиты.

Правда, наличествует и другое устойчивое мнение, распространяемое антисемитами, другой устойчивый МИФ - о трусости евреев. Однако если обратиться к революционным движениям 19 – 20 веков, видно, какую большую роль играли в них евреи, особенно в эпоху пролетарских революций в Европе. Евреев сажали в тюрьмы, ссылали на каторгу, расстреливали, особенно показателен пример России. Какая же тут трусость? А движение Сопротивления в странах Западной Европы в годы второй мировой

войны? Бойцы французского сопротивления пели свои песни на еврейские мелодии. Разве это не показательно? Но антисемит видит то, что хочет видеть, и в зависимости от обстановки приписывает евреям те или иные отрицательные качества, часто совершенно противоположные, без всякого стеснения противореча самому себе...

Иудейское восстание в истории Римской империи было из ряда вон выходящим. Евреи, единственные, так упорно и самоотверженно бросали вызов римскому владычеству.

Очаги восстания продолжали гореть на территории Иудеи и после падения Иерусалима. И самым значительным из них, оставившим неизгладимую память в еврейской истории, была оборона крепости Массад, ставшей символом стойкости и нравственной силы. Израильские солдаты именно поэтому и сейчас принимают здесь присягу на верность своей стране. “Массад не падёт вновь!” – клянутся они.

Дай-то Бог!

Крепость Массад – это скала на краю Иудейской пустыни. Ирод, в пору своего царствования, превратил Массад в мощную крепость.

Строительство грозной крепости в пустыне требовало немало таланта и изобретательности, чтобы решить исключительно сложные инженерные задачи. Крепость строилась с размахом и любовью. Раскопки Массад в наши дни обнаружили фрагменты царского дворца, стены которого были облицованы художественной росписью, а полы выложены мозаикой, склады продовольствия, удивительные водосборные бассейны, вырубленные в скалах, искусно устроенную баню.

Иосиф Флавий, рассказавший миру о героической обороне Массад, подчёркивал неприступность крепости, к которой можно было подойти только по “змеиной тропе”.

Римляне окружили крепость у её подножия, но ее защитники совершали дерзкие налёты на лагерь противника и сражались с римскими солдатами.

Они надеялись, что римляне не смогут организовать долгую осаду из-за отсутствия в пустыне воды. Но всемогущие римляне не собирались уступать. Рабы регулярно привозили им воду. Они намерены были взять крепость измором и готовились к долгой осаде. Вокруг крепости возводилась стена с башнями, так что Массад была

совершенно изолирована от внешнего мира. Но её защитники были готовы отразить любую атаку. Они говорили: “Бог Израиля будет нам защитой!”

Сюда бежали zeloty, уцелевшие после падения Иерусалима. Ими командовал вождь zelotov Элеазар.

Массада, хорошо укреплённый бастион у Мёртвого моря, мужественно держалась 3 года. Но его падение было неизбежным. Мятежной крепости противостоял десятый легион, со вспомогательными подразделениями, включавшими осадные орудия; бесчисленное множество пленных использовалось при осаде крепости в качестве рабочей силы.

Защита Массады – впечатляющая страница еврейского древнего прошлого.

Окружённая со всех сторон врагами, всё ближе подбиравшимися к её сердцу, крепость жила обычной жизнью. По субботам евреи собирались в синагоге и молились, обратившись лицом к Иерусалиму, моля поддержки у Бога.

А стена, возводимая римлянами, всё росла и удлинялась. Евреи видели это из бойниц башен. Уже можно было разглядеть копья и щиты легионеров. Ночами они разводили костры. Сотни костров со всех сторон зловеще окружали осаждённых. Казалось, римляне готовы сжечь евреев в этом огненном кольце.

Вот они уже возвели деревянную стену и засыпали её землёй, чтоб можно было установить на ней осадное орудие. Насыпь наползала на склоны горы, словно гигантская змея. Римляне пытались укрепить на ней стенобитное орудие, но насыпь его не выдерживала, тогда они принялись мостить её верхнюю часть камнем.

Длинные караваны ослов и мулов, навьюченных мехами с водой и продовольствием, оружием и таранами, ежедневно прибывали к крепости.

А осаждённые? Молча наблюдали это грозное строительство, несущее им смерть?

Нет, конечно. В Массаде собрались люди, готовые до конца противостоять врагу. Боевой, непреклонный дух отличал всё её население, от мала до велика. Дети-подростки готовили факелы и стрелы. Их нужно было обернуть доскутами материи, окунуть в масло, поджечь и подать стрелкам, которые осыпали римлян, возводящих

стену, непрерывным огнём. Те, кого достигала огненная стрела, срывались в пропасть, но римлян было так много, что они сейчас же заменяли павших другими солдатами.

Осаждённые тоже стали внутри крепости возводить ещё одну стену.

Взрослые ставили балки и засыпали их землёй, дети поддерживали балки, помогая взрослым, и носили в корзинах песок.

А римляне уже втащили осадные орудия на воздвигнутое ими подножие и стали пробивать стены крепости.

Земля содрогалась от бешеных ударов. Вражьи тараны уже пробили наружную стену, и римские легионеры, подобравшись к внутренней стене, сумели её зажечь. Но тут произошло неожиданное. Неужели чудо?!

С северо-востока подул сильный ветер и отнёс пламя в сторону римлян. Теперь горели уже римляне.

Это Ягве! Это он снова явил свою силу, чтобы помочь евреям!

“Бог Израиля внял нашим молитвам, он сотворил ради нас чудо!- произнёс руководитель восставших Элеазар.- Он повернул пламя от нас на римлян!”

И в самом деле. Римляне в панике удирали по склону, спасаясь от огня, который их догонял. Но радость осаждённых была недолгой. Ветер снова поменял направление, и римляне продолжили атаковать крепость.

А евреи, сражаясь, погибая, продолжали верить в чудо. Они знали, что в этих краях случались сильные ливни. Потоки воды неслись с горы, смывая в море всё на своём пути. Они просили, чтоб Ягве смыл в море их врагов. Но Бог их покинул. Или, наоборот, придал им силы в роковой час?

И вот по приказу Элеазара они все собрались во дворе. “Мы мужественно боролись,- сказал им их вождь.- Но врагов слишком много. Нам их не одолеть. Они надеются сделать нас своими рабами. Не бывать этому!”

Осаждённые в крепости принимают решение: покончить с собой. Это будет их последний вызов врагам. Римлянам не удастся торжествовать победу над ними, издеваться и потешаться над их бессилием. Никто не попадёт живым в руки врагов...

Римляне вошли в мёртвую крепость. Они ожидали найти в крепости обессиленных от голода и жажды людей. Но склады крепости

были набиты продуктами, а бассейны полны водой. Евреи вызывающе оставили всё это на показ победителям: “Смотрите, не голод заставил нас сдаться. Мы не хотим быть вашими рабами и поэтому уходим из этого мира свободными людьми”.

Их было более девятист: мужчин, женщин, стариков и детей. Черепки с надписями имён говорили о разыгранном страшном жребии, который решал кто кого должен избавить от позорного рабства. Более девятист. Мужья, матери, дети. Они уходили из этого мира несломленными героями.

Много веков спустя англичанин Томас Уотерби писал: “Как прославляли героев древней Греции за их неустанную борьбу за независимость своих государств, а борьбу еврейского народа против римского владычества рассматривают в другом свете...”

Никто никогда не проявлял героизма большего, чем проявили евреи, защищая себя, но греков уважают, а евреев презирают... Римских патриотов восхваляли и почти обожествляли, но если те качества, за которые их прославляли, были доблестью, насколько же превзошли их доблестью даже еврейские дети, не говоря уже о мужчинах, которые готовы были вынести все мыслимые пытки и даже смерть, лишь бы не признать императора “божественным”, ибо они признавали только одного Бога, творца неба и земли. Я объясняю эту несправедливость той злобной ненавистью, с которой всё человечество столь предвзято взирает на евреев”.

Повторим слова Уотерби:
“НИКТО НИКОГДА НЕ
ПРОЯВЛЯЛ ГЕРОИЗМА
БОЛЬШЕГО, ЧЕМ
ЕВРЕИ...”

Это сказал человек, свободный от антисемитского бреда. Сама история опровергает один из многих злобных вымыслов, один из МИФОВ - о евреях как о трусливом народе. Но эту историю не знают, и не хотят знать, потому что антисемитам она не нужна.

*Триумфальная арка Тита,
воздвигнутая в Риме в честь
победы над Иудеей*

СИМОН БАР- КОХБА

Страшный итог Иудейской войны – почти миллион евреев погибших и уничтоженных, тысячи проданных в рабство, тысячи оставленных в живых для того, чтобы умереть на аренах Кесарии, Антиохии, Рима; работоторговые рынки, полные живого человеческого товара, который, из-за его изобилия, ценится дешевле лошади; сровненный с землей Храм; разрушенный Иерусалим; разорённая Иудея.

Скорбный опыт семи кровавых лет.

Привёл ли он к окончанию греко-еврейской, римско-еврейской вражды? Уменьшил ли готовность евреев, молодых и старых, защищать свою веру силой? Нет, не это было итогом войны. Антисемитские настроения продолжали распространяться. У них был существенный аргумент: можно ли хорошо относиться к народу, от которого отвернулся даже его собственный Бог? А евреи... они не могли принять своё поражение как окончательное. Одно поколение, правда, прожило в относительном спокойствии, залечивая свои раны. Но уже через 45 лет после падения Иерусалима Восток Рима снова запылал в огне.

“Евреи Ближнего Востока и Африки, воодушевлённые смутными мессианскими надеждами, поднялись так неожиданно и одновременно, как будто восстание было мастерски подготовлено”. (Сесиль Рот)

Восстали евреи Месопотамии, Египта, Киренаики, Кипра. И они были недалеко от победы, но в конце концов потерпели поражение: слишком неравными были силы. Но и римлянам эти победы дорого обошлись: второе еврейское восстание стало поворотным пунктом римской истории, одним из факторов, который ускорил будущее падение империи. Если до этого Рим только расширял свои границы, то отныне его рост не только прекратился, но со вступлением на престол императора Адриана империя полумира стала сокращаться.

Адриан был настолько обрадован окончанием дорогостоящей войны, что объявил о своём намерении восстановить Иерусалим и заново построить Храм.

Какое ликование, какой бурный отклик нашло это среди евреев! Однако, обманутый спокойствием евреев, Адриан быстро отказался от своего обещания. Выяснилось, что новый город будет языческим, а храм – языческого Бога Юпитера.

Для евреев это было святотатством, осквернением дорогого для каждого еврейского сердца места. К тому же Адриан издал ряд законов, направленных против еврейских религиозных установлений.

Это вызвало новый взрыв антиримского восстания, к которому присоединились египтяне, самаритяне и ряд других народов.

По словам римского историка Кассия, евреи к восстанию готовились. Причём долго и тщательно. Накапливали оружие, создавали свои укрепленные опорные пункты, систему связи и оповещения.

Если одной из причин поражения первой иудейской войны было отсутствие единства в лагере евреев, то теперь во главе восставших “стал вождь гигантской силы и удивительного характера”. (Сесиль Рот)

“Он был именно светским правителем, князем-наш, как он называл себя в письмах, жёстким, практичным, неsgiбаемым и безжалостным”. Это “лишённый романтики профессионал, человек, который жил и умер как партизан и националист”. Так характеризует его Пол Джонсон.

В повести о восстании Бар-Кохбы нарисован портрет его вождя: “Был он строен, крепок и очень хорош собой”, рыжеволос, как царь Давид. “Суровая отвага, пожалуй, даже жестокость, светились в его глазах, горевших фанатическим огнём”.

О размахе восстания в этой же повести даёт представление рассказ от лица одного из воинов Бар-Кохбы. “Вначале мы побеждали римлян. Многие присоединились к Бар-Кохбе. Евреи со всех концов мира стекались сюда, чтобы помочь своим братьям в стране праотцов. Они хорошо обучены военному искусству, эти евреи из стран рассеяния. С самого Великого восстания, которое случилось в правление Веспасиана, страна не успокаивается. Пламя сопротивления гаснет и снова разгорается... Император Адриан запретил обрезание и ввёл смертную казнь для тех, кто нарушает запрет. Он назначил нового наместника Тиния Руфуса Грозного, который убил тысячи мужчин, женщин и даже младенцев. Рабби Акива отправился в Рим просить Адриана отменить закон, но император не пожелал его видеть. Тогда рабби Акива навестил своих братьев в общинах Израиля во всех странах изгнания и склонил их к сопротивлению. Увидели римляне, что мы народ жестоковыйный, и решили сломить наш дух. Запрещено изучать Тору, повязывать тфиллин, устанавливать мезузу. Нельзя

праздновать Суккот, нельзя зажигать ханукальные светильники. Римляне думали, что мы склоним головы. Думали, что мы станем такими же, как они, и будем считать императора богом... восстание вспыхнуло, но не в один день. Так, чтобы римляне не заметили, мы укрепляли наши города и готовили в пустыне убежища для мирного населения. Рыли подземные ходы, запасались пищей и водой в пещерах. А когда всё было готово - стали ждать сигнала. И тогда случилась ужасная вещь. Руфус приказал распахать священную землю Иерусалима, на которой Адриан собирался построить языческий город Элия Капитолина. Исполнилось пророчество Михи: "Сион будет распахан". Это произошло девятого числа месяца ав. И тогда началось восстание".

(Одед Бецер. "Чудесное путешествие во времена Бар-Кохбы")

Во главе восставших стоял Симон Бар-Кохба.

Его сторонники уже в самом имени своего вождя видели знак его избранности, ведь в Книге чисел записано: "Восходит звезда от Иакова, и восстаёт жезл от Израиля, и разит, и сокрушает всех сынов Сифовых".

Слово "кохба" как раз и означает "звезду". Поэтому евреи видели в восстании предначертание, записанное в священной книге.

По мере того, как Бар-Кохба одерживал одну за другой военные победы, вера в него, как в мессию из рода Давидова, росла. Веру эту поддерживал крупнейший еврейский учёный богослов Акива, который сам искренне и страстно уверовал в мессианское предназначение Кохбы.

Не все учёные мужи были с ним согласны. Один из них с грустью возразил: "О Акива, трава прорастёт между твоими костями, прежде чем явится сын Давида".

Но Бар-Кохба был незаурядной фигурой. Прекрасный полководец, администратор, властный до жестокости вождь, таким выглядит он в своих действиях и приказах. Вначале он принимал в ряды повстанцев того, кто, в знак верности движению, готов отрезать свой палец. Законоучители категорически запретили Кохбе такое испытание. Он заменил его другим: выдёргивать молодой кедр на скаку из земли, что тоже не просто и не безопасно. Подобные приказы указывают на крутость вождя, который, по преданию, сам обладал большой физической силой и мужеством.

Не был он тем благочестивым иудеем, который безраздельно верит в помощь всевышнего. “О боже, если ты не можешь помочь, то хотя бы не мешай!”- восклицал он, как человек, который рад был бы найти поддержку в Боге, так необходимую ему, но не очень верит в неё.

О личности Бар-Кохбы мало что известно. Несомненно, он был умён и образован. Его успехи поражают. Ему удалось овладеть огромной территорией, в том числе и Иерусалимом.

“Когда мы овладели Иерусалимом,- рассказывает герой упомянутой выше повести,- ликование народа не было конца. Наш вождь приказал возвести на месте разрушенного храма деревянный алтарь и назначил первосвященника. Снова в Храме стали приносить жертвы и воскурять фимиам. Великие это были дни, и мы думали, что пришло избавление. Но император знает, что если евреи победят здесь, и другие народы Римской империи восстанут и придёт конец её власти. Поэтому он послал в Иудею отборнейшие легионы”.

В течение четырёх лет не могла римская мощь сокрушить восставших. Каждый год Бар-Кохба чеканил монеты с надписью: “Первый год после освобождения Иерусалима”, “Второй год...”, “Третий год...”

Евреи сражались самозабвенно. Об этом говорят памятные места в современном Израиле, связанные с героической борьбой воинов Бар-Кохбы. Одно из таких мест называется Холмом близнецов. Здесь два брата – близнеца сразились с солдатами Железного легиона, защищая женщин и детей, бежавших от римлян из небольшого села. В это время все мужчины вели бой в селе с legionерами, и только двум братьям, по имени Иоханан и Шимгар, было поручено охранять мирных жителей. Беженцы в их сопровождении шли ночью по направлению к Иерусалиму. По дороге упал один мальчик и ушиб ногу, поэтому всем пришлось замедлить шаг, чтобы он не отстал.

И преследователи настигли их. Пропустив беглецов вперёд, Иоханан и Шимгар встали по обе стороны узкой тропы, по которой спускались со скалы женщины с детьми, и преградили римлянам путь своими мечами.

Утром их неподвижно лежащих у входа на тропу нашёл пастух. Рядом лежали трупы восемнадцати legionеров. Так рассказывает предание.

В памяти евреев восстание Бар-Кохбы осталось героической эпопеей их несломленных предков.

Не сразу римлянам удалось одолеть восставших.

Наместник Адриана Тит Руфус был разгромлен повстанцами. На смену ему пришёл легат Сирии Публий Марцел. Бар-Кохба разбил и его.

Адриан вызывает из Британии своего лучшего полководца Юлия Севера, придав ему 12 вооружённых до зубов легионов вместе со вспомогательными отрядами. Кроме того, Адриан направляет против восставших свой флот и сам едет по местам военных действий..

Упорное сопротивление повстанцев, готовых стоять до конца, заставляет римлян отказаться от прямых столкновений с ними. Они переходят к тактике выжженной земли. Окружив восставших в осаждённой крепости, римляне задавливают обессиленных голодом и доводят до отчаяния мучимых жаждой.

Одед Бецер в своей повести рисует осаду последней ставки Бар-Кохбы крепости Бетар.

Так как крепость была окружена рвом, римляне пытались засыпать его песком. Осаждённые поливали противника огнём, но насыпь росла. Когда она достигла крепостной стены, римляне установили на ней таран.

Целую неделю воины восставших ожесточённо дрались с легионерами, пытаясь сбросить их с насыпи и разрушить таран. Бар-Кохба послал туда лучших воинов, которые под покровом ночи вышли за стены крепости, но были обнаружены вражеской стражей. Все они героически погибли.

После этого римляне ещё более усилили охрану своей техники. Лучшие из лучников Кохбы пытались поджечь адскую машину, но огонь не брал её. Римляне воздвигли вокруг тарана башню для его защиты, которую охраняло большое количество солдат.

Защитники крепости готовы были сражаться до конца, но сколько может продержаться твердыня, лишённая продовольствия и воды? Что могут дать вылазки голодных, умирающих от жажды солдат? Окружённая плотным кольцом врагов, крепость пала.

Один из историков древности Евсевий Кесарийский пишет: “Бейтар была сильной крепостью, расположенной недалеко от Иерусалима. Осада её продолжалась долгое время, пока мятежники не погибли от голода и жажды”.

В одном из последних сражений Бар-Кохба был убит.

Всего Север разгромил 50 крепостей, разрушил почти тысячу городов и поселений, погубил в боях 580 тысяч евреев, “и несчётное количество погибло от голода, огня и меча. Почти вся Иудея вымерла”.

Остатки еврейских отрядов ушли в горы, но римляне методично истребляли последних повстанцев.

Говоря об этой второй Иудейской войне, нельзя не вспомнить её вдохновителя, “апостола и оруженосца” Бар-Кохбы, еврейского учёного рабби Акиву, который сам проникся искренней верой в мессианское назначение руководителя восстания и вселял эту веру в массы восставших евреев.

Примечательна история жизни рабби Акивы.

Это был союз простого пастуха и сказочной принцессы, если мы переведём биографию Акивы в возвышенное русло.

Будучи полуграмотным бедняком, Акива пас овец одного из самых крупных богачей Иерусалима. Его полюбила прекрасная дочь хозяина. Страстная любовь соединила молодых людей. Богач прогнал свою дочь, избравшую простолюдина. Молодая семья терпела бедность и лишения, но прилагала все силы, чтоб учился её маленький сын, и Акива сел с ним за одну парту. “Ты должен пойти к большому учителю,- настаивала молодая жена, обращаясь к Акиве,- ты обещал мне, что будешь учиться. Не беспокойся за нас с сыном, мы всё выдержим, если ты станешь учёным”. И Акива ушёл из дома. Он отсутствовал 13 лет и вернулся большим, уважаемым рабби, знатоком и интерпретатором Торы, окружённым учениками и почитателями.

Когда началось восстание, Акива, со всей присущей ему страстью, принял сторону своего народа.

Тактика римлян состояла в уничтожении всего живого. Войну, которую они вели против евреев, Макс Даймонт называет “медленной, грязной, отвратительной, позорной борьбой”. “После двух лет кровавой молотбы, беспощадной и жестокой войны на уничтожение, приведшей население страны на грань исчезновения, еврейское сопротивление было сломлено”.

Акива был той жертвой, которую римляне подвергли особенно жестокой каре.

Железными граблями с него сдирали кожу с кусками мяса.

По преданию, наблюдавший за этой нечеловеческой расправой

ученик Акивы спросил его: “Рабби, ты так терпишь, неужели ты не чувствуешь боли?”

“Я всегда говорил о своей любви к Богу,- с усилием отвечал Акива,- теперь судьба дала мне возможность доказать её”. “С этими словами,- говорит предание,- душа его отлетела”.

Вторая Иудейская война кончилась жестоким поражением евреев.

Невольно думается: что за сила толкала этих древних евреев? Ещё не высохла кровь на обAGRённых камнях и не затянулись раны прошлой войны, а они снова с исступлением, с невиданным упорством поднялись на кровавое противостояние ради независимости против могущественной империи. А как же другие народы? Другие-то терпели?

Но настанет пора, когда на смену еврейской неукротимости придёт еврейская мудрость. Это будет время, когда окончится тот период истории евреев, который называют древним.

Две катастрофы, две Иудейские войны, 70-го и 135-го годов, заключат древнееврейскую историю. Еврейский народ окажется в новом мире, где жизнь снова потребует от него уже в новых условиях невиданного мужества, стойкости и мудрости.

ТАЛМУД

Изгнанные из своей родины, рассеянные по всем уголкам римского мира, евреи оказались поселенцами среди других народов. И, как таковые, не могли не перенимать их язык, культуру, верования. Им грозило исчезнуть, раствориться в многообразии наречий, нравов, религиозных культов, - исчезнуть, как народ.

Тысячи евреев после падения Иерусалима оказались на работорговых рынках в качестве дешёвого товара. Их надо было спасать. Спасать не только как жертв жестокости, но и как приверженцев иудаизма.

Но как же спасти целый народ, рассеянный, разбросанный по половине мира? Возможная ли это задача?

И вот уцелевшие еврейские мудрецы берутся за выполнение невыполнимого. Они провозглашают закон, согласно которому **каждый еврей – страж брату своему, и все евреи – братья друг другу.** Каждый еврей, проданный в рабство, а это означало почти неизбежную гибель, должен быть выкуплен сохранившейся общиной, - на последние деньги, словно ближайший родственник.

Это правило, принятое среди евреев, спасло жизнь многим и многим несчастным, вернуло их в свою среду.

Но надо было спасать не только людей, - погибал их язык среди сотен других языков, погибала культура.

Именно в это время учёные разрабатывают грамматику и словари иврита. Чтобы евреи в синагогах разных стран могли участвовать в богослужениях, создаются образцы еврейской литургии, которыми пользовались раввины в разных концах земли. Их создавали поэты, вложившие душу в еврейские псалмы, в песнопения, которые легко запоминались и ложились на сердце молящегося. (Не потому ли было так много композиторов - евреев в советское время, создавших прекрасные мелодичные, задумчивые песни, любимые всей страной?)

Но кто объединит евреев? Кто направит их для осуществления предписаний, созданных еврейскими законами? Ведь разрушен храм, собиравший евреев, разрушены синагоги, где они получали указания, советы. И это тоже предусмотрели мудрецы. Они установили правила, согласно которым любые 10 еврейских мужчин, живущих на

расстоянии, которое позволяло им общаться друг с другом, обязаны создать общину. Если же их насчитывалось сто двадцать, община, которую они создали, наделялась рядом прав, в том числе и правом суда, и брала на себя определённые обязанности, такие, как взимание налогов, с помощью которых община должна себя обеспечивать, решение вопросов благотворительности и, что особенно важно, заботу о непременном обучении всех мальчиков и девочек.

Плата учителям устанавливалась достаточно высокая, но сироты и нуждающиеся должны были обучаться бесплатно.

Общине вменялось следить за тем, чтобы не было живущих впроголодь, однако помощь бедным не должна была ущемлять их человеческое достоинство. Это тоже оговаривалось.

Еврею не следует обращаться за помощью к государству. (Еврейские общины и поныне неуклонно придерживаются этой практики). Безбрачие, по еврейскому закону, наказуемо, но браки с язычниками и христианами запрещены. И не из презрения к людям другой веры, как это было у христиан по отношению к евреям, а из необходимости сохранить свой народ, не дать ему раствориться среди других народов. Ведь потери евреев в предыдущих войнах, унёсших миллионы, неизмеримы, невообразимы. Как же их восполнить, если еврейские женщины или еврейские мужчины будут уходить в другую среду?

Требовалось определить поведение еврея по отношению к тем, с кем ему предстояло теперь жить рядом, общаться, быть может, обращаться за помощью или оказывать свою помощь. Ведь прошло время, когда евреи жили на своей земле. Тогда, даже если их земля оказывалась в руках иноземного захватчика, евреи предпринимали попытку, - часто отчаянную, не всегда реальную, - сбросить иноземное иго, прогнать захватчика со своей земли.

Теперь они жили в изгнании, в чужих странах. Как же следовало им строить свои отношения с новыми властями?

Новые правила, созданные еврейскими законоучителями, обязывали евреев повиноваться законам страны своего проживания, если эти законы не вступали в противоречие с их религией (например, кровная месть, поклонение идолам и пр.), и не только повиноваться, но и защищать страну, даже если им придётся сражаться со своими

братьями – евреям из других стран.

Как это не вяжется с утверждениями о том, что евреи не патриоты, что им нельзя доверять! Сколько поистине героических страниц вписали евреи в военные летописи разных стран, которые они стали считать своими, о чём антисемиты не хотят помнить.

А как же о праве евреев на свою родину? Неужели навсегда распрощаться с мыслью о её возвращении? Да, – гласило непреложное указание. – Во всяком случае на данном этапе евреи должны оставить мысль об отвоевании Палестины и восстановлении еврейского государства. Бог приведет евреев на их родину, когда сочтёт это нужным. А отныне Палестина – это только духовное отечество евреев, куда они могут приезжать, чтобы помолиться или поклониться ему перед смертью. (Кстати сказать, ортодоксальные иудеи, руководствуясь этим указанием, и теперь не признают своего государства, потому что его создали сами евреи, а не Бог, хотя это не мешает им пользоваться благами, которые предоставляются им в Израиле. Это всё тот же узколобый фанатизм, который никогда не был разумным.)

Когда -то евреи, мирные пастухи, сменили орала на мечи, чтобы с оружием в руках отстаивать свою землю. Теперь, когда они лишились своего отечества, пришло время сменить мечи на орала.

Жизнь в чужих странах, в обстановке вражды и недоброжелательства, диктовала евреям правила, направленные на то, чтобы смягчить эту недоброжелательность, погасить враждебность, показать, что они желают сотрудничать с другими, стремятся к лояльности.

К примеру, указания вменяли еврейскому врачу в обязанность лечить всех, не только евреев, и не брать денег за лечение у бедняков. Если христианин умирал в еврейской среде, евреи должны были похоронить его по христианскому обычаю. Закон обязывал евреев навещать больных и калек, независимо от их вероисповедания, если они остались без присмотра. Как бы ни был беден еврей, он должен помнить, что есть кто-то беднее его, и даже если он сам живёт на благотворительности, и тогда он не должен отказывать другим в помощи, в том числе и нееврею.

Все эти правила, как и многие другие, необходимо было зафиксировать в письменном виде, сделать законом жизни.

Собранные воедино, обработанные, чётко и доступно сформулированные и подробно разъяснённые, они составили

содержание Талмуда.

Как создавался Талмуд?

Живший в период Иудейских войн Иосиф Флавий указывал на приверженность евреев законам Торы. “Они буквально высечены в наших душах”, - говорил он.

Были еврейские мудрецы, которые считали, что Тора вообще существовала ещё до создания мира. Бог носил Тору за пазухой, говорили они, и пользовался ею как справочником. . Так трактовал историю Торы мудрец Элиэзер бен Йозе, а Симеон бен Лакши утверждал, что она старше мира на 2000 лет. Это говорит об огромном почёте Торы у благочестивых евреев. Однако за века Тора перестала отвечать многим потребностям еврейской жизни. Время выдвинуло требования, которые Тора удовлетворить не могла.

Необходимость разъяснений, дополнений к Торе стала ясна ещё в период вавилонского пленения. А теперь, в эпоху рассеяния, вокруг Торы уже выросла значительная устная традиция, накопилась масса неписанных правил, касающихся самых разнообразных вопросов: юрисдикции, хозяйства, семейных отношений, гигиены, религии- всего того, что ставила перед евреями повседневная жизнь.

Советов, рекомендаций, правил накопилось так много, что из них можно было бы составить ещё одну Тору. Она постепенно и оформилась, но как устный закон – Мишна (повторение). Он передавался из поколения в поколение, не будучи зафиксированным письменно.

Говорят о феноменальной восточной памяти. Она была результатом тренировки в процессе учения, которое требовало в восточных религиях заучивания огромных текстов священных книг.

Древним евреям тоже приходилось заучивать наизусть эти многочисленные законы Мишны. Будущие раввины, учителя иешив, учёные штудировали в высших академиях законы Мишны, держали их в своей памяти, передавая в устной форме следующим поколениям.

М.Даймонт пишет: “Всякий раз, когда меч какого-нибудь сарацина или вандала рассекал голову очередного раввина, вместе с его душой отлетали прочь два с половиной миллиона выученных на память слов Мишны”.

Ортодоксы отрицали Устный закон (“Священное писание нерушимо, никому не дано права его интерпретировать”), фарисеи горячо принимали (“Тора дана всем, не только священникам, и каждый

вправе углубляться в её суть”).

Победила позиция фарисеев. В еврейском обществе утвердился обычай рассуждать по поводу тех или иных положений Торы. Любой человек, изучивший Тору, мог её толковать. Знатоки Торы рады были делиться своими знаниями и соображениями; богатые и бедные, знать и простолюдины, учёные и их ученики, принимали участие в диспутах. Демократический интеллектуальный переворот, произошедший в отношении к Торе, евреи объясняли по-своему: значит с самого начала в Торе были заложены те вопросы, которые всплывают в разное время, значит Бог с самого начала всё это предусмотрел.

Толкования, дискуссии вокруг Торы было любимым занятием евреев, когда каждый из участников мог блеснуть своей памятью, умом, оригинальностью трактовки.

Раввинов это крайне встревожило: так вообще можно отойти от священного писания. И они запретили записывать Мишну, законы которой в результате новых толкований, были сформулированы мудрецами. В устной форме Мишна существовала многие столетия.

Теперь вернёмся к Иоханану бен Заккаю. Как мы рассказывали выше, ученики вынесли его в импровизированном гробу из горящего Иерусалима, чтобы вместе с ним спасти будущее евреев, словно тогда, в страшную минуту, он уже видел опасности, которые будут угрожать самому существованию его народа и его вере, и взял на себя миссию спасти евреев как народ.

Он понимал, что евреям потребуется Книга, которая станет их путеводителем во враждебном мире, будет учить, наставлять, ободрять.

Сначала в Явне, потом в Вавилоне он основал академию, объединив учёных раввинов и глав иешив для создания свода законов, которые помогли бы евреям выжить в чужих странах, превратили бы Устный закон – Мишну в закон письменный – либеральный, гибкий, общедоступный, отвечающий насущным запросам времени.

Таким законом предстояло стать Талмуду.

Вопреки собственным убеждениям, раввины вынуждены были разрешить записывать драгоценное содержание Мишны, иначе еврейской мудрости угрожало полное уничтожение. Говорят, что и шпаргалки учеников иешивы пошли при этом в ход.

На оформление Талмуда ушло два столетия. В конечном итоге Талмуд включил 35 томов и 15 тысяч страниц – философско-этических

рассуждений, правил поведения и благочестия (Агада), юридических законов (Галаха), библейских сказаний, изречений, анекдотов, сказок (Мидраш).

Талмуд охватывает все важные стороны человеческой жизни: вопросы медицины, астрономии, экономики, государственного управления, семейных отношений.

Его изучали 10-15 лет, получая при этом поистине универсальное образование. Изучение Талмуда делало человека юристом, врачом, философом, математиком, поэтом и бизнесменом одновременно.

М.Даймонт спрашивает: после такой системы обучения могли ли евреи не проявить себя в научных, интеллектуальных, теоретических областях?

На первое место в шкале ценностей еврейского общества среди человеческих качеств выдвинулся интеллект. Безграмотность стала считаться постыдной. Необразованный человек, бедняк он или богач, вызывал презрение. Учёный бедняк был более желанным женихом, чем богатый невежда. У стен иешив стояли беременные женщины, чтобы их ещё не рождённое дитя пропиталось духом учёности.

Образ жизни, во всех деталях разработанный Талмудом, объединил евреев, где бы они ни жили, он наложил на евреев известный отпечаток, который отличал их от других народов. Диалектика Талмуда оттачивала еврейский ум. В средние века, неимоверно тяжёлые для евреев, Талмуд служил их духовным убежищем. Это была “родина, которую еврей всегда мог взять с собой”.

“Если евреи могли сохраниться как народ в течение долгих, последующих за разгромом столетий, в условиях, которые не пережил ни один другой народ, то в первую очередь они обязаны этим Талмуду”. (Сесиль Рот)

Враги иудаизма с особой ненавистью обрушивались на Талмуд, неоднократно сжигая его.

За века Талмуд претерпел многократные изменения, дополнения, сокращения, менялись его функции.

М.Даймонт пишет: “ТАЛМУД стал той силой, которая спасла еврейство. Он

ОКАЗАЛ РЕШАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЕСЬ ХОД
ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ...

В безрадостных, мрачных классных комнатах бледные еврейские юноши ...учились мыслить в абстрактных терминах, упражняя своё воображение на сухом материале фактов. ..Они вынесли из изучения Талмуда страстную любовь к справедливости, свободе, равенству. Эти юноши стали идеалистами и поднялись на борьбу за лучший мир. Другие извлекли из него сострадание к человеку, преклонение перед жизнью и её красотой. Они стали философами, гуманистами и писателями. Третьим больше всего пришлось по вкусу абстрактные идеи греческих философов. Такие стали математиками и теоретиками. А те, кто видел в Талмуде лишь пыль прошедших веков, восстали против иудаизма и нашли в крещении свой “пропуск в европейскую цивилизацию”. (“Еврей, бог и история”)

ПОД ВЛАСТЬЮ ИСЛАМА

“Весной 622 года утрюмый араб-погонщик верблюдов, опасаясь за свою жизнь, бежал из родного города Мекки; так началась история магометанства”. (Сесиль Рот)

Исторические судьбы евреев и арабов, иудеев и мусульман идут рядом, переплетаются, расходятся и снова сходятся – в современной непримиримой и нелепой схватке.

Что говорит об этом прошлое?

В Аравии, откуда пришёл в мир ислам, евреи жили с незапамятных времён и не были чужды арабам. Они бежали сюда из Сирии и Палестины, которых раздирали между собой римские и византийские завоеватели, и селились рядом с бедуинами и курайскими арабами, которые поклонялись Чёрному камню, метеориту, упавшему с неба. Он хранился в Мекке и в глазах арабов обладал священной силой небесного Божества.

Постепенно евреи полностью или частично заселили некоторые оазисы и горы Аравии.

В анналах арабской письменности сохранились имена еврейских поэтов и поэтес. По преданию, именно евреи принесли в Аравию финики, которые стали для арабов тем, чем, например, картофель для белоруссов.

Принципы иудаизма привлекали многих арабов. Так, в 5 веке правитель Йемена принял иудаизм, который продержался там до середины 6 века, когда страна была захвачена Византией. Видимо, и Мухаммед, основатель ислама, был достаточно хорошо знаком с еврейской Библией. Как когда-то Аврааму и Моисею, Бог открылся ему, явившись в виде Архангела Гавриила.

Мухаммеду было тогда 40 лет. Он уединился в пещере, размышляя о судьбе своего народа, когда перед ним явился Божий посол, который принёс весть от Бога в виде скрижали.

Будучи до этого времени неграмотным, Мухаммед, неожиданно для самого себя, оказался в состоянии прочесть скрижаль, из которой узнал, что Бог назначает его своим посланником на Земле.

Мухаммед исполнился непоколебимой веры в своё высокое предназначение и со всей страстью принялся за его осуществление.

Как и многие исторические герои, Мухаммед- простого происхождения. Будучи простым погонщиком верблюдов, он странствовал по свету, знакомясь с миром, слушал рассказы бывалых людей и библейские истории. С большим уважением неграмотный Мухаммед относился к книге, восхищался библейскими патриархами и пророками, которых в дальнейшем включил в свой религиозный реестр.

25-ти лет он женился на богатой вдове, которая была на 16 лет старше его, и прожил с ней 25 лет. После её смерти, уже в преклонном возрасте, как свидетельствуют хроники, он проявил влечение к молоденьким девочкам. В его гареме было 10 жён и 2 наложницы, разных лет и разной степени женской опытности.

Мрачный, не улыбающийся, с длинной чёрной бородой и длинными волосами, он держался с достоинством, приличествующим его высокому предназначению.

Его целью было объединить арабов и вывести их в ряд просвещённых наций.

Богатые курши с подозрением слушали его проповеди, усматривая в них угрозу своему положению, и Мухаммед вынужден был бежать от их преследований. Куда? К евреям. Уж они-то поймут его. Ведь он выступает, как последователь Моисея, а создаваемая им новая религия сродни иудаизму.

Но евреи отказались его понять, отказались принять его веру, и он обрушился на них с той же страстью, с какой рассчитывал на их неоправдавшуюся поддержку.

Вы не хотите принять мою веру, тогда я возьму у вас деньги для осуществления моей благородной миссии.-Таков был смысл его действий.

Мухаммед приказал конфисковать имущество евреев и на эти деньги экипировал десятитысячную армию, с которой двинулся на Мекку.

С поразительной скоростью, в течение 2-х лет, он установил свой режим по всей Аравии, объявив ислам государственной религией.

Его последователи двинулись из Аравии на завоевание мира.

В 7 веке они нанесли сокрушительный удар Сасанидской империи, разгромив её численно превосходящую армию. Видимо, сам Бог им помогал. Когда небольшое войско арабов устремилось против мощной

армии Сасанидов, песчаная буря, дующая в сторону противника, ослепила Сасанидов, они не могли оказать сопротивления и были разгромлены.

К концу 8 века мусульмане уже владели восточной частью Византийской империи, Северной Африкой, перешли Пиренеи и вторглись в Испанию, и только тогда были остановлены французами.

В 9 веке им удалось создать блестящую цивилизацию, с её архитектурой, искусством, наукой. Ибо они сумели использовать всё лучшее, что было у их предшественников: греков, римлян, персов - носителей великих культур древности.

Какое место в этом мире под знаком полумесяца занимали евреи?

Иудаизм был близок мусульманам. Они переняли его монотеизм, обычай обрезания, запреты на некоторую пищу, почитали Иерусалим, как святой город. В Коран были включены отрывки из еврейской истории и легенд. Но евреи были упорны в нежелании изменить своей вере, и это стало причиной враждебного отношения Мухаммеда к народу Израиля.

“Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомед пророк его”, - провозгласили арабы и развязали против Израиля джихад.

Магомед обезглавил на площади Медины всех мужчин, кроме одного, принявшего ислам, разделил женщин, скот и имущество евреев между своими сподвижниками. Бог дал ему власть над неверными, утверждал он и действовал при этом безжалостно, коварно и лицемерно.

Его преемники вынуждены были смягчить режим, ибо репрессии угрожали превратить захваченные им территории в безлюдные местности.

Но они издали целый ряд дискриминационных законов против неверных. Эти законы были направлены столько же против евреев, сколько и против христиан. И в первое время даже в большей степени против христиан.

Арабские правители заключили с евреями договор - лицемерный статус димми, который давал еврею право на жизнь, на веру в обмен на многочисленные налоги, хотя и не гарантировал полную безопасность, ибо завоеватель мог по своему усмотрению в любое время перебить непокорных и захватить их собственность.

Арабы приняли антиеврейские варварские законы, целью которых было не только закабалить еврея, но и унижить, лишить его человеческого достоинства.

Эти законы касались социального статуса евреев, как порабощённой нации, предписывали для евреев определённую, унижительную форму одежды, унижительные для их человеческого достоинства формы общения с арабами.

В средние века антиеврейские законы ислама использовали христианские церковники, добивавшиеся, как и мусульмане, того, чтобы низвести еврея до положения униженного, лишённого всяких прав, презренного существа.

Нелегко пришлось и христианам в эпоху арабского правления.

Со времени египетского плена евреи всегда помнили о своём рабстве под властью фараонов. Их писание настойчиво напоминало евреям: “Будьте милосердны к рабам, помните, что и вы были рабами”. Христиане же, пережившие исламское угнетение, очень скоро забыли о нём. Мало того. Драконовские, прямо-таки мерзкие законы, которые изобрели арабы против “неверных”, христиане впоследствии с лихвой употребляли против евреев.

Однако в мусульманском мире были островки, где евреи в отдельные периоды испытали культурный расцвет “золотого века”. В эти годы во всех областях человеческой деятельности: в философии, медицине, математике, астрономии, литературе - евреи выдвинули из своей среды выдающихся учёных. Грамотные, владеющие языками, культурные евреи часто использовались арабами на административных должностях.

Благоприятно сложились для евреев условия в мусульманской Андалузии, в Испании. Здесь в 10 веке была создана богатая культура, в развитие которой евреи внесли весомый вклад. Еврейские учёные отличались энциклопедической образованностью, глубиной и ясностью мысли и гуманистической направленностью творчества.

Вот пример одного из высказываний еврейского учёного того времени: “...всё, что важно на свете, менее важно, чем человек...Бог дал человеку преимущества перед другими творениями его, наделил его способностью выбора, и приказал ему, чтобы он избрал добро...и ещё преимущество человека в мудрости, которой он наделён и обучен”.

Еврейские учёные пользовались большим уважением и влиянием при дворах мусульманской Испании.

Так, Хасдей ибн Шапрут был врачом, дипломатом, министром торговли халифата, принимал активное участие в управлении страной.

В личности другого просветителя Шмуэля Ганагида отразились черты, характерные для ученого-еврея этого периода. Он был поэтом, писал на иврите и арабском, прекрасно знал греческую философию, слыл математиком, астрономом, автором ряда комментариев к Талмуду. Ему приходилось вести в бой войска властителя, и военные картины, которые он наблюдал на поле брани, нашли отражение в его литературных творениях. О человеческих качествах Ганагида говорили его призывы к помощи бедным, он покровительствовал еврейским и арабским писателям, которых объединил вокруг себя.

По сравнению с христианами и другими народами, подпавшими под власть арабов, евреев было намного меньше, но они дали целую плеяду мыслителей и поэтов, несоразмерную с их численностью.

Когда в средневековой Европе правители и христианская церковь делали всё, чтобы унижить еврея, вытравить из его души гордость и человеческое достоинство, трудно было в забитом, преследуемом существе увидеть того изящного, изысканного, утончённого, исполненного благородства еврея, которого весьма кратковременное благоприятное время мусульманского господства в Испании успела породить атмосфера относительной свободы и уважения к еврейскому уму, изобретательности, разносторонности.

В еврейской среде мусульманской Андалузии грамотными были не только все мужчины, но и подавляющее число женщин.

Сохранилось письмо еврейской женщины к своей сестре, относящееся к 12 веку, в котором она сообщает о своей тяжёлой болезни и обращается с просьбой: “Моим самым важным завещанием тебе будет то, чтобы ты смотрела за моей маленькой дочерью и прилагала все усилия к тому, чтобы она училась. Правда, я знаю, что я возлагаю на тебя тяжёлое бремя, ибо нет ведь у нас достаточно средств на её содержание, а тем более на плату за учение; но примером нам может служить наша уважаемая матушка, верно служащая Господу нашему”.

Удивительное письмо, особенно для 12 века. Не о богатстве, не о материальном благополучии для своей дочери заботится женщина, не

о том, чтобы выдать свою дочь удачно замуж. Её просьба сводится к тому, чтобы дочь училась, несмотря на недостаток средств. Видимо, образование женщин – традиция в этой семье, если автор ссылается на пример их матушки.

Другое письмо, относящееся к этому времени, рассказывает о том, что женщина была оставлена мужем и перед ней встал вопрос, как прокормить себя и детей. И тогда она взялась за обучение малюток Библии, сначала с помощью брата, а потом и сама, освоив стезю учителя.

Говоря об этом периоде, нельзя обойти замечательного поэта Галеви, корифея средневековой еврейской поэзии. Он владел всеми поэтическими формами того времени, от тонкой лирики до едкой сатиры. Его “Сиониды” – песни, посвящённые Сиону, и сегодня трогают проникновенной любовью к далёкой родине, мечтой о встрече с ней.

Блажен, кто оком удостоился узреть
Зари твоей пурпурно-новой восхождение,
Узреть возврат к тебе избранников твоих
И ликовать с тобой в день возвращения.

Как современно звучат эти строки! Так мог бы сказать наш современник, который узрел возврат евреев в святую землю, узрел ликование её сынов.

Возвращение самого Галеви на землю предков было трагичным. Смерть настигла его, едва ступившего на священные камни. Причина её неясна. Одна из версий – убийство случайно встреченным прохожим. Если это так, то это действительно невероятная трагедия: такая нелепая, неблагодарная награда на самом пороге осуществления страстной благородной мечты всей жизни.

Галеви вообще считал, что народ пророков - евреи, и земля обетованная – Палестина, - это нечто единое целое. Оно разорвано, это целое, и снова станет единым и совершенным, когда стремление вернуться на свою потерянную родину будет неотъемлемым качеством каждого еврея.

Трагическое возвращение Галеви на родину его предков вписывается в ткань всей иррациональной жизненной истории великого еврейского поэта.

Вся судьба Галеви была романтическим порывом к чему-то неясному, идеальному, к светлой мечте, и в то же время это греховные падения, за которыми следовали высокие взлёты.

С ранних лет жизнь улыбалась ему. Он родился в зажиточной семье, окружённый любовью, получил прекрасное разностороннее образование.

Он стал врачом с репутацией успешного искусного эскулапа и благородного, уважаемого человека. Его красавица жена была наследницей одной из самых знатных и богатых семей Толедо. Люди завидовали миру его семьи, в которой росли чудесные дети.

Наверно, это плохо, когда счастье бывает таким полным.

Однажды Галеви оставляет любящую и любимую жену и детей и с лютней под плащом отправляется кочевать по дорогам Андалузии, превратившись в вольного странствующего поэта.

Он бродит по стране и поёт сочинённые им песни всем, кто готов его слушать. Иногда он оказывается в весьма сомнительном обществе бездомных бродяг и греховных женщин, порой в блестящем обществе богатых бездельников, развлекая их своим остроумием и щедро раздаривая поэтические любовные элегии в духе Омара Хаямы.

Но в итоге, отвернувшись от греховных утех непутёвой бродячей жизни, он посвящает свою поэзию служению иудаизму и благородному еврейскому Богу.

Примером такой поэзии Галеви может служить его поэма под названием “Ха-Кузари”.

Помните у Пушкина: “Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...”? Олег сбирается отмстить хазарам за их набег.

Но почему хазары неразумные? Это уже легенда. Это история. Один из эпизодов из жизни древнего Хазарского царства, расположенного между Волгой и Доном, соседа древней Руси на западном берегу Каспийского моря.

Это были воинственные орды, которые своими “буйными” набегами внушали ужас соседним персам и византийцам. Киевские князья должны были платить хазарам ежегодную огромную дань. Владычество хазар продолжалось в течение двух с половиной веков.

В 969 году Киевский князь Святослав разгромил хазаров, и они стали частью христианской России.

Предание рассказывает о принятии хазарским ханом, в пору его могущества, иудаизма.

Этому событию и посвящена поэма Галеви.

В России не любили вспоминать об этом предосудительном шаге древнего хана, а в далёкой Испании её поэт обратился к этой истории.

Поэма Галеви рассказывает, как хан по имени Булан решил поменять тюркское многобожие на более престижную религию. Для этого он призвал к себе мусульманского и христианского священнослужителей и велел каждому рассказать о своей вере. Он внимательно выслушал аргументы каждого из своих гостей в пользу их религии и обратил внимание на то, что оба они ссылаются на некую отцовскую веру, от которой произошли их верования.

Хан посылает за иудеем и просит его поведать о своей религии. И мы слышим рассказ о том, что иудаизм – это не откровение, данное одному человеку (ислам-Мухаммеду, христианство –Павлу), а дар Бога всему народу, принесенный на горе Синай и закреплённый в Торе,- раз и навсегда.

Бог везде, говорит еврейский мудрец Булану, мы видим его во всём, что нас окружает. Но невидимое, незримое присутствие Бога в наших душах мы можем почувствовать только в граде Господнем – Иерусалиме.

Еврейский учёный убеждает Булана в превосходстве своей религии, и хазарский хан становится иудеем, как и все его подданные.

Конечно, Галеви не мог сказать, возможно, и не знал, что хазары, став россиянами, забыли свой боевой клич “Шма Исраэль!”, забыли свои иудейские обычаи, перемешанные с тюркскими, и стали осенять себя крестным знаменем, но в поэме Галеви еврейский гость хазарского хана, влекомый желанием душой почувствовать Бога, отправляется в далёкий Иерусалим.

Как сказано выше, и автор поэмы, с пламенным желанием посетить родину своих предков, отправился в Палестину.

Рассказывают, что едва увидев Иерусалим, он в экстазе пал ниц на землю. Проезжавший мимо арабский всадник направил своего коня прямо на распростёртое тело Иегуды Галеви. С последним дыханием поэт прошептал строки своей оды Сиону.

Так передаёт это предание Сесиль Рот. Грустно и поэтично. Были сведения о том, что в последний раз Галеви видели в Дамаске, потом

его следы исчезли. Поэт с удивительной судьбой должен был и закончить свой путь удивительным образом.

Еврейский “золотой период” в Испании закончился в 12 веке с приходом к власти династии Альмохадов, которая возродила политику раннего ислама по отношению к иноверцам, требуя принятия исламской религии от всех немусульман под угрозой изгнания или смерти. Потом их сменили христиане, изгнавшие из Испании как евреев, так и мусульман.

КРОВАВАЯ ВАКХАНАЛИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

Нам уже известно, что в начале новой эры евреи оказались народом, лишённым своего государства, своей территории, разбросанным по разным странам. Тем не менее они не потеряли своего лица. В средневековую эпоху евреи унесут исключительное отношение к учёбе, непримиримую позицию в отстаивании своей иудейской религии и своего специфического уклада жизни. Они будут верны своим обычаям и своему миропониманию, несмотря на превосходство окружающего мира в материальном, политическом и военном отношении. С ними будет и неувядающая мечта о далёком Израиле, как об идеальном желанном доме.

Проблемы добра и зла, морали, истины и справедливости и в мрачные годы гонений не останутся для них лишь отвлечёнными формулами, а войдут в их религиозно-нравственную национальную идеологию как вопросы первостепенной важности.

На них часто будут смотреть с удивлением: ведь стоило евреям отказаться от своей веры, чтобы перестать быть гонимым племенем, но они держались за неё с упорством фанатиков или сумасшедших, которые не понимают, в чём их благо.

Раннее средневековье явилось для Европы тяжёлым испытанием.

Разграбленная варварами, она была нищей материально и духовно, разорённой и раздробленной. Достаточно сказать, что население Рима после набегов варваров с 1 миллиона уменьшилось до 50 тысяч. Потрясающие цифры!

Серьёзно пострадали и евреи. Но новые хозяева Европы, которые стали наводить порядок в своих вотчинах, обратились к опыту и знаниям евреев, снискавших репутацию специалистов в самых различных областях.

Теодорих Великий отовсюду собирает евреев в свою страну. Карл Великий дарит им самоуправление. Европейской знати, которая умела только сражаться, нужны были умные головы и умелые руки, которых она находила среди евреев, ведь многие евреи, благодаря своей образованности, таланту, уму, занимали видное положение при европейских правящих домах, в качестве дипломатов, банкиров, переводчиков, советников.

До поры до времени и церковь относилась к евреям терпимо, полагая, что они сами придут в её лоно. Папа Григорий Великий даже издаёт эдикт, запрещающий насильственное крещение евреев.

Всё изменилось с началом крестовых походов.

В 11 веке вся Европа была взбудоражена слухами о том, что в Палестине, которая в то время находилась под властью исламских правителей, христианская церковь и её отцы подвергаются гонениям.

Искра была брошена. Подобно лесному пожару огонь ненависти распространился с огромной силой. Церковь подбрасывала всё новое топливо в её бушующее пламя.

Клермонский собор в 1095 году призвал христиан вырвать Святую землю из рук неверных. За участие в походах крепостным была обещана свобода, уголовникам - помилование, грешникам – прощение. Поход был объявлен богоугодным делом. Тут же разнеслись слухи о близком конце света и пришествии мессии, от которого участники похода получают Божью милость и пропуск в Рай.

Началась распродажа имущества, снаряжение в поход.

Вооружённые толпы, плохо экипированные, голодные, но исполненные фанатического энтузиазма, двинулись по дорогам.

Это движение неорганизованной, наэлектризованной массы сопровождалось дикими еврейскими погромами. “Мы выступаем, чтоб освободить гроб Господен от басурманов, а среди нас самих проживают евреи-христубийцы!” Таково было оправдание самых диких бесчинств.

Защитники “святого дела” оставляли за собой потоки крови, растерзанные тела, вырезанные целиком еврейские общины, с женщинами и детьми.

“Кровь Христа будет отмщена кровью евреев!”- вопили погромщики.

Там, где евреи могли вооружиться, они оказывали сопротивление бандам, сражаясь до последнего; а, сознавая всю безнадёжность своего положения, кончали с собой.

Летопись этого времени говорит о “ста тысячах евреев, принесших себя в жертву во имя веры”, то есть покончивших с собой.

Даже если цифры и преувеличены, даже если б это был единичный случай, разгул безудержного фанатизма крестоносцев с трудом умещается в сознании.

А впрочем, разве это фанатизм? Неужели все эти убийцы движимы были религиозными мотивами?

Это была дикая, слепая жажда крови, которая вырвалась из самых тёмных углов человеческой души, как, впрочем, и все последующие подобные проявления антисемитизма, который всё набирал мощь и обороты на протяжении многих последующих веков.

В то время как банды крестоносцев бесчинствовали в Европе, основные их силы взяли Иерусалим, залив его улицы кровью и предав огню синагогу, вместе с согнанными в неё евреями.

Волна погромов покатилась вдоль всего Рейна и перекинулась во Францию и Англию, захватив всю страну.

В Йорке евреи, укрывшись в замке, пытались оказать сопротивление разъярённой толпе, но, убедившись в его безнадёжности, решили, по крайней мере, лишить своих мучителей радости резни.

Под руководством раввина главы семей убили своих жён и детей, а затем друг друга.

На следующее утро осаждавшие взломали ворота и ворвались в замок. Он был мёртв.

С каким чувством эти озверевшие погромщики смотрели на распоротые перед ними тела мужчин, женщин и детей? Вспоминают ли сегодня йоркцы о “подвигах” своих предков, когда они демонстрируют посетителям древние замки?

Главная роль в разжигании ненависти к евреям принадлежала церкви.

Мотивы были разные в разное время. Прежде всего христианство, особенно в свой ранний период, рассматривало иудейскую религию как опасного соперника. В разжигании ненависти к евреям оно видело средство укрепления своего влияния на население и своего авторитета. По мере того, как попытки обратить евреев в христиан снова и снова наталкивались на упорство евреев, ненависть к ним принимала всё более жестокие и дикие формы.

Отцы церкви стремились унижить, оскорбить евреев, заронить в их души чувство неуверенности, шаткости их существования, вытравить из сердца еврея гордость, человеческое достоинство и не дать ему выйти из этого состояния.

И всё-таки основным, хотя и скрытым, мотивом, который стоял за

всеми антиеврейскими актами, была корысть: нажива и обогащение за счёт имущества или капитала евреев. Так как корысть нуждалась в камуфляже, угнетение и преследования евреев объяснялись наказанием за христоубийство.

Как сумели евреи пройти через непрестанные гонения и мучения на протяжении веков? Будучи народом благочестивым, они объясняли эту вопиющую несправедливость своей судьбы Божьим промыслом. Бог уготовил им такую миссию – нести страдания за всех людей. Это их крест, предписанный им Богом. В ссудный день Бог явит свой замысел, и тогда воцарится мир на земле и евреи, окружённые всеобщим почитанием, поведут все народы к царству разума и правды.

Эта вера евреев в своё высшее предназначение поддерживала их. Иначе откуда было взять силы, терпенье и мужество?

Что касается церкви, то в своей антиеврейской политике она прибегала к самой гнусной клевете, наветам, слухам.

Папа Иннокентий Третий выпускал буллы, в которых самые чудовищные измышления преподносились как истина.

“Евреи знают всю правду,- говорили церковники,- но отрицают её в силу своей испорченности. Знают о троице, но не признаются в этом”.

Измышления церкви о хвостах у евреях, об их специфическом запахе, который проходит, лишь только они становятся христианами, о геморрое, который они лечат кровью младенцев, о поклонениях евреев дьяволу, которые происходят на тайных собраниях, и многое другое, что здравому человеку кажется абсурдом, и сейчас, в эпоху компьютеров и космических полетов, встречаются кое у кого доверие. А в те далёкие времена служили основанием для погромов и зверств в отношении “богопротивного племени”.

Множество мерзких, непотребных картинок с изображениями евреев расходилось по странам Европы. Особенно много их было в Германии. Евреев рисовали поклоняющимися свинье, сосущими её сосцы и поедающими экstreменты. Самая низкая непристойность делала эти картинки весьма популярными среди простого народа. Картинки были на фарфоре, на гравюрах. Образ дегуманизированного еврея делал его мишенью унижительных издевательств и ненависти.

Это “творчество” дошло в Германии до 19 века и питало ненависть бесноватого фюрера, который вдохнул её в толпы своих низведенных до дикости приверженцев.

В 1936 году популярная немецкая газета “Дер Штюрмер” опубликовала иллюстрации, изображавшие евреев, сосущих кровь христианских детей. Фальшивые цитаты, взятые якобы из Талмуда, и кровавый навет заняли почётное место в пропаганде ненависти в фашистской Германии.

Антисемитская пропаганда и привела Германию к всеобщему одичанию, напоминая самые чёрные страницы средневековья и пережестившему средневековью масштабами убийств.

Среди клеветнических выдумок в отношении евреев, берущих начало в средние века, особое распространение получил

ЛЖИВЫЙ МИФ О РИТУАЛЬНОМ УБИЙСТВЕ ЕВРЕЯМИ ХРИСТИАНСКИХ ДЕТЕЙ.

Если кто-то думает, что этот миф умер, он глубоко ошибается. Автора этих строк несколько лет назад уверяла литовская женщина в том, что она сама видела у одного старого еврея на пасху полную бочку человеческой крови. Объяснение, что это была свёкла, которую некоторые евреи варят на пасху, мою собеседницу не убедило.

Да что говорить о простой литовской женщине, если в современной Латвии, казалось бы, образованный юрист воспользовался прогремевшим когда-то в России так называемым “делом Бейлиса” для пропаганды антисемитских взглядов. Хотя, даже в царской России, при всём разгуле антисемитизма, Бейлис, ложно обвинённый в ритуальном убийстве, был оправдан.

Первый прецедент, касающийся данного МИФа, относится к 1144 году, когда в английском городке Норвич накануне еврейской пасхи пропал английский мальчик по имени Уильям, сын состоятельного фермера и ученик кожевника. Последний раз его видели входящим в дом евреев. Через пару дней его тело было найдено в Торнском лесу. По одной версии- без всяких следов насилия, по другой – с ранами в тех местах, что были у распятого Иисуса, так как евреи якобы имитировали на ребёнке истязания Христа.

Легенда стала разрастаться, принимать разные интерпретации, наконец было сделано заключение, что евреям требовалась кровь ребёнка для лечения геморроя, который никакому другому лечению у них не поддаётся.

Некий крещёный еврей, по наущению, заявил в дополнение к нелепой басне, что конгресс евреев в Испании каждый год выбирает по очереди город, в котором должно произойти ритуальное убийство христианского ребёнка, чтобы использовать его кровь в пасхальной маце. В 1144 году жребий якобы пал на Норвич.

Для евреев эта глупая выдумка обернулась разгромом общины. А церковь не преминула сейчас же извлечь из неё выгоду. Она объявила, что тело убитого мальчика приобрело часть святости Христа и что вокруг него происходят чудеса. Люди хлынули в церковь, принося ей обильные дары и подношения. Уильям был канонизирован. Церковь Норвича объявлена обладательницей своего святого, местом паломничества и солидных подношений.

После Норвича один за другим кровавые инциденты стали происходить в разных городах.

Каждое приближение пасхи стало для евреев гнетущим ожиданием несчастья.

Крестоносцы, отправившиеся в новый поход, под водительством Ричарда Львиное Сердце, по пути своего следования снова вспомнили Норвич и учинили в нём кровавую резню, перебив всех, кого они могли найти в еврейских домах.

Сфальсифицированные инциденты, подобные Норвичу, начали происходить так часто, что даже папы были напуганы их количеством. В своих буллах они запретили возведение детей в святых. Император Фридрих Второй казнил пару распространителей слухов, и обвинения в ритуальных убийствах пошли на убыль.

Они возродились в 18 веке в Польше, а потом в России.

По мнению Пола Джонсона, антисемитизм обладает способностью мимикрировать. На место одной мимикрии приходит другая. На место одного лживого и кровавого МИФА приходит другой такой же.

Клевету о ритуальных убийствах сменил МИФ о мнимом глумлении евреев над церковными таинствами. Якобы евреи крадут или добывают за большие деньги у христиан-предателей просфору (у славян она называется просфирой), которая является символом тела Христова, уносят её в свою синагогу и там прокалывают иглами и издеваются над ней. И в это время из просфоры, как из живого тела Иисуса, истекает кровь.

Чудовищная глупость, но в неё верили. Слухи о просфоре вызывали

погромы, преследования, издевательства. Евреев колесовали, вырезали всю общину.

В 15 веке, когда антисемитизм перекинулся в Восточную Европу, король Польши Сигизмунд Второй возмущался этой выдумкой о просфоре: “Меня поражает эта отвратительная мерзость, и я ещё не сошёл с ума, чтобы воображать, будто в просфоре есть какая-то кровь”.

Казалось, здравый смысл не может принять эти глупые наветы, но они распространялись и набирали силу.

Да и повод для погрома не нужен был.

Богопослушные миряне, распропагандированные церковью до фанатичного изуверства, готовы были обрушиться на евреев за всё плохое, что происходило вокруг.

Частые разрушительные пожары в средневековых деревянных домах, нераскрытые убийства, мятежи, волнения, войны, да и просто христианский праздник, с представлением страстей Христовых, - за всё это евреи расплачивались тысячами убитых мужчин, женщин, стариков и детей.

Страх, страдания, горечь бедных слоёв христиан отзывались расправами над ни в чём не повинными евреями. У них под пытками вырывали признания в отравлении колодцев, в распространении болезней, причём самыми чудовищными, совершенно нереальными способами, в которые трудно поверить, но чем чудовищнее была клевета, тем охотнее в неё верили.

Во время эпидемии чумы в сотнях городов перебили всех евреев, шесть тысяч было убито в Майнце, две тысячи в Страсбурге.

Каждая вспышка насилия многократно повторялась в других местах.

Костры из еврейских книг пылали по всей Европе.

В Париже были сожжены 24 подводы ценнейших еврейских рукописей. Талмуд подвергался сожжению во Франции 4 раза, в Италии 14 раз. Сесиль Рот пишет: “Талмуд подвергался столь жестоким преследованиям, что, несмотря на все старания евреев, до нас дошла только одна древняя рукопись полного текста”.

Огромную лепту в антисемитскую борьбу внесла инквизиция. Всего на её кострах нашли смерть сотни тысяч христиан, обвинённых в ереси, и евреев.

Горячими поборниками инквизиции были в Испании арагонский король Фердинанд и Кастильская королева Изабелла, которые всегда использовали репрессии против евреев для пополнения своего кошелька.

Когда высылаемые из Испании евреи принесли Изабелле и Фердинанду деньги с просьбой разрешить им остаться в стране, сумма была настолько внушительна, что алчные супруги уже готовы были удовлетворить просьбу евреев, но в это время стоящий за дверью и подслушивающий разговор Торквемада, разъярённый, ворвался в комнату с криком: “Иуда за тридцать сребренников продал Иисуса, а вы за сколько продаёте Бога?!”

Изабелла и Фердинанд не решились послушаться этого иступлённого Божьего слугу. Большая, богатая, одарённая еврейская община была рассеяна почти по всему миру. Многие приняли христианство.

Видимо, Христофор Колумб был таким крещёным евреем, маррано, как их называли, неспроста же он хвалился своим происхождением от царя Давида и окружал себя евреями. Его переводчиком был маррано. Навигационные приборы, которыми он пользовался, были изготовлены одним еврейским учёным по чертежам другого еврейского учёного.

Изгнав евреев, Испания лишила себя умных и талантливых людей на многие века вперёд. Она и до сих пор не дала ни одного выдающегося учёного.

Малколм Хэй пишет: “Несомненно, некоторые евреи в Испании и Португалии разбогатели благодаря ростовщичеству, однако в обеих странах христианское ростовщичество снискало ещё худшую славу...Христианские церковники смотрели на еврейское добро с вожделением. Они внушали пастве, что все евреи сказочно богаты, что они распяли Христа, что они похищают младенцев и пьют их кровь. После всего этого было вполне логично утверждать, что Бог одобрит любые жестокие меры против евреев. Преследование было логическим следствием подобных проповедей”.

ПОДЛИННЫЕ СКРЫТЫЕ МОТИВЫ ГОНЕНИЙ НА ЕВРЕЕВ, как отмечено выше, весьма прозаичны - **ИЗВЛЕЧЬ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ВЫГОДЫ**.

Когда в 1290 году 15 тысяч евреев, предки которых в течение многих веков населяли Англию, были изгнаны из страны, им дозволено

было взять с собой только то, что можно унести в руках. Всё их имущество, накопленное за века, досталось правителю. Истинным смыслом изгнания была нажива за их счёт.

Английский учёный И.О.Пайк писал: “Одно из величайших национальных преступлений было совершено в Англии, когда под объединённым нажимом церковников, баронов и торговцев евреи были изгнаны из страны”.

То же произошло и во Франции, где в 1306 году 100 тысяч евреев, населявших Францию ещё с дохристианских времён, должны были покинуть страну, имея с собой лишь одежду, надетую на них. “Телеги, полные еврейским добром, серебром, золотом и драгоценными камнями, были отправлены королю”, - рассказывал летописец. Король Филипп Красивый, изгнавший евреев, не питал к ним особой ненависти. Но почему было не поживиться за их счёт?

Богослужущий Карл Восьмой, окончательно изгнавший евреев из Франции, воспет в балладе, которая, однако, обходит вопрос о его алчности, побудившей к этому шагу добропорядочного христианина.

В Германии этот простой способ конфискации еврейских денег был применён впервые в 1243 году. Десятки жертв были сожжены на кострах, подвергнуты пыткам, изгнаны, оставив палачам и мучителям всё своё имущество.

Как было Гитлеру, для пополнения нацистского капитала, не перенять опыт своих благочестивых предков, усовершенствовав его при этом?

Английский писатель Маколом Хэй говорит: “Испанцы, сжигавшие евреев на кострах, короли, изгонявшие их, священники, стряпавшие обвинения в ритуальных убийствах и пытавшие евреев до смерти, - все они были одушевлены одним и тем же - стремлением к наживе. Менялись предлоги – религиозные, политические, экономические, но результат всегда был один и тот же: еврейские деньги текли в карманы преследователей.

В 20 веке немцы показали, как на евреях можно заработать и после их смерти. Тонны золота были собраны и поступили в берлинский банк: кольца, сорванные с пальцев, золотые зубы, вырванные у мертвецов, ...женскими волосами набивали мешки, трупы шли на изготовление мыла, а кости – на выработку удобрений. Это делалось людьми, которые были христианами. Об этом следует помнить тем, кто

разглагольствует о пристрастии евреев к золоту”. (Малколм Хэй. “Кровь брата твоего”)

Возвращаясь к средневековой Европе, нельзя не вспомнить о трагической судьбе изгнанных.

Сесиль Рот пишет: “Наиболее сильные из тех, кто отправился в путь, не видели конца своим бедствиям. Голод и болезни повсюду преследовали их по пятам. Многих ограбили и убили в море бесчестные кораблевладельцы. Тем, кто высадился на африканском берегу, пришлось столкнуться с ужасами пожаров и голода и с нападениями разбойников. Те же, кто прибыл к берегам христианской Европы, оказались ещё менее удачливы, и даже их современники были возмущены, наблюдая, как у генуэзских причалов рьяные монахи – с крестом в одной руке и с хлебом в другой – сновали среди голодных людей, предлагая пищу в обмен на принятие христианства”.

Свидетель изгнания в 15 веке пишет: “Было грустно смотреть на их бедственное положение. Казалось, что это призраки: истощённые, голодные, с закатившимися глазами; их можно было принять за мертвецов, если бы они иногда не шевелились слегка... Многие из них умерли на причале...”

Один английский капитан весельчак высадил своих пассажиров на Гудвиновых песках. Когда начался прилив, он отплыл, посоветовав евреям молить о помощи Моисея”.

Почему, спрашивает очевидец, весь мир был столь безразличен к судьбе этих несчастных? Дело, говорит он, в том, что в евреях не видели людей, к ним относились почти как к животным. Их страдания, с точки зрения религии, считались даже похвальными.

Так было в средневековье.

А в 20 веке?

Малколм Хэй называет “не менее оскорбительными для человечества” сцены, когда “с евреями, спасшимися морем от фашистского фюрера, обращались ещё хуже, чем с их предками, изгнанными из Испании Фердинандом и Изабеллой. Набитые беженцами корабли месяцами скитались в открытом море в поисках порта, согласного принять этот “нежелательный груз”.

“Знают ли наши современники, люди 21 века, историю евреев Европы? – продолжает писатель. – А нужно ли знать? – может заметить кто-то. Средневековье – это так далеко. И события сороковых годов

двадцатого века – тоже уже отдалились от нас. Но дело в том, что это не только история евреев. Это история человечества, общая история народов, которые на протяжении веков жили рядом с евреями, в тесном общении и взаимодействии с ними. Немец, француз или англичанин, который не знает европейской истории евреев, не знает своей собственной истории! Не может он понять и сегодняшний день, органически связанный с прошлым.

С конца средних веков и до конца 18 века в большинстве стран Европы история евреев – это история терпения, сопротивления, выживания. Они постоянно жили, как беженцы, отданные во власть капризов и алчности христианских правителей, поставленные вне закона церковью”.

Малколм Хэй добавляет: “Современный европеец считает, что на самом деле евреев вовсе не преследовали или преследовали так же, как и другие меньшинства. Этот аргумент часто используют люди, втайне одобряющие притеснения евреев. В Англии человек может быть хорошо образован в области истории и даже иметь научную степень и при этом ничего не знать об истории евреев в Европе. Во многих европейских учебниках истории о евреях либо вообще не говорят, либо о них упоминается между прочим, как о ростовщиках”.

Писатель подчёркивает ту необъективность, лживость, несправедливость и предвзятость к евреям, которую он наблюдал в послевоенные годы. Он пишет: “Турки, мавры и сарацины в представлении англичан являются своего рода джентльменами. Большинство людей забыло, если вообще когда-нибудь знало, как турки и арабы обращались с английскими военнопленными в Месопотамии во время первой мировой войны. Умирающих от дизентерии и холеры английских солдат кнутами гнали по дорогам; а с тех, кто падал, сдирали одежду, их истязали, а иногда хоронили ещё живыми... На полях сражений в Месопотамии арабы без устали рыскали среди убитых, гонимые грязной жаждой добычи и человеческой жизни. Однако сегодня в Англии никто не считает, что справедливо обвинять турок или арабов за поведение их далёких предков. Никто не помнит страшного события, которое произошло 17 марта 1919 года в Верхнем Египте. Проходивший здесь поезд остановили и убили двух британских офицеров и ещё восемь пассажиров. Их тела разрезали на куски, и их руки, ноги, куски тела

разносили по улице деревни, выкрикивая: “Английское мясо!”. “Если бы в какой-нибудь период своей истории, - с болью продолжает писатель, - евреи распилили надвое архиепископа или даже дьякона, этого им никогда бы не забыли. Если бы еврейские террористы разрезали на куски английских офицеров и продавали их мясо на улице еврейской деревни, ответственность возложили бы на всех евреев мира и им всегда напоминали бы об этом зверстве. Видимо, для арабов существует один закон, а для евреев другой”.

Сколько боли в этих словах! Сколько мудрости и человечности в этих мыслях! Читатель, конечно, уверен, что человек, который так близко к сердцу принимает судьбу евреев, так глубоко вникает в вопросы еврейской истории, должен быть евреем.

Нет, дорогой читатель, Малколм Хэй - не еврей. Он просто хороший, умный, поистине благородный человек, для которого чужая беда – это его беда. Пепел миллионов погубленных еврейских жизней стучит в его сердце, страдания не его народа жгут его душу. Мы обращаемся к пламенному слову Малколма Хэя с надеждой: может быть, оно пробьёт чёрствую кору на чьей-то заскорузлой душе.

Впереди ещё долгий разговор, и мы ещё не раз обратимся к великой справедливости и доброте этого необыкновенного человека.

Чтобы завершить главу о еврейском средневековье, надо добавить, что евреи стали не нужны, и от них избавились, обобрав насколько возможно и обрекая на новые муки.

Из Англии евреи были изгнаны в 13 веке, из Франции в 14 веке, из Испании в 15 веке, из Италии в 16 веке. Там же, где евреи остались, - в Германии, в некоторых областях Италии, - был найден новый способ их дискриминации. Стены ненависти заменились каменными стенами. Началась эпоха гетто.

ГЕТТО

В 1615 году церковные власти Венецианской республики нашли нужным изолировать евреев от остальных жителей в особом квартале. Квартал назывался “Тетто нуово”. Это был заброшенный литейный цех, где когда-то производили пушки. Его окружали каналы и высокие стены, окна, обращённые наружу, были заложены кирпичом. В двух воротах стояли стражники. У каналов гетто также сторожили привратники на лодках. Сторожа за их службу должны были платить сами евреи.

Власти были чрезвычайно довольны своей придумкой, ведь за проживание в этой своеобразной тюрьме евреи должны были платить троекратный налог.

Вскоре к “Тетто нуово” (“Новый литейный двор”) был присоединён “Тетто веккьо” (“Старый литейный двор”). Новшество венецианских пап и монахов разошлось по Европе. Еврейские улицы, ограждённые стеной с железными воротами, получили название гетто.

“Почему вы не боретесь?– спрашивал кое-кто у евреев.-Почему не берёте пример со своего предка Мордехая?” Но бороться евреям было не за что. Альтернативы у них не было. Снова скитаться, зависеть от каприза того или иного деспота? А тут было обоюдное согласие с властью, некое соглашение, которое давало определённую стабильность.

Нет, евреи не сразу это поняли, не сразу согласились с этим заточением. Сначала они яростно противостояли ему. Но практика показала: если христиане оградили себя от евреев, то и евреев стена оградила от враждебного мира.

Сегрегация сплачивала евреев и в определённом значении способствовала сохранению национальной культуры.

Ворота гетто закрывались с заходом солнца, в остальное время вход и выход был свободен не только для евреев, но и для христиан.

Здесь шла своя жизнь. Особым вниманием была окружена школа. Она охватывала всех детей определённого возраста, в первую очередь мальчиков. Поэтому грамотные евреи были точно белые вороны в сплошь неграмотном христианском окружении. Почётное место занимала синагога, которую старались украсить и выделить среди возвышенных зданий, которые росли не вширь, а ввысь из-за нехватки

места. Это нередко приводило к обрушениям, к опустошительным пожарам, ввиду крайней скученности населения.

Дома принадлежали христианам, евреи их арендовали. При большой перенаселённости, при острой нехватке жилья это могло бы создать простор для спекуляции и неограниченным ценам на жильё, если бы не правила, установленные самими евреями. Владелец дома не мог менять менее выгодных жильцов на более выгодных, тех, кто готов был заплатить больше. Это запрещалось. Хозяин, который нарушал эти условия, оставался совсем без квартиросъёмщиков, с пустующим домом, который так и стоял незаселённым до тех пор, пока его владелец не соглашался с установленной ценой.

В гетто существовало самоуправление, которое решало все внутренние вопросы и осуществляло связь с внешним миром.

Несмотря на дискриминацию здесь шла своя культурная жизнь.

Конечно, не все гетто могли похвастаться музыкальной академией, которая существовала в венецианском. Здесь писались труды по математике, астрономии на итальянском языке. Вопреки всем препонам гетто порождало учёных, музыкантов. Некий Авраам Колорни, подобно Леонарду да Винчи, специализировался в военном деле, создавал взрывчатые вещества, проектировал надувные лодки, осадные орудия, аркебузы, которые могли одновременно произвести 10 выстрелов. Будучи прекрасным математиком, он разработал метод измерения расстояния. Весть о нём распространилась далеко за пределы Италии, и Колорни был приглашён ко двору пражского императора Рудольфа Второго.

Однако светлых проблесков в европейских гетто становилось всё меньше.

Христианским властям мало было заключить евреев в унизительные резервации. Надо было низвести их человеческое достоинство настолько, насколько это позволяла осуществить юдофобская изобретательность властей.

Евреям предписывалось носить особый отличительный знак. В Германии он принял форму жёлтого круга, который прикреплялся к одежде с левой стороны груди. В Италии это была красная или жёлтая шляпа. Ограничения касались всего костюма, от застёжек на туфле до головного убора. Оговаривались подарки и кушанья на случай свадьбы, помолвки. Евреи не могли ставить на стол еду, которой нет у христиан.

В любое время у еврея могли забрать детей для насильственного крещения. Их помещали в специальные дома для новообращённых, к которым матери не имели права даже приближаться.

В Италии додумались прогонять по улицам во время карнавала для увеселения грубой, невежественной публики толстых евреев, раздетых до нага.-Невинные развлечения богопослушных христиан, развлекающихся унижением себе подобных!

В Германии еврей не мог жениться без официального разрешения, которое чиновнику угодно было дать или не дать.

Деталью сельского пейзажа Европы стал бродячий торговец-еврей с коробом на спине, наполненным старьём, которое ему только и разрешалось продавать.

Гетто облагалось непосильными налогами.

Всё это не могло не оказать губительного влияния на евреев. Круг их интересов неизбежно сужался. Браки внутри немногочисленной общины приводили к физическому и моральному вырождению. Спустя два века существования гетто даже рост еврея уменьшился.

Еврей гетто стал сутулым, робким, смешным, неуверенным в себе.

Появилось много нищих, что никогда не было присуще евреям. Расцвело суеверие.

Забитость, жалкое, униженное состояние евреев становится тем более понятно, когда мы узнаём, какой грязью, не жалея самых низких и оскорбительных выражений, обливали их высоконравственные благочестивые служители Бога.

Преподобный Лютер, разуверившись в готовности евреев принять его учение, обрушивал на евреев потоки грубой брани, пропитанной ядовитой ненавистью. Переведя с помощью раввинов Библию на немецкий язык, он заявил, что теперь это – немецкая книга, а единственная Библия, на которую евреи имеют право, “это та, что у свиньи под хвостом; добытыми оттуда письменами вы можете насыщаться досыта”.

Читаешь эти строки, и просто в уме не укладывается, что это мог писать разумный человек, мало того, духовный пастырь, за которым шли тысячи, миллионы людей, в которого верят и сейчас. Как низко надо было пасть, чтобы изрекать подобную грубую мерзость!

Вот ещё его изречение, полное бессильной дикой ярости.

“Подлинно безнадёжная, порочная, ядовитая и дьявольская вещь

существование этих евреев, которые на протяжении 14 веков были и теперь остаются нашей чумой, пыткой и бедствием”.

Не голос ли бесноватого Адольфа мы слышим? Во всяком случае фашистский маньяк, убийца миллионов, под этими словами охотно бы подписался.

Таков он, протестантский антисемитизм, с его непотребной грубостью и подлой клеветой. От его выражений может стошнить. Судите сами. Привожу ещё один образец протестантского “остроумия”: “Дьявол помочился и опорожнил желудок, эти вещи и есть подлинная святыня евреев... Дьявол своим рылом пожирает то, что извергается из анального отверстия евреев. Это его любимейшее блюдо, на которое он набрасывается, как свинья в хлеву”.

Это из писаний преподобного Лютера. Нужны ли комментарии?

Этот “бред одержимого”, как назвал его Малколм Хэй, находил отклик у немцев. Благочестивый Лютер и ему подобные были теми духовными отцами, которые вскормили гитлеризм, вымостили ему дорогу к власти и подготовили сердца и умы своих боголюбивых соотечественников к совершению самых страшных зверств.

В 17 веке наметилось некоторое ослабление гнёта. Евреи стали селиться вне гетто. Сыновья привилегированных семей пошли в университеты. В Германии появился первый литературный журнал на иврите. Расстояние между евреями и неевреями в общественной и социальной жизни стало сокращаться. В Австрии, Италии были отменены некоторые ограничения для евреев. Вспыхнувшая французская революция объявила Декларацию прав человека и гражданина, которая предоставила евреям те же права, что и другим гражданам.

Гетто были разрушены.

Большое влияние на еврейскую политику европейских стран имели реформы Наполеона, в результате которых евреи были объявлены полноправными гражданами.

Казалось, ещё немного – и еврей расправит плечи, почувствует себя тем гордым человеком, каким он был в знаменательные эпохи своей истории.

ЭМАНСИПАЦИЯ

Евреи снова потребовались Европе в 16 веке, и Европа их призвала.

Первой страной, которая открыла двери евреям после длительного перерыва, была Голландия. Еврейский капитал, еврейские купцы сыграли важную роль в её развитии.

Предание говорит о том, что когда, после значительного перерыва, евреи прибыли в протестантский Амстердам, власти встревожились: не враждебные ли католики прислали своих агентов? Однако чужеземцы изъяснялись на каком-то незнакомом наречии, и с ними никак не могли договориться. Наконец нашли общий язык, когда с обеих сторон оказались знатоки латыни. Стало понятно, что прибывшие никакие не агенты католиков, и им было разрешено поселиться на землях Нидерландов.

Немного времени прошло – и Амстердам стали называть Новым Иерусалимом.

Его корабли бороздили берега ближних и дальних морей и океанов, прокладывая новые пути. Его банковские конторы разбросали свои отделения в далёких странах, его кампании стали центром мировой торговли алмазами. И всё это благодаря деятельности еврейских специалистов.

К концу 17 века в Амстердаме уже проживало 10 тысяч евреев. Неслучайно такими живыми смотрят на нас мудрые еврейские старики с картин Рембрандта, которых художник наблюдал вокруг себя. И не только старики. Молодой, энергичный, деловой Менаше бен-Исраэль, с накрахмаленным кружевным воротником, в широкополой шляпе, заломленной над ухом, с модной подстриженной бородкой, похожий на светского щёголя или мушкетёра, но никак не на главного раввина амстердамс-

*Портрет старика еврея. 1654 г.
худ. Рембрандт*

кой общины, кем он был,- это тоже типичный персонаж этого времени.

Удивительно ли, что когда вот такие элегантные, блестящие представители еврейской общины прибыли в Лондон, они были встречены здесь, как почётные гости, и получили зелёный свет для активного сотрудничества.

И мы уже видим британских евреев на королевской бирже, в коммерческих и торговых конторах, и Вильгельм Третий Оранский уже возводит банкира-еврея Шломо Медину в рыцарское достоинство, и английский премьер Уильям Питт во время Семилетней войны против Франции обращается за помощью к еврейскому банкиру, а деятельность еврейских банков создаёт более благоприятные для англичан условия в коммерции, в частности, проводит снижение уровня долговых процентов.

Евреи создают шёлковую промышленность в Голландии и Италии. Первыми ввозят в Европу кофе и табак, организуют производство хлопчатобумажных тканей, играют важную роль в торговле сахаром.

В Австрии 18 век отмечен влиянием при дворе императрицы Марии-Терезии придворных евреев. Среди них родившийся в гетто и крещёный ещё в детстве Иосеф фон Зонненфельд, который создал законы, отменившие в Австрии пытки, основал национальный театр, возглавил Академию наук в стране. Под влиянием идей просвещения, которые отстаивал Зонненфельд, преемник Марии-Терезии Иосиф Второй провозгласил: “Я безгранично предан гуманизму!”- и издал декрет о веротерпимости.

Евреи Австрии, покинувшие гетто, срывают с себя ненавистный отличительный знак и начинают посылать своих детей в университет.

Конечно, не все евреи могли воспользоваться новыми правами. Бедность попрежнему держала большинство в их скученных домишках. Сколько грусти в глазах рембрандтовских еврейских стариков, как натружены их руки! Но уже появился новый еврей – талантливый, блестящий, остроумный и богатый, знаток искусства, в утончённом салоне которого приятно было провести время и особам королевской семьи и чванливым аристократам.

В Пруссии это время также отмечено успехами евреев. Невзрачный горбун из гетто Моше Мендельсон выигрывает приз прусской Академии наук за лучший труд на метафизическую тему. Показательно, что другим претендентом на этот же приз был Эммануил Кант. Эта победа прославила Мендельсона на всю страну.

Моше Мендельсон явился защитником иудаизма среди христиан и в то же время проповедником христианской культуры среди евреев. Он был другом Канта, приобрёл имя “Немецкого Сократа”. Это он явился прототипом героя драмы Лессинга “Натан Мудрый”, которая обошла все театры Европы.

Нет, не жалким обитателем гетто предстал герой в драме Лессинга. Это мудрый, горделивый сын богатой, восходящей в далёкое прошлое еврейской культуры.

В 1781 году в Берлине была открыта первая еврейская светская школа.

Согласно изданному эдикту, сначала в Австрии, а потом и в Пруссии каждому еврею надлежало взять себе приемлемую фамилию вместо принятого у евреев древнего библейского отчества. Иному безответственному шутнику это давало повод наградить замешкавшегося еврея, который не мог сразу придумать подходящее имя, заведомо смешную фамилию, которая с тех пор сопровождала всем его потомка.

Большое влияние на настроение европейского общества и на отношение европейских правителей к евреям имели труды еврейских авторов, написанные на итальянском языке, а также работы философов Просвещения, таких, как Локк и Монтескье, в защиту евреев.

Просвещение подготовило общественность, по крайней мере, теоретически, к принятию равенства евреев. Уже имело место близкое общение христиан и евреев в деловых вопросах, в культурной жизни, в досуге, быту, случались смешанные браки.

Французские революционные войска, вступая в освобождённые города Италии, с пением Марсельезы, при всеобщем ликовании, разбивали ворота гетто, открывая евреям путь в большой мир. Евреев начали выбирать в муниципалитеты, принимать в национальную гвардию.

Когда Наполеон на собрании нотаблей объявил о полном равноправии евреев, всё собрание, вскочив со своих мест, закричало: “До самой смерти!” – Событие вполне в духе охваченной энтузиазмом Европы, поразившее воображение евреев далеко за пределами Франции.

Оно было на руку Наполеону, так как часто обеспечивало ему в дальнейшем поддержку еврейского населения Польши, когда

несчастные, задавленные иудеи, в лапсердаках и пейзажах, старались помочь французам чем могли, видя в них своих освободителей.

В 1846 году в Англии с евреев были сняты последние ограничения, за исключением права быть избранными в парламент.

Однако успеху еврея в европейском обществе всё ещё мешала религиозная принадлежность, и это толкало многих к принятию христианства.

Никогда не быть бы Бенжамену Дизраэли, при всех его талантах, премьер-министром Англии, не порви он с иудаизмом. Почти тогда же был окрещён шестилетний Карл Маркс. Он был внуком и племянником раввина со стороны отца, а со стороны матери принадлежал к известному роду еврейских богословов во многих поколениях. Его отец, амбициозный адвокат города Трира, был в юности учеником Вольтера и Руссо, возможно, и повлиявших на его антиеврейский дух, который он передал и своему сыну. Однако для службы адвоката антиеврейского духа было мало. Поэтому он принимает христианство и крестит сына. Как видим, мотивация крещения вполне циничная, как и у других евреев в подобных случаях. Генрих Гейне, который также крестился, называл этот акт “входным билетом в европейское общество”. Этим “билетом” воспользовалось не менее 250 тысяч евреев центральной и восточной Европы.

Маркс, рождённый в двух религиозных культурах - еврейской и христианской - отбросил обе, считая их порождением несправедливой социальной системы. Он был одним из тех евреев, которых породило время, снявшее с евреев их одиозную специфику. Как и любая крупная личность, Маркс неоднозначен. Мы не можем, по словам Пола Джонсона, вычеркнуть его из сонма гениев, не можем отрицать его исторической роли, его тесной связи с целой эпохой в развитии всего человечества, его породившей. Но, по мнению писателя, вера Маркса коренится в еврейском апокалипсисе и мессианстве. “Маркс был не просто еврейским мыслителем, он был также антиеврейским мыслителем. В этом заключается парадокс, который наложил трагический отпечаток на развитие марксизма и его претворение в жизнь в Советской Союзе и у его последователей” (Пол Джонсон).

Внутренний разлад, характерный для Маркса, был присущ многим крещёным евреям.

Презрение к себе как к еврею, и в то же время как к человеку, принявшему под давлением обстоятельств чуждую ему религию, отравляло всю жизнь Гейне. Он говорил о себе, как о прирождённом враге любой религии, и в особенности той, “которая первой стала так издеваться над человеческими существами, что до сих пор причиняет нам страдания”.

“Есть три ужасных болезни: - утверждал он,- бедность, боль и еврейство”. “У нас нет больше сил носить бороду, поститься, ненавидеть и выносить ненависть”. И в то же время с горечью писал он другу о своём крещении: “Я бы не хотел, чтобы ты воспринимал моё крещение благожелательно”.

Он ненавидел в себе еврея, но ещё больше он ненавидел в себе крещёного еврея, что нередко толкало его к антисемитским высказываниям.

Тысячи евреев в это время меняли иудаизм на христианство.

“На таком фоне,- отмечает Пол Джонсон,- расцветал потрясающий гений Гейне, популярность которого была выше Байрона и соперничала с известностью Гёте. Сердца его соотечественников не могли не отозваться на этого еврея-немца. Казалось, на протяжении многих поколений гетто в своём генетическом коде накапливало этот мощный талант, чтобы выплеснуть его в обличье немецкой речи, что указывало на интеллектуальное родство между евреями и немцами. Гейне стал неотъемлемой частью немецкой культуры”.

Из выдающихся евреев, порождённых этим временем, единственному Ротшильду, с его многочисленной семьёй, удалось миновать крещение. При своём несметном богатстве, Ротшильды слыли людьми чести и долга, чей финансовый банковский дом пользовался доверием многих правительств.

Приведём лишь один пример, подтверждающий высокий авторитет и влияние Лионеля Ротшильда.

В 1915 году, в период первой мировой войны, когда Англия сражалась с войсками кайзеровской Германии, Лионель Ротшильд лежал на смертном одре. К нему пришёл лорд Холдейн с просьбой остановить некое нейтральное судно, везущее в Германию золото.

Лионель ответил: “Это совсем не сложно”- и тут же нацарапал на оборотной стороне какого-то конверта соответствующую инструкцию.

Когда он умер, одна из газет писала: “Лорду Ротшильду Великобритания обязана тем, что избежала целого букета расовых предрассудков, которые отравили существование многим странам на протяжении жизни последнего поколения. Он был одновременно и Князем Израиля и англичанином, которым Англия вправе гордиться”.

О многих ли можно сказать такое: благодаря ему страна “избежала целого букета расовых предрассудков”? Величайшая похвала, которую может заслужить человек.

Это под его влиянием Рандольф Черчилль и Джорж Бальфур, деятельность которых в значительной мере способствовала созданию Израильского государства, стали энергичными защитниками еврейских интересов в английском парламенте. Не говоря уже о материальной помощи Ротшильдов, которая питала борьбу евреев Палестины за создание своего национального дома...

Если 18 век прозвучал рядом имён выдающихся евреев, то в 19 веке доля видных еврейских учёных выросла ещё больше. Одно из первых мест среди них занимает Фрейд, с его психоанализом, позволившим заглянуть в глубины человеческой психики. Авторитет Фрейда в научном мире был так высок, что даже нацисты не решились тронуть его, разрешив выехать в Лондон.

Теория относительности великого еврея Альберта Эйнштейна перевернула фундаментальные научные представления о нашей планете.

Евреям принадлежат важнейшие открытия в микробиологии и бактериологии. Недавно вышедшие из гетто, они стали известными математиками, химиками, физиками, создателями новых теорий в медицине. Известна решающая роль еврейских учёных в ядерной физике.

А искусство? Среди лучших писателей, музыкальных исполнителей, дирижёров, театральных деятелей евреи занимают видное место.

Непредвзятые люди спрашивают: откуда у евреев это научное чутьё, эта способность к теоретическому мышлению, этот неувядающий интерес к сложным общественным проблемам и стремление к их справедливому разрешению?

Ответ содержится в привычке к учёбе, к абстрактному логическому анализу, которые вырабатывались веками штудирования Талмуда.

Наряду с этим штудированием, с незапамятных времён евреи впитывали библейскую традицию социального критицизма. Почти сплошь грамотная еврейская масса чутко реагировала на несправедливости социальной жизни. Века притеснений и гонений научили евреев задумываться над социальными вопросами времени и вставать на защиту угнетённых. Отсюда так много либеральных и революционных деятелей Европы среди евреев.

Несколько слов особо о Германии.

Дискриминационные законы были ослаблены и отменены, и евреи воспряли духом. Им хотелось сделать что-то хорошее стране своего проживания, казалось необходимым доказать свою лояльность, забыть злобную антипатию немецкого населения. Их достижения начали встречать должное понимание и уважение в стране. И это стимулировало их успехи.

За короткий срок еврей-учёные Германии были награждены двумя Нобелевскими премиями в области физиологии и медицины, четырьмя по химии, двумя по физике. Они заложили основы бактериологии и химиотерапии.

Ещё недавно слабые и хилые физически, евреи Германии завоевали на первых же Олимпийских играх множество золотых и серебряных медалей. 31 тысяча железных крестов – высшая военная награда страны – украсила грудь евреев, участников первой мировой войны.

Гонимое племя прославило Германию, её науку, музыку, способствовало тому, что страна стала одной из самых передовых и культурных.

И как тут не отметить с великой горечью, какой ценой немцы отплатили за всё это евреям! Какой ценой!

В обстановке эмансипации конца 19 - начала 20 веков, когда были отменены антиеврейские дискриминационные законы, казалось, что найдено решение еврейского вопроса. Оно – в ассимиляции. Ассимилированные евреи будут свободны, им не придётся опасаться за жизнь и будущее своих детей и можно будет чувствовать себя полноправными гражданами своей страны и мира.

Значит – ассимиляция?

АНТИСЕМИТИЗМ

Английский публицист Люсьен Вольф был уверен, что “приступы антисемитизма будут ослабевать, пока совершенно не исчезнут”.

“Недалёк тот час,-провозглашал рабби Герман Адлер,- когда Германия будет рассматривать травлю евреев, как отвратительный кошмар, как грязное пятно на истории 19 века”.

“Пусть не будет ни евреев, ни христиан,- предлагал один из политических деятелей 19 века,- за исключением часа молитвы для тех, кто молится”.

Всё плохое позади,считали евреи, мир становится лучше.

Пословица говорит: блажен, кто верует. Евреи верили. И были они, если не блаженными, то во всяком случае глубоко заблуждающимися.

В особой безопасности они чувствовали себя во Франции, ведь это Франция принесла миру идеи Великой революции. В иудаистской молитве французских евреев содержалась молитва за Францию, обращённая к Богу.

И вдруг невиданный взрыв антисемитизма, охвативший страну, в особенности Париж, вызванный так называемым “делом Дрейфуса”.

Евреи Франции были растеряны, ошеломлены.

Между тем был этот взрыв юдофобства не случаен. Если б не благодушие, прогрессивная Франция уже давно должна была бы обратить внимание на антисемитскую пропаганду, непрерывным потоком изо дня в день льющуюся со страниц реакционных газет и журналов. Пропаганду методичную, настойчивую, злобную. Дело Дрейфуса послужило лишь толчком для нового разгула юдофобии.

Книги Жозефа де Гобино, Эрнеста Ренана, и в особенности Дрюмона, были теми кирпичами, которые закладывали фундамент фашистской идеологии.

Ежедневно газеты сообщали о новой истории, якобы подтверждающей существование еврейского заговора, истинность “Протоколов сионских мудрецов”.

Если говорить о мифах, то

**“ПРОТОКОЛЫ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ” - ОДИН ИЗ
САМЫХ СТОЙКИХ, ОЧЕРНИТЕЛЬНЫХ
АНТИСЕМИТСКИХ МИФОВ.**

История его такова.

В 1890 году в Париже тайный агент российской полиции, по поручению охранного отделения, состряпал фальшивку под названием “Протоколы сионских мудрецов”, которые якобы доказывают существование общеврейского заговора, направленного на то, чтобы свергнуть мир в хаос и установить над ним господство евреев.

При изготовлении фальшивки её автор воспользовался памфлетом французского журналиста Мориса Жюли, направленным против Наполеона Третьего и высмеивающим его притязания править миром.

Никакого отношения к евреям этот памфлет не имел, но, переделанный в соответствующем духе, он был использован российской полицией против революционного движения, набиравшего силу в России, активное участие в котором принадлежало евреям.

К чести Николая Второго, которому “Протоколы” были представлены как доказательство злокозненности евреев, русский император без труда разгадал фальшивую основу “Протоколов”, начертав резолюцию: “Благородная цель не достигается подлыми средствами”.

Уж в чем нельзя было обвинить Николая, так это в симпатии к евреям, однако в данном случае, видимо, сказалась простая человеческая порядочность.

Но охранка не уgomонилась. Очень уж понравилась ей идея использовать против евреев данный “документ”.

В 1905 году, в пору революционного подъёма, он пришёлся как нельзя кстати. Тогда некто Нилус, тоже тайный полицейский агент, опубликовал “Протоколы” как “документальное добавление” к своей антисемитской книге.

После революции 1917 года “Протоколы” получили широкое распространение на Западе и были рьяно подхвачены антисемитски настроенными кругами.

В 1921 году памфлет Мориса Жюли попал в руки стамбульского корреспондента газеты “Таймс”. Выявилось почти дословное копирование фальшивыми “Протоколами” данного памфлета. “Таймс” поместила несколько разоблачительных статей.

Но дело было сделано. Протоколы разошлись. Их печатали и перепечатывали, антисемитская пропаганда взахлёб комментировала еврейский вредоносный заговор.

В Америке их пропагандой занимался автомобильный магнат Генри Форд. После того, как Американский еврейский комитет привлёк его к суду, Форд отказался от вымысла и попросил прощения у еврейского народа.

Однако до сего дня, несмотря на неоднократные разоблачения, фальшивка остаётся на вооружении у антисемитов и находит доверие у склонных к юдофобским настроениям воинственно настроенных простаков.

Но вернёмся во Францию.

Идея еврейского заговора была основной в книге Дрюмона “Еврейская Франция”. Дрюмон бесстыдно убеждал своих читателей, что “факт убийства христианских детей евреями столь же очевиден, как солнечный свет”, что даже человеческие жертвоприношения в лесах Западной Африки совершались, оказывается, под руководством евреев. Эту галиматью, как рыба приманку, заглатывала невежественная французская публика.

Малколм Хэй пишет: “Деятельность Дрюмона во многом подготовила почву для появления Гитлера. Нацисты шли по проторённой дороге”.

Книга Дрюмона имела огромный успех. За 10 лет она выдержала более 140 изданий, разошедшись по всей Европе. Это была невиданная массированная антисемитская пропаганда, которую можно сравнить только с гитлеровской.

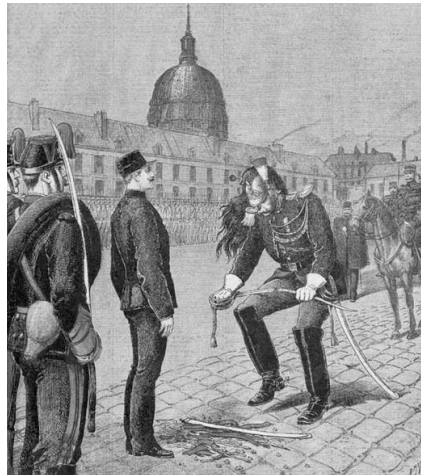
Единомышленники Дрюмона, как и он сам, не избегали самых мерзких угроз. Один из них, Леон Доде, прямо-таки исходил ядом и жёлчью: “О раса Иуды! Вы, порочные люди! Вы, ненавистные и вонючие, но самодовольные...добрые французские души способны перейти к ужасным порывам, так что ваши друзья, ваши деловые связи и ваши чековые книжки не смогут спасти вас от справедливой мести!”

Через несколько десятилетий угрозы были приведены в исполнение.

В период процесса Дрейфуса фальшивые и злобные голоса дрюмоновцев звучали на всю Францию, и на их фоне вершился суд над попавшим в антисемитскую мясорубку офицером французской армии евреем Дрейфусом.

Далёкий от политики, до суда Дрейфус мирно жил со своей женой и двумя детьми. Не играл в карты, не пил, не содержал любовниц, поэтому

его коллеги-офицеры смотрели на него с подозрением и антипатией. Он был единственным евреем – офицером генерального штаба и очень гордился своим положением. В суде не могли назвать ни одного мотива его выдуманного предательства. Да суду и не нужны были мотивы. Достаточно было, что он еврей. Суд проводился закрыто, “в интересах национальной безопасности”. Дрейфус был осуждён за шпионаж в пользу Германии и приговорён к пожизненной ссылке на Чёртов остров во французской колонии, где нездоровый климат косил людей.

*Публичное разжалование
Альфреда Дрейфуса*

Казалось бы, всё закончено. “Справедливость” восторжествовала. Но через два года неожиданно стало известно, что секретное досье, на основании которого Дрейфус был осуждён, не было дано для ознакомления защите.

К тому же полковником Пикаром были найдены доказательства того, что секретные материалы французского генерального штаба были переданы немцам не Дрейфусом, а майором Эстергази, скандально известным разорившимся кутилой, выходцем из Венгрии.

И что же? Полковник Пикар был смещён со своего поста и арестован. А приговор Дрейфуса остался в силе. Неожиданно полковник Анри признался, что свидетельства против Дрейфуса – это подделка, которую он совершил, исходя из лучших побуждений. Но и это в судьбе Дрейфуса ничего не изменило.

Еврейский истеблишмен хранил молчание, боясь, что выражение сочувствия осуждённому вызовет антисемитские эксцессы. Понятная еврейская осторожность. Она вызвала глубокое возмущение молодого писателя Бернара Лазара. “Что за мерзкая привычка, – писал он, – получать удары и не протестовать, гнуть спину в ожидании того, что гроза пройдёт, и притворяться мёртвым в надежде, что молния не ударит”.

В памфлете, изданном в Брюсселе, “Правда о деле Дрейфуса”, Лазар гневно заявил: “Он был арестован, потому что он еврей, он был осуждён, потому что еврей, и по той же причине в его пользу не слышно было голосов ни справедливости, ни правды”.

“Дрейфус – типичный еврейский мученик”,- заявил Лазар и потребовал пересмотра дела.

Один голос. Что может один голос против воя толпы? Но к этому одинокому голосу стали примыкать другие голоса, и ещё, и ещё. Среди них были Марсель Пруст, Анатоль Франс. В защиту Дрейфуса выступил Эмиль Золя с известной статьёй “Я обвиняю”. И вот тут-то события и развернулись.

В ряде городов произошли антисемитские бунты. В Алжире был разгромлен еврейский квартал. Золя, отданный под суд, вынужден был покинуть страну. Лазар дрался на дуэли с Дрюмоном. Всего состоялось не менее 32 дуэлей. Убит был один еврей. В парламенте произошла потасовка под крики толпы на улице. Вся страна разбилась на два лагеря: дрейфусаров и антидрейфусаров.

На руку защитникам Дрейфуса явилась кончина президента Франции, ярого антидрейфусара, Феликса Фора, происшедшая при довольно скандальных обстоятельствах.

У Фора произошло кровоизлияние в мозг в то время, когда он находился в объятиях своей любовницы. Мадам Штейнгель вне себя от страха зывала о помощи, но прибежавшие на крики не могли проникнуть в её спальню, так как дверь была заперта, а бедная женщина, охваченная диким ужасом, была не в состоянии освободиться от мёртвой хватки покойника, вцепившегося в её волосы.

Персонал вынужден был взламывать дверь, чтобы освободить злополучную жрицу президентской любви.

Можно представить, какую бурю сплетен, пересудов, скандалов вызвала амурно-драматическая, скандально-трагическая история президента, бросившая тень на лагерь антидрейфусаров.

Волна протеста против несправедливого приговора заставила правительство назначить новое расследование и суд, в результате которого пожизненная ссылка Дрейфуса была заменена десятью годами, а потом и помилованием. Но не оправданием.

Посажённый за решётку Анри, покончил жизнь самоубийством, перерезав себе горло. “Его убили евреи!”- кричали реакционные газеты.

Реабилитация Дрейфуса пришла только в 1906 году. На том же плацу, где 11 лет назад Дрейфус, под улюлюканье беснующейся толпы и крики “Смерть евреям!” был подвергнут унижительной процедуре разжалования, - теперь он удостоился награды Орденом почётного легиона и был произведён в генералы. Пикар получил пост военного министра.

Истина восторжествовала. Так казалось. Сразу и неясна была цена такой победы, но евреям она дорого обошлась.

Единодушное французское мнение с самого начала процесса отвергало всякую мысль о возможной невинности еврея и предало всеобщему решительному проклятию “всю расу”. Теперь, после того, как процесс закончился, защитники Дрейфуса были объявлены членами вымышленного Еврейского синдиката и предателями, подкупленными еврейским золотом. Страна продолжала бушевать.

“Дрейфус виновен, потому что он еврей! Потому что все евреи - предатели!”- звучало на многолюдных собраниях. Словно время вернулось вспять, в страшное средневековье, и вот-вот вспыхнут костры инквизиции! “Виновен Дрейфус или нет, он должен остаться на Чёрном острове!”- потребовал один из демонстрантов.

“Как прав был Людвиг Святой,- писала газета,-когда советовал не препираться с евреем, а вонзить свой нож в его брюхо как можно дальше!”

Дрюмон пригрозил Золя сжечь его на костре, а евреев не сжигать, ибо “какая вонь поднимется от жареного жида!” - а сбросить в Сену.

“Запереть их в гетто!” “Изолировать как расу, недостойную человеческого общения!” - звучало со страниц газет.

Прошлая, заскорузлая ненависть выплеснулась на улицы. “Только враги Франции могут верить в невинность евреев!”- звучало в толпе.

Среди всеобщего антисемитского шабаша не всегда были слышны голоса здравомыслящих французов, таких, как Жорж Клемансо, который писал: “Нация без совести просто-напросто как стадо на пути к бойне...Мы знаем теперь, что общественные институты, законы и догмы бессильны против зла, которое есть в каждом из нас, и что проведение общественных реформ должно начаться с нас самих”. “Апостолы были евреями,-напоминал своим оппонентам Клемансо с подлинно французским юмором,- так что все основные места в христианском раю заняты евреями”.

Исторические писатели отмечают, что антисемитский настрой французского общества стал одной из причин слабой моральной стойкости французских солдат накануне второй мировой войны.

Реакционная пресса внушала французам, что в войне заинтересованы евреи, что они спровоцировали войну и хотят использовать французов как орудие против Гитлера, что война будет в защиту евреев. “Гитлер не хочет войны,- писала одна из газет,- но есть сила, нация, желающая войны и страстно к ней рвущаяся,-еврейская нация. Война 14-го года была начата евреями, и это может повториться. Христианские народы натравливаются друг на друга для взаимного уничтожения на благо еврейства. Ещё со времён Римской империи евреи плетут заговоры против христианской цивилизации”.

Таковы были характерные высказывания французской печати накануне войны с фашизмом, которые деморализовали армию. Результатом антиеврейской пропаганды было нежелание определённой части французской армии сражаться с немцами.

Победоносная эпоха Наполеона ещё не изгладилась из памяти людей, поэтому мир был поражён той лёгкостью, с которой армия Гитлера вошла в пределы некогда могучей военной державы.

Неисчислимое зло принёс евреям фашизм, но немало бедствий принесла и народам Европы, в том числе и французам, тупая, бессмысленная и слепая ненависть к евреям, спровоцировавшая варварское фашистское нашествие.

Пришло ли к послевоенным французам осознание этого? Смогут ли они избежать подобных ошибок в будущем?

СИОНИЗМ

Чёрные силы, взбудораженные “Делом Дрейфуса” и вышедшие наружу, наблюдал журналист иностранец. Он приехал из Австрии как представитель одной из газет, чтобы сделать репортаж о судебном процессе. Неожиданно для себя он начал смотреть на события, как пророк, который проникает в суть, в смысл происходящего и видит сквозь завесу времени, как эти события разовьются в будущем. Это будущее настолько ужаснуло его, что он решил положить все свои силы на то, чтобы его не допустить.

Его имя было Теодор Герцль. Совершенно ассимилированный еврей, живущий во внееврейском мире, с ухоженной сирийской бородой, с романтически поблескивающими чёрными глазами, высокий, красивый, элегантный, -таков был Герцль.

Он родился в Будапеште в семье разорившегося банкира, далёкой от еврейских интересов. Его бар-мицва называлась “конфирмацией”.

Женитьба на дочери нефтяного миллионера позволила ему заняться литературой и мечтать о будущем известного драматурга. Его острые, с лёгким налётом фривольности статьи в газете, где он работал, по утрам за чаем читало избранное общество.

Всегда изысканно одетый, Герцль до последних дней был верен своим аристократическим привычкам. Став главой сионистского движения, он старался придать ему респектабельную солидность, что должно было способствовать авторитету движения во властных европейских кругах.

Однако сквозь этот антураж прорывалась духовная сила Герцля. Его лицо, писал Мартин Бубер, “освещалось взглядом мессии”. По мнению Макса Нордау, облик Герцля “был делом рук Провидения”. Всем своим существом Герцль убеждал Франца Розенцвейга, что “Моисей был реальной личностью”. Фрейд утверждал, что этот человек снился ему во сне до встречи с ним.

Такое впечатление Герцль производил на людей.

Может быть, эти высокие определения явились потом, как оценка его исключительной деятельности? Однако, бесспорно, его явление в мир было приходом мессии. Кто знает, доживи он до второй мировой войны, возможно, судьба миллионов евреев не была бы столь трагична. Конечно, это только предположение, в истории нет “если бы”, но автор

данной книги не исключает такой вероятности, исходя из высокого морального авторитета и международного дипломатического веса Теодора Герцля. Однако гадание на кофейной гуще бесполезно. Герцль, к великому сожалению, ушёл слишком рано.

Он торопился. Он словно предчувствовал, во что превратится современный ему антисемитизм в Европе, и особенно в Германии, где жгучая ненависть к евреям охватывала всех, от фермеров до студентов и учёных.

Если в России, в интеллигентной среде, антисемитам не подавали руки (это при всем разгуле антисемитской заразы), то в Германии в академических кругах враждебное отношение к евреям было необходимым и нормальным явлением, даже модой.

Вагнер писал: “Я воспринимаю еврейскую расу как прирождённого врага чистого человечества и всего благородного, что в нём есть”. Вот так. Не больше и не меньше: — “как врага чистого человечества”. Он прямо-таки взвинчивал антисемитизм своей юдофобской книгой “Религия и искусство”, в которой, в частности, отвергал композиторов евреев: Мейербергера, Мендельсона, а также поэзию Гейне.

На евреев нападали, независимо от того, чем они занимались и какими были.

“Тщетно искать убежища от еврейских ненавистников,-писал Яков Вассерман.- Тщетно идти среди них и предлагать им свою руку. Они говорят: уж больно он пронырлив. Тщетно придерживаться одной с ними веры и стараться быть товарищем по оружию. Они говорят: еврей способен приобретать любое обличье. Тщетно помогать им сбросить цепи рабства. Они говорят: наверняка ему это выгодно. И тщетно вы будете искать противоядия”

Редкий нееврей может понять это чувство безнадежного отчаяния. Как часто приходится слышать: вы преувеличиваете, это ваша идея-фикс, вы везде видите антисемитов. Не всегда и сами евреи это видят, часто не хотят видеть.

Герцль это понимал. Он словно чувствовал надвигающуюся беду. Свою книгу “Еврейское государство” он написал в рекордно короткий срок. В его ушах стоял крик французских улиц: “Смерть евреям!” Рукой водило чувство боли и гнева.

Книга была написана в 1896 году. В ней Герцль изложил основы сионистской программы. Тысячелетняя мечта евреев об обретении

утраченного отечества приобретала в книге силу действия, способного осуществить эту мечту.

Герцль писал: “Никто и нигде не даст евреям свободу. Они станут свободными только тогда, когда будут жить на земле, принадлежащей им и управляемой ими”. Как и Вассерман, он говорил о невозможности для евреев войти равноправными в европейское общество.

“Мы народ, единый народ. Мы повсюду честно стремились к участию в общественной жизни окружающих народов, желая лишь сохранить веру наших отцов. Нам не позволили этого. Напрасно были мы верными патриотами, порой - даже наиболее рьяными; напрасно мы жертвовали жизнью и имуществом, как наши сограждане; напрасно стремились мы прославить наши разные страны в науке и искусстве или увеличить их благосостояние ремёслами и торговлей. В странах, где мы жили веками, нас всё ещё считают чужими, и зачастую это делают те, чьи предки ещё не селились в той стране, где евреи уже пережили немало страданий...”

В мире, каким он существует сегодня, и, повидимому, будет существовать ещё неопределённо долго, справедливость принадлежит сильному. Поэтому нам бесполезно быть лояльными патриотами, так же, как гугенотам, которых всё равно вынудили эмигрировать.

Если бы нас только оставили в покое... Но, я думаю, - не оставят”...

И не оставили. Словно сквозь завесу времени глядел Герцль.

Один из воинствующих антисемитов писал: “Еврейский народ был как растение паразит, существующее за счёт других наций”, он “нигде не стремился обрести собственное достоинство, собственный дом, собственную родину”.

Это обычная злобная предвзятость юдофоба. Самые горячие стремления евреев обрести свой дом там, куда забросила их судьба, встречали решительное отторжение.

Эту цель – обрести собственный дом, собственную родину на своей земле - и поставил Герцль перед евреями. К осуществлению этой цели он направил все свои усилия.

В своей книге он уже видит торжественную процедуру, когда будет объявлено о вступлении евреев во владение своей землёй. Перед его внутренним взором празднично украшенная площадь, выстроенный на ней полк лейб-гвардейцев. Он уже представляет проспекты будущего еврейского государства, театры, заполненные джентльменами во

фраках и дамами в роскошных нарядах. Буря бушует в его душе. Он не может сдержать своего чувства, удержать мысль, которая ведёт его всё вперёд. Так мечтал Дизраэли, так мечтали многие другие. Но огромная, ни с чем не сравнимая заслуга Герцля в том, что его идеи утверждались на практической основе. Весь остаток своей недолгой жизни (он умер в 44 года), все 8 лет после написания книги, которые подарила ему судьба, он отдал титаническому труду, направленному на осуществление своей цели, на осуществление многовековой мечты евреев, продвинув её настолько, насколько это позволяли сделать его силы и возможности и обстоятельства его времени.

Мысль о жизненной необходимости для евреев создания своего государства до Герцля высказал в написанной им книге Лео Пинскер. Если для Герцля толчком к осознанию этой еврейской проблемы явилось дело Дрейфуса, то Пинскер был до глубины души потрясён зверскими погромами в России в 1881 году, о которых англичанин Майкл Девитт писал: “Евреев выволакивали из тайников в подвалах и на чердаках и подвергали жестоким мучениям. Многим из тех, кто был смертельно ранен, отказывали в последнем ударе, и они были брошены в агонии умирать. Во многих случаях в голову жертвы вбивали гвозди и выкалывали злаза. Младенцев бросали на мостовую с верхних этажей домов, тела женщин подвергали увечьям, насиловали женщин и девушек...”

Лев Пинскер был близко знаком со зверствами царских молодчиков. Ему не нужно было, как Майклу Девиццу, приезжать в императорский Кишинёв, чтобы убедиться в правдивости рассказов о страданиях евреев. Это была его страна. И его не надо было ни в чём убеждать. Название книги говорило само за себя – “Автоэмансипация”.

“Евреи не обретут мира, - писал Пинскер, - пока не восстановят свой государственный и национальный суверенитет. Только тогда они избавятся от позорного клейма, только тогда они будут свободны в любом месте Земли. Сам факт существования еврейского государства снимет с них клеймо неполноценности”.

Книга была написана на немецком языке, но Запад её не заметил. Лишь один французский журнал не преминул сыронизировать: “Преследования евреев в России вдохновили автора на фантастическую идею осуществить эмансипацию евреев, создав еврейское государство”.

В этой фразе проявилась вся антисемитская суть её автора. Как не желает он верить в возможность создания еврейского государства! Как хочется ему внушить читателю, что это одна фантастика!

Да что там антисемиты. Даже сочувствующие идее возвращения не верили в неё. Такой неверящий, главный раввин Вены, при своём скептицизме, однако, не мог её не оценить. “Кто знает,-заметил он Герцлю,- быть может, вы избраны Богом”.

Но Герцль не только прорицал будущее. Он боролся за него. С изумительной страстью и умением. Он сумел заставить услышать себя, обратившись к самой высокой дипломатии.

Ему удалось встретиться со всеми высокими правителями мира. Он хотел с их помощью повлиять на турецкого султана, ибо Палестина в те годы входила в состав Османской империи.

Обаяние, ум, образованность, искусство дипломатии Герцля открывали ему двери самых высоких кабинетов. Он добился аудиенции у Папы Римского, у итальянского короля. Дважды встречался с германским императором Вильгельмом Вторым. Одна из этих встреч состоялась в Иерусалиме. Она была очень важна для Герцля. Хотя встреча была назначена на время самого большого полуденного зноя, Герцль настоял на том, чтобы делегация была одета по полной официальной форме. Он лично проверял одежду каждого делегата от штиблет до перчаток. Одному из них пришлось поменять цилиндр, Вольфсону сменить не совсем чистые манжеты. Герцль хотел разрушить традиционный образ еврея из гетто.

Турки согласились принять евреев в Палестине, даже готовы были предоставить им автономию, но от того, чтобы выделить им место для национального очага, отказались, хотя в обмен на него Герцль предложил султану помощь еврейских финансистов, которые могли бы отвести от Турции грозящее ей банкротство. Несомненно, согласие в то время султана на создание еврейского государства предотвратило бы гибель миллионов евреев и ту сложную кровавую драматическую борьбу с арабами, которая не прекращается по сей день. Но турецкому правителю было не до евреев. Впрочем, как и всем другим правителям.

Герцль понимал это. Словно опасаясь будущего трагического развития событий, он торопится использовать все дипломатические возможности. Он посещает и Россию, где встречается с министром внутренних дел Плеве, стараясь добиться отмены закона о запрете

сионистской деятельности. Это было вскоре после известных погромов, к которым Плеве имел непосредственное отношение, как один из их вдохновителей, но миссию Герцля он поддержал, сказав, что был бы не против, чтобы независимое еврейское государство, которое пытается создать Герцль, приняло несколько миллионов евреев России, хотя желал бы сохранить “самых интеллигентных, таких, как вы, доктор Герцль”, - добавил он, сделав поклон в сторону еврейского гостя.

Россия предстала перед Герцлем с нуждой и угнетённостью бедных еврейских окраин и, в то же время, с огромным энтузиазмом, с которым евреи отнеслись к его идее.

Говард Фаст пишет: “Трудно было вообразить, что всего через десять лет сыновья этих евреев клали в карманы кусок хлеба, привязывали к поясу глиняные кувшины с водой, целовали на прощанье плачущих родителей и с именем Герцля на устах отправлялись через бескрайние степи на Восток...Пионеры американских прерий прославились тем, что проехали одну тысячу миль в фургонах, тогда как эти евреи пришли в Палестину, преодолев три тысячи миль пешком. Часть из них погибла по дороге, часть в отчаянии возвратилась назад, но многие, проделав долгий путь, добрались до земли обетованной, где их сыновья и внуки впоследствии стали членами Хаганы – тайной боевой организации палестинских евреев.

И какой путь они проделали! Из черты оседлости в Одессу, где можно было сделать передышку и запастись провиантом в еврейской общине, затем по берегу Черного моря в Сочи и Батуми, дальше через дикие, почти необитаемые горы Турции (задача не менее грандиозная, чем переход через Американские скалистые горы), потом через Сирию и Дамаск и, наконец, оттуда в Палестину.

Число их было невелико- всего несколько сотен, но даже если бы этот путь проделал один-единственный еврей – всё равно это было бы достижением, достойным внимания и славы”. (“Евреи.История народа”)

Так пишет Говард Фаст о еврейских пионерах, рвущихся в Палестину на самой ранней поре осуществления замысла Герцля.

Поразительно, как много успел сделать Герцль за короткое время. Ему удалось сплотить сионистов многих стран. Его движение

приобрело характер международного, когда в 1897 году в Базеле был созван первый сионистский конгресс. Здесь и была провозглашена цель движения: “создать для еврейского народа отечество в Палестине, признанное общественным законом”.

Героический поток евреев в Палестину, сначала в виде тонкого ручейка, постепенно расширявшегося, обязан был своим зарождением подвижнической деятельности Герцля.

Его план предполагал массовое переселение в Палестину рабочих и земледельцев, предпринимателей и администраторов, учёных и специалистов, всех тех, кто будет строить новое государство.

И удивительно. Кое-какие из европейских государств стали с серьёзностью воспринимать деятельность Герцля. Англия предложила для создания еврейского государства территорию Уганды. Герцль готов был согласиться и на это, но стоило ему на сионистском конгрессе только заикнуться об Уганде, как это вызвало такой взрыв негодования (часть делегатов в знак протеста покинула даже конгресс), что Герцль должен был принести извинение конгрессу. Другому такое заявление стоило бы полной потери авторитета, но Герцль, с его неуклонной энергией, прямоотой и верой в избранное дело, продолжал, словно Моисей, вести своих единомышленников по пути в Сион. Было ясно, что ни одна земля в мире не обладает для евреев такой притягательной силой, как Палестина.

Но как же трудна была к ней дорога!

Не все евреи поддержали Герцля. Против был еврейский истеблишмент, который боялся утратить уже завоёванные в европейском мире позиции. Против был лорд Ротшильд, который отказался даже встретиться с Герцлем, считая, что его грандиозные планы нереальны и только принесут вред достигнутому. “Мы потеряем нашу нынешнюю страну прежде, чем обретём еврейское государство”, – заявил авторитетный финансист. (Потом он пересмотрит своё отношение к Палестине как к еврейскому дому и окажет большую помощь первым переселенцам.)

За Герцлем шли студенты Вены, и среди них Натан Бирнбаум, который, собственно, и изобрёл слово “сионизм”, сначала звучащее иронично, но понравившееся Герцлю и принятое им. Очень важна была помощь выдающегося учёного Макса Нордау. Энергию и силу Герцлю давала поддержка бедных беженцев, встреча с которыми состоялась в

Лондонском Ист-Энде. Герцль вспоминал: "...я испытал странное ощущение. Я видел и слышал, как рождается моя легенда".

С восторгом и надеждой говорили о нём, как о мессии, бедняки Восточной Европы. Его посещали плохо одетые и возбуждённые евреи из отдалённых районов - к ужасу его модницы-жены. "Но именно эти люди, - замечает Пол Джонсон, - становились солдатами, сержантами и офицерами его сионистского легиона. Герцль называл их своей армией".

Рядом с Герцлем был Даниэль Вольфсон, унаследовавший после Герцля его организацию. Это он выбрал цвета еврейского флага - синий с белым - цвета еврейских молитвенных накидок.

Для берлинского студента Хаима Вейцмана, одного из будущих руководителей евреев, идеи Герцля прозвучали "громом среди ясного неба". Десятилетний Давид Бен-Гурион уверовал в далёкого учёного из Вены, как в вождя...

Убедившись, что от европейских держав нужной помощи ему не дожидаться, Герцль взял ориентацию на Англию, где многие сочувствовали его идее. Да и Ротшильд к тому времени сменил гнев на милость, враждебность на доброжелательность.

Герцль нашёл поддержку в лице министра колоний Англии Джо Чемберлена и либерального политика Ллойд-Джоржа. Министр иностранных дел маркиз Лэндсоун направил Герцлю письмо, в котором говорилось, что Комиссия Его Величества готова "представить конкретные соображения по организации еврейского поселения". С каким восторгом это письмо было встречено на Шестом сионистском конгрессе! Это был необыкновенный успех, равнозначный предварительному дипломатическому признанию будущего еврейского государства: Англия одобряла сионистскую идею и готова была способствовать её реализации. Это был немыслимый шаг вперёд.

Но Герцль, который на этом этапе своей титанической деятельности прощался с жизнью, с глубоким сожалением думал о неосуществлённом. "Моя ошибка в том, что я начал слишком поздно, - говорил он Стефану Цвейгу. - Если бы ты знал, как я страдаю при мысли о потерянных годах".

Пол Джонсон пишет: "Он стал жертвой собственных героических усилий и пафоса, которые погубили его тело и разрушили брак". Его семья тоже стала жертвой его борьбы.

Судьба его близких была трагична. Жена только на три года пережила его. Дочь Юлия погибла от передозировки наркотиков. Сын Ганс, лечившийся у Фрейда, покончил с собой. Старшая дочь Гертруда умерла в фашистском застенке. Её сын Стефан покончил жизнь самоубийством уже после войны, в 1946 году. Ушли все. Наследников не осталось.

Но Герцль оставил еврейскому народу, оставил миру другое наследие - сионизм, идеологию и движение, определившие судьбу еврейского народа и новую расстановку сил в современном мире.

Когда ООН спустя десятилетия объявила, под давлением Советского Союза, сионизм фашистской идеологией, это был очередной антисемитский МИФ.

**СИОНИЗМ НИЧЕГО ОБЩЕГО НЕ ИМЕЕТ С
ФАШИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ.**

Только злобная антисемитская сталинская пропаганда могла совершенно естественное стремление еврейского народа иметь свой национальный очаг, - что и определяет сущность сионизма, - назвать фашистской идеологией. До сего дня последствия этой лживой резолюции ООН, инициированной Советским Союзом, будоражат мир и дают повод злейшим врагам еврейского народа провоцировать новые антиеврейские выступления.

Но вернёмся к первым шагам совершенно гуманного в своей основе сионистского движения.

Как было сказано, толчком к его зарождению явилось “дело Дрейфуса”. Однако в то время, о котором мы говорим, оно уже превратилось в факт мирового значения. Каким является и сейчас.

Тяжело, трагично развивалась далее судьба сионизма, как и всё, связанное с евреями.

Знамя, выпавшее из рук Герцля, подхватил Хаим Вейцман – “одна из самых благородных и значительных фигур в еврейской истории”.

Вейцман родился в простой семье сплавщика леса в небольшом городе среди Припятских болот бескрайней матушки – России, опутанной правилами, законами, установлениями, призванными затруднить существование российско-подданных евреев.

Он прошёл не простой путь к образованию. Правильнее было бы

сказать, что он прорвался к образованию через царские препоны.

Вейцман учился в Берлине и Швейцарии и получил степень доктора химии. В дальнейшем химия сослужила добрую службу в его сионистской деятельности. Он владел английским, немецким и французским языками, конечно, и русским – языком своей родины, а также ивритом и идишем.

Как и Герцль, Вейцман нашёл поддержку во влиятельных английских кругах. Это были члены английского парламента Бальфур и Уинстон Черчилль, а также знаток и любитель Библии еврей Роберт Сэмьюэл, деятельность которого антисемит из английского парламента Асквит назвал со злой иронией “довольно преждевременной и богохульной попыткой организовать святое агентство по собиранию евреев”.

Еврейский учёный сумел также покорить лорда Роберта Сесилия из Форин-офис, который говорил, что Вейцман “произвёл на него потрясающее впечатление”

С Бальфуром у Вейцмана произошёл знаменательный разговор. В ответ на упрёк Бальфура об отказе евреев от Уганды, Вейцман спросил: “Господин Бальфур, если бы я предложил вам Париж вместо Лондона, вы бы согласились?” - “Но, доктор Вейцман, у нас же есть Лондон”, - возразил Бальфур. “Да, конечно, - ответил Вейцман, - но у нас уже был Иерусалим, когда на месте Лондона стояли болота”.

Другой разговор оказался решающим.

Бальфур заявил, что решение еврейского вопроса ещё преждевременно, и сослался на мнение известной антисемитки Козимы Вагнер. “Да, - ответил Вейцман, - и я готов сказать вам, что она при этом заявила: евреи захватывают немецкую культуру, науку и промышленность”, “но, - добавил он, - сущность еврейской трагедии в том, что те евреи, которые отдают свою энергию и мозги немцам, обогащают при этом не еврейство, а Германию, которая в значительной мере обязана им своим величием. Трагизм всего этого, что мы не признаём их евреями, а мадам Вагнер не считает их немцами, в итоге мы оказываемся самым эксплуатируемым и непонятым народом”.

Бальфур, тронутый до слёз, пожал Вейцману руку и сказал, что тот “осветил ему дорогу, по которой должна идти великая и страдающая нация”.

Вскоре появилась Декларация Бальфура, которая гласила:

“Правительство Его Величества благожелательно относится к организации национального очага еврейского народа в Палестине и сделает всё возможное, чтобы облегчить достижение этой цели, ясно понимая, что не должно быть сделано ничего, что могло бы нарушить гражданские и религиозные права существующих в Палестине нееврейских общин”.

Бальфур провидчески указал на “нееврейские общины” как на источник будущих конфликтов с евреями.

Вейцман, ознакомившись с текстом, заметил: “Я ожидал не такого”. Тем не менее именно эта Декларация проложила первую тропинку к созданию еврейского государства.

А в это время шла ожесточённая борьба за Палестину между турками и англичанами. Под ударами английских войск турки вынуждены были оставить Палестину, которой они владели четыре века. А Англия получила мандат на управление ею, с обязательством способствовать созданию еврейского государства.

Как же Англия способствовала осуществлению возложенного на неё обязательства?

Если во времена Декларации Бальфура ею двигало благородное желание помочь евреям, то довольно скоро перевес взяли совсем другие интересы, не имевшие ничего общего с гуманностью и справедливостью.

Мы имеем в виду бесчеловечную антиеврейскую политику Англии накануне второй мировой войны, а также в годы гитлеровского геноцида и в послевоенные годы.

Говард Фаст пишет: “Тот факт, что массы евреев-ашкинази Восточной Европы были загнаны в ловушку, что 5 миллионов кротких, благочестивых людей, для которых всякое насилие было немыслимым, погибли в нацистских лагерях смерти, – не является результатом действий какой-то одной силы. Многие евреи могли бы избежать гибели, если бы великие державы не были до такой степени одержимы своей смертельной борьбой за нефть”.

Да, многое определяли нефтяные интересы великих держав Запада, но дело не только в нефти.

Бездушные и эгоизм взяли верх над гуманностью.

ГИБЕЛЬ МИЛЛИОНОВ ЕВРЕЕВ НА СОВЕСТИ НЕ
ТОЛЬКО ГЕРМАНИИ, НО И АНГЛИИ И США.

Перед лицом такого бездушия с особой настойчивостью стал вопрос, выдвинутый сионистами, - о борьбе за еврейский национальный очаг, за еврейское государство.

Заканчивая данную главу, нельзя не сказать об удивительной прозорливости Герцля, который в далеком 1897 году, вернувшись из Базеля, где проходил первый сионистский конгресс, записал в своём дневнике: “В Базеле я основал еврейское государство. Если бы мне вздумалось сегодня произнести это вслух, ответом был бы всеобщий хохот. Может стать, через пять лет, и уж наверника через пятьдесят, это станет известно всем”.

Эта запись сделана в дни, когда идея создания еврейского государства воспринималась как безумная фантазия, как бред, как нечто, если и достижимое, то в весьма далёком и далёком будущем.

Герцль ошибся только на один год. 14 мая 1948 года Давид Бен-Гурион провозгласил в Тель-Авиве Декларацию Независимости государства Израиль. Поистине. Герцль был пророком.

Теодор Герцль (1860 – 1904).

НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ОЧАГУ

О, как длителен, нелёгок и трагичен был этот путь!

С самого своего возникновения идея создания еврейского национального очага в Палестине вызвала ярый протест христианских церковников.

Они твердили: “Бог наказал землю Израиля и обрѣк на вечную нищету”.

Палестина в это время действительно представляла собой печальное зрелище.

Где этот былой небесный рай?-рассуждал известный христианский писатель-антисемит Эрнест Ренан со злорадством.- Неужели эта выжженная раскалённая пустыня – та самая земля, текущая молоком и мѣдом? Где эти прекрасные сады Генисаретской долины с её великолепными деревьями, когда-то воспетые Иосифом Флавием?

Да, давно ушло время, когда совершал паломничество со своими учениками по этой долине Иисус. Тогда земля была густо заселена, покрыта плантациями прекрасных растений и славилась плодородием. Теперь везде было “неизлечимое запустение”, “тяготевшая над Иудеей смерть”. Эти слова принадлежат французскому писателю Пьеру Лоти, которого мы упоминали в самом начале книги. Передавая свои впечатления, француз с тайным недоброжелательством отмечает “заброшенность, это господство тишины, это царство сорной травы, этот конец времѣн”.

Путешествующие по Палестине указывают на жалкое, нищенское существование немногочисленного местного населения.

Джеймс Смит рассказывает о зловонии улиц Иерусалима, об отсутствии освещения и канализации, о том, что многие живут в скалах и пещерах за пределами города, о том, что еврейские бедняки “покупали- и не дешѣво- воду, уже использованную богатыми для мытья и купания”. “Я наблюдал это ещё в 1900 году”, - уточняет он.

Совсем страшную картину видит другой путешественник при подходах к Храму Гроба Господня. Он пишет: “На ступенях у стены лежат нищие. Они сгрудились в бурую, влажную, слегка шевелящуюся массу. Кажется, что их выдуло из водосточного жѣлоба, и они свалились кучей здесь, у стен, как листья и мусор после порыва ветра. Кажется, что они медленно стекают по ступеням густой непрерывной

массой, состоящей из человеческих частей. Вот тянется пепельно-серая рука. На ней отсутствуют пальцы, лишь единственный большой палец непрерывно движется взад-вперёд”.

Жуткая, почти фантастическая картина. Кто эти несчастные? Евреи? Арабы? Христиане? Могут быть те, и другие, и третьи. Хотя у Гроба Господня вряд ли теснились евреи, но и их положение было незавидным.

За четыре века, в течение которых палестинская земля принадлежала туркам Оттоманской империи, они её совершенно забросили. Она и не нужна была им. С полным безразличием завоеватели-янычары наблюдали её гибель. Но при этом крепко держались за неё.

Трезвые люди, глядя на страшное запустение Палестины, думали: что можно сделать на такой земле? Какие затраты, какие физические усилия могут её возродить? У кого они есть, эти деньги, эти силы, это желание делать невозможное?

Но евреи не были трезвыми людьми. Они ведь всегда были не такими, как все. Да что говорить?! Для них это был вопрос жизни и смерти. Поэтому, когда потянулись они сюда, когда начали на этой земле работать, когда явно уже наметились первые успехи, недоброжелатели - как много их было!- от души сулили им провал. Они не допускали даже мысли о возможном успехе.

“Сионизм потерпел банкротство”. “Сионизм обречён”. “У евреев ничего не получится”. “Кто здесь останется через десять лет? Неудача, могила сионизма”. “Евреи не могли и не хотели заниматься ничем, кроме ростовщичества”. “Специализацией евреев всегда были деньги. Физический труд в промышленности, а тем более в сельском хозяйстве никогда не привлекал их”. “Почему евреев должна волновать Палестина? Весь мир у их ног”. “Евреи никогда не смогут выполнить ни одной задачи, требующей физического труда. Да и, наконец, они будут вырезаны арабами”. Таковы были отклики на попытки евреев возродить Святую землю.

Словно боясь, что эти злобные предсказания не сбудутся, иной антисемит старался как можно больнее уколоть, унижить евреев: “Израильтянина никогда не видели державшим заступу, но, подобно ненасытному слезню, он всегда готов сожрать созданное чужими руками”.

Сколько ненависти и недоброжелательства в этой тираде!

А евреи приезжали в Палестину, и брались за дело, и восстанавливали разрушенное веками. Им нужна была эта земля. Они покупали её у арабов, а те вздували цену, даже если земля никогда и не обрабатывалась, даже если это было малярийное болото.

Плата за землю была так велика, что феллахи, никогда не вылезавшие из нужды, могли на полученные деньги расплатиться с долгами и, купив сельхозинвентарь, улучшить обработку оставшейся земли.

Кто мог помочь евреям? Кто мог дать деньги на покупку земли? Ротшильд? К чести его, Ротшильд создал несколько еврейских поселений. Он вложил немало денег в строящуюся еврейскую Палестину. Но главная помощь шла от еврейских бедняков Европы и Америки, которые от своих скромных доходов уделяли, сколько могли, на строительство еврейского очага. С помощью этих средств осушались болота, делались новые насаждения, использовалась ирригация.

Людей косила малярия. Заболевали целыми семьями и целыми группами. Многие уезжали. Но больше было тех, кто оставался, кто продолжал верить и трудиться.

“Евреи не отпрянут в Палестину,- был убеждён французский адвокат Анатоль Леруа –Болье.- Там они не смогут заниматься махинациями. Вот если построить на Сионской горе фондовую биржу, банки, торговую палату, они туда ринутся”.

Но евреи построили на Сионской горе не банк, а Еврейский университет, который неуёмные антисемиты не преминули окрестить оскорбительно “храмом мамоны”.

Как они не хотели верить в успех евреев! Даже в отчёте института Карнеги говорилось, что “сионистское движение долго не просуществует, потому что оно держится на энтузиазме людей, которые не отдают себе отчёта в трудностях”.

Посетившие Палестину, с её сложными климатическими условиями, приходили к выводу о невозможности одолеть возникающие здесь трудности.

“Никакая сила не может склонить рабочих к пребыванию в районе, где жара летом невыносима,- писал американец, посетивший район Мёртвого моря,- где тучи комаров и других насекомых зачастую нестерпимы и где воздух напитан ядовитыми испарениями”.

Через 12 лет об этих местах писал другой путешественник. Он посетил еврейское селение в Негеве. Он знал, что это безводная пустыня, где на протяжении 2-х тысяч миль ничего не растёт. Но у поселенцев был виноградник, фруктовый сад, а также поле, засеянное зерновыми и овощными культурами. Посаженные ими эвкалипты обещали дать пустыне тень, о которой она забыла.

Американца сопровождал молодой еврей, выходец из центральной Европы, который служил ему гидом, высокий, стройный блондин в рубашке и шортах цвета хаки. Совершенный англичанин, если б не загоревшая до черна кожа.

Группа людей чинила огромный резервуар для воды. “Там внизу очень жарко,- сказал гид,- но дело близится к концу”. “Ваше дело никогда не кончится”, - заметил турист. Молодой человек улыбнулся: “В свободное от работы время мы строим теннисные корты”.

Эти люди отдавали себе отчёт в трудностях, вопреки высоколобым учёным института Карнеги, и именно поэтому сионизм жил и приносил плоды.

Огромную роль в развитии страны сыграла Палестинская электрическая кампания, основанная Пинхасом Рутенбергом.

Сколько сил объединилось против главы кампании, чтобы помешать её созданию!

“Вся деятельность сионистов – чистое надувательство,- кричал глава издательства “Манс” Джозеф Кибинг.- Концессия Рутенберга – нелепая, чудовищная затея. Единственным результатом будет наплыв в страну подонков гетто”.

“Будет интересно видеть неизбежный провал плана Рутенберга”, - злорадно предсказывал советник британской администрации.

Антисемитские наблюдатели с неудовольствием увидели не провал, а торжество плана электрификации. Страна получила электроэнергию и свет.

Мальколм Хэй пишет: “Никто, ни турки, ни арабы, ни англичане никогда не пытались использовать водные ресурсы страны. Это сумели сделать евреи ещё до того, как было провозглашено еврейское государство”.

Страна развивалась быстрыми темпами, а англичане взирали на евреев с равнодушием и презрением, уповая на арабов. Они писали: “Возрождение Востока будет претворено не евреями, а арабами, которые в скором времени поразят мир”.

Арабы поразили мир. Но не созидательным трудом, а разгулом терроризма.

В условиях британского мандата, который всеми силами сдерживал усилия евреев и давал зелёный свет арабам, ничто не мешало арабам взяться за дело. Британская администрация даже предоставила бедуинам бесплатно большие участки заболоченной земли и пустоши, которые они тотчас же продали евреям по повышенной цене, даже не сделав попытки освоить эти земли.

“Арабы по сей день,- пишет Малколм Хэй,- располагают своими человеческими ресурсами, девственной почвой, нефтью, но они попрежнему праздны, их почва сохранила свою девственность, а их предприимчивость ушла на выбивание максимальной арендной платы с английских и американских корпораций за добычу нефти. Эти деньги могли бы обеспечить каждой арабской семье воду, жильё, образование, медицинское обслуживание – и ещё остались бы деньги на гаремы и роскошные лимузины. Между тем арабские крестьяне продолжают владеть жизнью в нищете, болезнях, невежестве”.

Это написано в 50-ые годы прошлого столетия, но мало что с тех пор изменилось в арабском мире, если не считать огромные суммы денег, которые тратятся на борьбу с евреями, путём вооружённых налётов и террористических актов. И не только на борьбу с евреями. Мир был свидетелем кровавых актов арабов и против других народов.

Невероятные трудности пришлось преодолеть евреям, закладывая основы будущего государства, но они достигли успехов не благодаря еврейскому золоту, как кричат антисемиты, а благодаря труду народа. “Деньги не были решающим фактором”, - отмечает Малколм Хэй.

“Земля становилась еврейской,- говорит Вейцман,- не вследствие того, что её купили евреи, а вследствие того, что евреи её з а с е я л и и в о з д е л ы в а л и”.

И всё-таки евреи ещё не могли назвать её своей.

Для этого потребовались новые страшные муки, новые трагические восхождения на Голгофу...

ЕВРЕИ И АРАБЫ ПОД ВЛАСТЬЮ АНГЛИЧАН.

Пол Джонсон пишет: “В Лондоне Ллойд- Джорж и Бальфур считали, что им удалось извлечь выгоду из самой гнусной войны в истории человечества хотя бы в одном отношении: дать евреям дом”.

Для Ллойд-Джоржа Палестина, по его словам, была “единственной интересной частью войны”. Что касается Декларации Бальфура, давшей от имени правительства Великобритании согласие на восстановление еврейского национального очага в Палестине, то это было в известной мере выражением благодарности еврейскому народу, в лице Хаима Вейцмана, оказавшего Англии существенную услугу во время войны.

Дело в том, что ацетон, необходимый для производства взрывчатого вещества, до войны Великобритания ввозила из Германии. Находясь в состоянии войны с Германией, Англия нуждалась в заменителе ацетона. С просьбой найти такой заменитель английское правительство обратилось к Вейцману, химику по образованию. Изобретённый им новый способ получения вещества, необходимого для Англии, Вейцман безвозмездно передал английскому правительству, которое не могло не оценить этот благородный шаг...

Соответственно мандату, полученному Англией от международной организации, она получила право на владение Палестиной до тех пор, пока там не будет создано еврейское государство.

Некоторые члены английской администрации понимали свою миссию как оказание помощи евреям. Большинство же, настроенное антисемитски, полагало, что арабы при первом же удобном случае перебьют евреев. В лучшем случае они выполняли свои обязанности формально, но обычно недвусмысленно действовали в интересах арабов.

Едва английские войска ступили на территорию Палестины, как офицеры обнаружили у себя бумагу, о которой генерал сказал Вейцману: “Почитайте-ка всё это внимательно. Похоже, с этим у вас будет много проблем”.

Это было не что иное, как фальшивые “Протоколы сионских мудрецов”.

Антисемиты уже подготовились к встрече с евреями. Фальшивая стрепня была завезена из России с военной миссией, возглавляемой членом российской царской фамилии.

“Протоколы” были первой ласточкой, или первым зловещим вороном (но далеко не последним), принёсшим в английскую оккупационную среду антиеврейские настроения, которые и определили действия англичан в Палестине.

В начале века в Палестину хлынула новая алия из России, пережившей страшные погромы.

Это была энергичная, исполненная веры, не убоявшаяся трудностей молодёжь, к которой присоединились беженцы из Европы и из Украины, спасавшиеся от банд Петлюры.

Трудами этой алии маленькая Яффа была превращена в большой современный Таль-Авив, были основаны киббуцы, ставшие опорой сельского хозяйства будущего Израиля, сформированы отряды самообороны, противостоящие растущему сопротивлению арабов, которые нападали на еврейские поселения, грабили и убивали.

Еврейские отряды были плохо вооружены (откуда им было взять оружие?), необучены, но, оставив в поле плуг или лопату, взяв в руки устаревшие, попавшие к ним винтовки, они выступали против гораздо более опытных и гораздо лучше вооружённых арабских банд. Огонь, горевший в груди этих ребят, делал их сильными и бесстрашными.

Их косил непосильный труд, болезни, арабские пули, но они стояли.

Это было время, которое рождало героев.

Одним из таких героев, которого помнят и чтят в Израиле, был Иосеф Трумпельдор. Он погиб в марте 1920-го года, при защите от арабов селения Тель-Хай.

Трумпельдор пришёл из России, заправив в карман пустой рукав военной гимнастёрки. Боевой офицер русской армии, быть может, единственный офицер-еврей в царской России, он потерял руку на русско-японской войне.

Отец его был кантонистом и, как и следовало кантонисту, верой и правдой отслужил в русской армии 25 лет, но, при этом, не изменил иудейской религии.

Его сын Иосеф - русский офицер, который дослужился до офицерского чина, проявив незаурядную доблесть и умение во время войны с японцами, хранил в сердце мечту о далёкой родине предков, и когда представилась возможность ей послужить, не раздумывая, принёс сюда свой энтузиазм.

“Высокий, сильный, с благородными чертами лица”, он взрывался,

когда замечал, что к нему относятся как к инвалиду, стараясь ни в чём не отставать от других.

Первая мировая война, в которой турки были союзниками Германии, заставила Иосефа перебраться в Египет. Здесь вместе с Жаботинским он принимается за создание еврейского легиона.

Дело продвигается медленно из-за проволочек, чинимых англичанами, и он едет в Россию, где намерен создать еврейский полк и прорваться с ним через Кавказ в Палестину. Интересно, что власти революционной России дают ему добро на формирование еврейского полка для борьбы с немцами, но Брестский мир перечёркивает эти планы.

Трумпельдор арестован, но вскоре его освобождают, и он возвращается в Палестину. Он обучает еврейских молодых ребят военному делу, командует еврейскими отрядами, отражающими нападения арабов...

Это было в Галилее, где евреи ожесточённо защищали свои поселения. Два поселения евреи вынуждены были оставить, но два других, Тель-Хай и Кфар-Гилади, продолжали удерживать с большим напряжением.

У евреев нет пушек, не на всех бойцов хватает винтовок, каждый патрон на учёте, в то время как арабы обладают оружием, с помощью которого они сражались с частями регулярной французской армии, оставившей Палестину.

Иосеф отправляется в Галилею и берёт на себя командование израильскими вооружёнными поселенцами. Вдоль и поперёк обходит он район обороны, изучая его особенности с военной точки зрения. Потом ночами, после дневной работы в поле, размышляет над планом обороны. Он сознаёт невыгодность еврейской позиции, слабость бойцов-оборонцев, он без конца запрашивает центр о помощи. Но там не верят в возможность отстоять галилейские селения. Сам Жаботинский, его старый соратник, медлит, считая безнадёжной оборону, в результате которой всё равно придётся сдать Галилею.

В своём дневнике Иосеф записывает: “Новое поколение сынов Израиля стоит на границе, готовое пожертвовать своей жизнью, а в сердце страны не прекращаются споры. Не опоздает ли помощь?”

Помощь опоздала. Арабам помогло их коварство и благородство Трумпельдора..

Зная о добрых отношениях Иосефа с простыми феллахами, к воротам Тель-Хая подъехал арабский шейх с просьбой разрешить ему проверить, не скрываются ли в деревне французские солдаты.

Когда не подозревавший подлости Иосеф впустил шаха в деревню, тот бросил гранату, и вслед за тем в деревню ворвались арабы. Завязался бой, во время которого Иосеф был ранен в живот. Не теряя присутствия духа, он распорядился, чтоб товарищи вымыли руки и перевязали его. Тяжело раненый, он продолжал руководить боем, до последнего момента надеясь на помощь.

Ряды защитников Тель-Хая редели, кончились боеприпасы, и отступление стало неизбежным.

Трумпельдора на носилках несли в Кфар-Гедали.

На его мемориале в Тель-Хае высечено: “Счастлив тот, кто умирает за Родину”.

Народная молва приписывает ему эти слова, сказанные перед смертью. По другой версии, Иосеф перед смертью смачно выругался по-русски. Возможно, обе эти версии справедливы.

Хаим Герцог, рассказавший историю Трумпельдора, замечает, что опыт Тель-Хая послужил примером израильским солдатам во время войны 1948 года. “В глазах всех евреев,- пишет он,- Иосеф Трумпельдор остался героем, достойным великих предков прошлого”...

Арабы, нападая на еврейские поселения, чувствовали свою

Во время русско - японской войны Иосеф был ранен и потерял руку выше локтя, но добился того, что его оставили в армии. Он был награжден высшими для русского солдата наградами: четырьмя Георгиевскими крестами, – “полный бант”, как тогда говорили. Иосеф получил недоступный для еврея офицерский чин прапорщика. После окончания войны – юридический факультет университета, но карьере адвоката в России предпочёл работу простого рабочего в Палестине и воина на самых опасных участках борьбы за создание еврейского государства.

Иосеф Трумпельдор

безнаказанность, ибо палестинская полиция не только не препятствовала их разгулу, но порой и сама участвовала в погромах против еврейского населения. Вейцман на Лондонской сионистской конференции докладывал: “Военная администрация Палестины настроена антиссионистски, а может быть, и антиеврейски”.

Враждебность к евреям была повсеместной. Ею были охвачены служители церкви, чиновники, офицеры. Все они потворствовали арабам.

Узнав о нападении арабских банд на Старый город в Иерусалиме, Жаботинский со своим отрядом, который был создан с согласия военных властей, выступил на помощь его населению, но дорогу ему преградила британская полиция.

Три дня Старый город беспрепятственно подвергался убийствам и насилиям. Когда, наконец, бесчинства прекратились, власти обрушились не на виновников разбоя, а на отряд еврейской самообороны. Он был распущен, а Жаботинского военный суд приговорил к каторжным работам на 15 лет.

Даже среди английских военных такая несправедливость вызвала возмущение.

Офицер английских вооружённых сил Джорж Паттерсон, который командовал Палестинским батальоном, писал с негодованием: “Жаботинского бросили в тюрьму, надели на него одежду заключённого, обрили ему голову и заставили вместе с двумя арабскими насильниками пройти через Иерусалим, где все знали его как офицера британской армии, который отважно сражался за нас и во время войны приложил все усилия, чтобы помочь Англии в борьбе”. Англичанин назвал поведение властей “крайней степенью варварства и грязным пятном на нашей репутации”.

Приговор Жаботинскому вскоре был отменён, но политика английской администрации не изменилась. Её раздражал свободный дух еврейских иммигрантов, молодых еврейских парней, которые свободно шагали по улицам Тель-Авива или Иерусалима, распевая свои патриотические песни. Те, кого хотели видеть униженными, “грязные евреи”, вели себя независимо и гордо.

Малколм Хэй рассказывает: “В 1946 году молодой английский офицер зашёл в тель-авивское кафе, бросив официанту: “Эй ты, грязный еврей, пошевеливайся!”

Официант, член Хаганы, взял посетителя за шиворот и за штаны и аккуратно вынес на мостовую. Именно из-за нежелания евреев терпеть унижения англичане ненавидят сионизм”.

В 1920 году по стране прокатилась волна арабских бесчинств, на которые почти безоружные евреи отвечали бесстрашным, решительным отпором.

Чтобы помочь евреям, Ллойд-Джорж направил в Палестину в качестве Верховного комиссара Сэмьюэла. Это назначение ободрило евреев и вселило в них надежду на установление порядка и справедливости, ведь в своё время именно ему вменяли в заслугу, что “надежды сионистов внезапно перешли из разряда идеала в вопрос практической политики”.

Хотя сказано это было преждевременно и к созданию еврейского государства, к непосредственной политике на этом пути надо было пройти ещё ох как много, но Сэмьюэл был одной из опор Вейцмана в английском парламенте, где у евреев было немало, если не большинство, недоброжелателей.

Один из его оппонентов – антисемитов заявил с иронией: “Он думает, что мы должны поселить на этой не слишком многообещающей территории от 3 до 4 миллионов евреев!”

Таким образом в Сэмьюэле видели подходящую фигуру для защиты интересов евреев в Палестине.

Но Сэмьюэл не сумел найти правильную позицию, пытаясь примирить евреев и арабов, и, не желая того, нанес евреям вред, который сказывается и теперь.

В сложном переплетении интересов кое-кто уже тогда предвидел, что решение “еврейского вопроса” может породить “арабский вопрос”.

На арабскую политическую сцену выдвинулся в то время слывший бунтовщиком и бандитом (уже осуждённый судом на десять лет), Хаджи Амин аль-Хусейни, претендующий на руководство в арабском мире. Когда влиятельные выборщики из мусульманских стран избрали Великим Муфтием образованного и умеренного шейха, Хаджи Амин, совместно с экстремистами, организовал яростную кампанию неповиновения.

Мы и теперь являемся свидетелями таких кампаний, когда наэлектризованные толпы арабских подростков с криками выходят на улицу, стреляя в полицейских из далеко не безобидных рогаток и

пращей, а потом устраивают шумные проводы своих погибших в стычках израильской полицией товарищей, вызывая сочувствие мировой печати.

В то время экстремисты вышли на улицы Иерусалима с лозунгами, требующими расправы над евреями и возведения в Великого Муфтия Хаджи Амина.

Сэмьюэл согласился с назначением Хаджи Амина, приняв его фальшивые заверения в том, что действия нового Муфтия будут направлены на достижение спокойствия в Палестине.

Спокойствие продолжалось три дня. После чего экстремистами были развязаны бесчинства против евреев, в результате которых было убито 43 человека.

Созданный Сэмьюэлом Верховный совет мусульман для наведения порядка очень скоро был превращён Хаджи Амином в инструмент террора, направленного против евреев.

Свой неистовый антисемитизм этот бандит в мантии Муфтия распространил на панарабское движение, охватившее многие арабские страны.

Пол Джонсон пишет о нём.: “Это был убийца с вкрадчивой речью и организатор убийц”. Большинство его жертв стали сотрудничающие с евреями арабы, которых Амин беспощадно преследовал.

Логическим завершением его карьеры стал путь к нацистам...

В глазах англичан арабы были джентльменами. Так вот этот арабский джентльмен подавал в Берлине советы Гитлеру, как довести в Европе геноцид против евреев до победного конца.

Близорукость Сэмьюэла выразилась и в том, что он разрешил издание арабского журнала, который турки прежде закрыли “за разжигание расовой ненависти”.

Всё это развязало руки арабам и привело к кровопролитным погромам 1921 года, после чего Сэмьюэл не придумал ничего лучшего, как наложение запрета на иммиграцию евреев, за что был назван Иудой и предателем еврейского народа.

Испуганные подъёмом арабского национализма, англичане пошли на ряд уступок арабам. Так ими был создан эмират Трансиордания за счёт части земель еврейского национального очага. Таким образом Англия стремилась обеспечить свои интересы на Ближнем Востоке.

С горечью Вейцман говорил Черчиллю: “Еврейский национальный очаг, обещанный в дни войны, превратился в арабский национальный очаг”.

Но у арабов было несколько государств на Ближнем Востоке, в то время как для евреев Палестина была единственной надеждой. Поэтому с такой настойчивостью евреи продолжали бороться за неё. Их среда выдвинула непреклонного и убеждённого руководителя – Бен-Гуриона. Он не уповал на англичан. Его опорой были трудовые еврейские массы. Его партия объединила людей труда. Созданные им профсоюзы способствовали заселению палестинских земель переселенцами из Европы. Руководимая им “Всеобщая федерация еврейских трудящихся” (Гистадрут) возглавила работу экономических предприятий, организацию быта, воспитания и обучения молодых рабочих.

Бен-Гурион упорно настаивал на необходимости осваивать землю. Его усилия были направлены также на создание сильной самообороны.

Между тем враждебное отношение арабов к идее еврейского национального очага продолжало усиливаться

Муфтий Амин не признавал никаких компромиссов и переговоров. Единственным способом его отношений с евреями был террор.

В 1929 году арабы, потворствуемые англичанами, развязали новый взрыв насилия. Они действовали разнузданно и беспощадно, сознавая свою безнаказанность, не щадя стариков, женщин и детей.

Голландский консул Джорж Канн писал: “В то время как английские власти не только ничего не делают для защиты еврейского населения, но фактически запрещают евреям защищать самих себя, разоружая его и тем лишая права на самозащиту, происходят массовые грабежи и убийства, которые навсегда останутся пятном на репутации британской администрации”.

Он с возмущением рассказывает о судебном фарсе в связи с убийством семьи Маклеф, - еврейской семьи российского происхождения. На своё обращение в полицию за помощью она получила отказ. Через два дня отец семейства, его две дочери и сын были убиты ворвавшимися арабскими бандитами, а мать смертельно ранена. Восемнадцатилетний сын хозяина Хаим прикладом ружья убил главаря банды и со своим восьмилетним братом Мордехаем выпрыгнул через окно. На шоссе, недалеко от дома, они встретили

британский конвой. Хаим умолял командира конвоя оказать помощь его матери, которая лежала в горевшем доме, истекая от ран, но конвой равнодушно проследовал дальше.

Хаим был арестован английскими властями и обвинён в убийстве. Вскоре он был освобождён, но опознанных им и соседями убийц суд оправдал “за недоказанностью улик”. Арабы расценили этот приговор как одобрение англичан на резню. Фактически так оно и было.

Английские власти наградили группу полицейских за храбрость, якобы проявленную в Хайфе, где на улицах остались горы трупов мирных жителей, убитых арабами, тогда как полицейский, предотвративший массовое убийство евреев, был наградой обойдён.

Через 20 лет после убийства семьи Маклеф отряд Хаганы, в котором на 250 бойцов было 50 винтовок и несколько пулемётов, отбил у вооружённых до зубов арабов Хайфу. Во главе отряда стоял Мордехай Маклеф - оставшийся в живых младший сын зверски убитой арабами еврейской семьи.

Напичканные юдофобией из широко распространяемых “Протоколов сионских мудрецов” и гитлеровской “Майн камф”, англичане пытались скрыть и завуалировать свой антисемитизм. Английское правительство создаёт комиссию, которая должна расследовать причины беспорядков в Палестине.

Комиссия и расследует. В результате её работы накладывается запрет на еврейскую иммиграцию в Палестину, что вызывает протест не только среди евреев, но и видных английских политических деятелей, в том числе и Сэмюэла..

Вейцман в знак протеста подаёт в отставку. Премьер-министр Англии обращается к Вейцману с письмом, в котором сообщает о возобновлении иммиграции, но евреи уже не верят англичанам.

В конце концов британское правительство беззастенчиво отрекается от всех своих обязательств по отношению к евреям...

В 30-ые годы Палестина фактически превратилась в вооружённый лагерь, когда арабы, провоцируемые немецкими нацистами, подняли восстание против англичан. В то же время их бесчинства против евреев продолжались.

Это уже были не неорганизованные банды, а обученные немцами, хорошо вооружённые соединения, против которых мужественно встали необученные и плохо вооружённые отряды еврейской самообороны.

Для англичан такие понятия, как еврейская армия, еврейский воин, были абсурдом.

“Презренное племя,-заявлял английский священнослужитель, - никогда не выдержит испытания войной”.

“Еврей всегда трус, трус по природе”,- изрёк некий английский путешественник.

В то же время английский офицер Уингейт, которому, по его настоянию, разрешили сформировать еврейский вооружённый отряд, с большой похвалой говорил о своих солдатах.

Их было 200-300 человек, которым противостояли тысячи арабских повстанцев. Наскоро обученные, они выбили арабов из их опорных пунктов в Северной Палестине и тем обеспечили безопасность нефтепровода. По мнению англичанина, их успех “был следствием особых качеств еврейских отрядов”.

Впоследствии многие из бойцов отряда стали во главе Армии Оборона Израиля.

Уингейт пишет: “С глубоким сожалением я должен признать, что власти обращались с евреями, проявившими такую преданность и отвагу, исключительно гнусным образом”.

Английская газета характеризует поведение английских властей в это время в Палестине как “чёрную страницу бездейственности и двуличия, беспрецедентную в британской истории”.

Газета ошибалась: двуличие англичан не было беспрецедентным.

Это качество Англия ещё не раз проявит по отношению к евреям. И в годы войны с фашизмом, и в послевоенные годы, когда всеми силами будет приипятствовать возвращению евреев на землю предков.

А еврейские юноши ещё не раз явят миру своё беспримерное мужество.

Передо мной маленькая книга. Она озаглавлена: “Взошедшие на эшафот”.

На первой странице изображение десяти марок с портретами тех, кто без остатка отдал свою юность, все свои силы и саму жизнь Родине, кто с эшафота шагнул в бессмертие, оставшись навсегда в памяти еврейского народа.

Мы расскажем хотя бы о некоторых из них...Шломо Бен- Йосеф.

Вторая половина 30-ых годов прошлого века. Бесчинства разнузданных арабов. Каждый день отмечен новыми жертвами кровавых

арабских зверств. А еврейские руководители твердят одно: мы не должны уподобляться этим бандитам; наша политика – сдержанность; самые отчаянные должны обуздать свой порыв; наше дело – созидание и строительство. Кулаки сжимаются от ненависти, от гнева у молодых еврейских патриотов, сердце требует ответных действий, а арабы принимают еврейскую сдержанность за слабость и трусость, не скрывая того, что не успокоятся, “пока последний еврей не будет сброшен в море”.

Но кто-то больше не хочет терпеть.

Командиры ЭЦЕЛЯ – одной из еврейских военных подпольных организаций – требуют начать решительную борьбу против бандитов, но почему-то активные действия всё откладываются.

Трое еврейских парней: Шалом Журавин, Авраам Шейн и Шломо Бен-Йосеф – решают начать действовать, не ожидая приказа.

На немедленные действия их толкнул новый акт арабского зверства. Арабы убили пятеро евреев, изнасиловали и убили девушку, надругавшись над её мертвым телом, разрезав его на куски. В Рош-Пне её знали. Милая, славная девушка.

Вооружившись гранатой и двумя пистолетами, ребята планируют нападение на арабский автобус. Но план не удался. Мальчики были схвачены английскими полицейскими. По закону всех троих ожидала казнь, но командующий британской армией в Палестине утвездил смертную казнь только Шломо. Второй мальчик был мал по возрасту, третьего врачи для спасения отправили в психиатрическую лечебницу.

Друзья предлагали организовать для Шломо алиби, но он отказался от всех поблажек.

Шломо Бен-Йосеф

Еврейский национальный поэт Цви Гринберг писал о Шломо: “... благословенна Родина, породившая тебя! ...Твоя виселица, воздвигнутая в Акко, превратилась в пылающий терновый куст, освещающий народу Израиля путь к национальному освобождению”.

Рассказывая о последних минутах жизни Шломо, Жадотинский пишет: “Человек, не отказавшийся от своей аристократичности, воистину венчан короной Давида, при свете солнца и во тьме он сберег корону – и в этом урок... Эта смерть важна своей красотой. И этого мы не забудем”.

Дни, проведенные в тюрьме-крепости, были для Шломо днями размышлений. Выходя на тюремный двор для прогулки, он смотрел вверх на окна, стараясь угадать, в какой из камер сидел арестованный Жаботинский, портрет которого ещё дома, в Польше, подростком, он вешал над своей постелью. Сейчас Жаботинский в Америке. Шломо передали, то Жаботинский знает об его аресте и просит друзей сделать всё, чтобы вырвать мальчика из лап смерти. Но Шломо готов умереть, чтобы своей смертью побудить еврейскую молодёжь к действию, пробудить у народа волю к сопротивлению.

Смертный приговор Шломо вызвал бурные демонстрации в крупных городах Палестины и в Варшаве. Тысячи писем с требованием освободить приговорённого получают король Англии, Командующий Британской Армией в Палестине, Верховный комиссар. Раввины молятся о даровании ему жизни, но Шломо заявляет: “Помилования не хочу и не приму”.

Спокойно выслушав приговор, он, вместе с Авраамом Шейном, в один голос, восклицает: “Да здравствует Израильское царство по обе стороны Иордана!”

Мёртвая тишина воцаряется в зале, судьи поспешно покидают свои места...

Полицейский-англичанин часто заглядывает в глазок камеры: что он делает, этот мальчик, перед смертью. А тот всё пишет. По инструкции не полагается, но англичанин не смеет прервать этого юношу, который вызывает у него глубокое уважение.

А Шломо пишет друзьям в Польшу: “Дорогие братья и сёстры! Завтра я умру. И всё же я счастлив... Я верю, что вы будете гордиться мной и пойдёте вперёд... Я знаю, что после моей смерти со “сдержанностью” будет покончено.

Ваш Бен-Йосеф.

Я иду на казнь. Но я не жалею об этом, ибо я умираю за родину.

Шломо Бен-Йосеф”.

О мужественном поведении Шломо в момент казни расскажет потом сам начальник тюрьмы: “Он шёл выпрямившись и пел одну из песен Бейтара – “Два берега у Иордана”. Звуки этой песни до сих пор звучат в моих ушах. У виселицы он стоял прямо и спокойно и не переставал петь. Его голос был чист. Слова звучали чётко. Когда ему на

голову надевали мешок, он крикнул: “Да здравствует Жаботинский!” В последнюю минуту я вышел. Я больше не мог смотреть”..

В том же году на Всемирном съезде Бейтара (сионистская организация молодёжи) в Варшаве Жаботинский сказал о Шломо: “Английское правительство убило его с единственной целью: запугать еврейскую молодёжь, но на деле развеяло завесу страха”.... Жаботинский закончил словами еврейского национального поэта Ури Цви Гринберга: “Твоя виселица, воздвигнутая в Акко, превратилась в пылающий терновый куст, освещающий путь народу Израиля, молодёжи Израиля, – путь к национальному освобождению”.

Поскольку данная глава посвящена вопросу о взаимоотношениях евреев и арабов, которые со времени, описанном в главе, не стали менее острыми и драматичными, мы сочли не лишним включить в повествование небольшой отрывок из статьи американского журналиста арабского происхождения Джозефа Фараха, опубликованной несколько лет назад в одной из американских газет, в которой автор показывает, насколько претензии арабов к евреям в отношении Палестины, беспочвенны.

Отрывок из статьи Джозефа Фараха.

“Израиль стал нацией за две тысячи лет до возникновения ислама.

Арабские жители Страны Израиля стали идентифицировать себя как часть палестинского народа после 1967 года – два десятилетия спустя после создания современного государства Израиль.

Со времени завоевания земли Ханаанской в 13 веке до н.э. евреи владели ею на протяжении тысячи лет и постоянно жили в этой стране последние 3300 лет.

Единственное арабское государство, образовавшееся на этой земле в результате арабского завоевания в 635 г., просуществовало всего 22 года.

Более 3300 лет Иерусалим был еврейской столицей, но никогда этот город не был столицей какого-либо арабского или мусульманского государственного образования. Даже во время оккупации Иерусалима

иорданцами они не сделали его своей столицей и ни один арабский лидер не посетил его.

Иерусалим более 700 раз упоминается в ТАНАХе, священном еврейском писании.

Иерусалим ни разу не упомянут в Коране.

Царь Давид сделал Иерусалим своей столицей.
Мохаммед никогда не посещал Иерусалим.

Евреи молятся, обратившись лицом к Иерусалиму.
Мусульмане молятся, повернувшись спиной к Иерусалиму.

У арабов есть 21 государство.
У евреев всего одно государство- Израиль.

Арабы начали пять войн с Израилем и все пять проиграли.
Израиль защищался и каждый раз побеждал.

Арабы контролируют 99,9 процента земли на ближнем Востоке.
Израиль представляет собой лишь десятую долю процента всей этой территории. Но для арабов и этого слишком много. Они хотят всё. И именно из-за этого сегодня идет война в Израиле. Жадность. Гордыня. Зависть. Алчность. Неважно, сколько территориальных уступок сделали и сделают израильтяне, их никогда не будет достаточно...

Если решение существует, оно должно основываться на правде. Претензии приведут лишь к ещё большему хаосу”...

Это лишь небольшой фрагмент из смелой и объективной статьи арабского журналиста. Нуждается ли он в комментариях?

ХОЛОКОСТ И РАВНОДУШИЕ

Наш рассказ подошёл к самому трагическому периоду во всей многострадальной истории евреев.

Читатель понимает, что речь пойдёт о холокосте.

Пол Джонсон пишет о гитлеровском времени: “Как только ни убивали евреев – практически всеми известными угнетённому человечеству способами.

В каменоломнях Маутзаузена итальянского еврея с хорошим голосом поставили на вершину скалы, начинённой динамитом, и скалу взорвали, когда он пел “Аве Мария”. Голландских евреев сотнями заставляли прыгать (и разбиваться насмерть) с обрыва над каменоломней...Тысячи и тысячи евреев засекли насмерть за мелкие лагерные провинности...Были случаи отрубания голов. Курт Франц, заместитель коменданта Треблинки, держал свору свирепых собак, которых использовал, чтобы они загрызали евреев досмерти. Иногда охрана убивала чем попало”.

Писатель рассказывает о юноше, которого три дня держали повешенным вверх ногами, а после этого, ещё живому, набивали песок в горло, пока он не умер.

Советский писатель Михаил Соболев рисует немецких головорезов, опьянённых вином и кровью, которые вливали еврейским мальчикам водку в горло, до тех пор, пока они не почернели и не упали замертво.

Вот одно из показаний на Нюренбергском процессе: “Только тот, кто видел всё это своими глазами, может поверить, с каким удовольствием немцы выполняли эту операцию; как они радовались, когда удавалось убить младенца всего с трёх или четырёх ударов, с каким удовольствием они совали трупик в руки матери”.

Нет им числа, подобным случаям! Не было границ дикой жестокости! Нет слов на человеческом языке, чтобы определить нравственное падение человеческих существ, превратившихся в разнузданных тварей с кровожадными инстинктами!

Плюс газовые камеры. Плюс сбрасывание в рвы и закапывание заживо недостреленных людей. Всё это называлось Третьим рейхом.

Почему не боролись? Не сопротивлялись? Этот вопрос часто задают в укор евреям.

После войны приводились цифры: пять миллионов – пять миллионов советских солдат погибло в немецком плену. Сейчас об этом не говорят. Забылось?

Или такой факт затрагивает нашу гордость, унижает нас в наших собственных глазах? Да, были среди пленных раненые, но больше было здоровых, крепких парней. Мы знаем случаи сопротивления в немецком плену. И всё-таки – пять миллионов! Как позволили они, молодые, здоровые, так безжалостно, так бессмысленно расправиться с собой?!

А теперь представим колонну евреев, бредущих по дороге смерти.

Здесь мало мужчин. Большинство мужчин было мобилизовано в ряды советской армии. Так было на территории Советского Союза. Колонна несчастных евреев, гонимых на заклатие,- это в основном старики, женщины, дети. Беззащитные, беспомощные. Но маньяк Гитлер их боится. Если нет, тогда зачем же он и его банда прибегали к обману, к хитростям, ко всякого рода подлым надувательствам этих несчастных? Идя по дороге смерти они, как правило, не знают, что это их последний путь, и поэтому несут с собой то, что кажется им наиболее необходимым в жизни. Им говорят, что впереди их ждёт трудовой лагерь, или переселение, или душевая, если они стоят у входа в газовую камеру. “Дышите глубже, и всё будет хорошо”, - наставляет их иной сердобольный эсесовец.

Иногда на станциях немцы ухитрялись даже развесить плакаты, указывающие ложное направление, чтоб ввести несчастных в заблуждение и предотвратить возможные протесты, сопротивление или неповиновение. Что можно ожидать от этих евреев, если они узнают правду? А когда страшная правда доходила до жертв, они уже были так истощены и ослаблены физически, что их сил только хватало на то, чтобы умереть с достоинством. Они принимали смерть, как неизбежное зло, в их молчании была своя гордость, которая не позволяла унижаться стенаниями, криками, слезами. Если это и была покорность, то покорность судьбе, а не палачам.

А палачи были довольны: всё идёт без эксцессов. Они тоже проходят учёбу – как убивать. Это вам не просто так, убил – и всё. Палачей натаскивали, инструктовали, каким образом, с помощью каких приёмов надо избегать сложностей, лишать идущих на казнь воли к сопротивлению, сковать страхом.

Вот одно из воспоминаний очевидца: “Людей выволакивали в такой спешке, что они оставляли маленьких детей в постелях. На улице женщины кричали, зовя детей, а дети звали родителей. Это не мешало эсесовцам гнать людей ударами по дороге, пока они не добежали до ожидавшего их товарного состава. Вагон за вагоном заполнялся под непрекращающиеся крики женщин и детей, щёлканье кнута и ружейные выстрелы.

Значительная часть умирала по дороге к месту. Оставшихся живыми кожаными кнутами и железными крюками заставляли выйти из вагонов, громкоговорители приказывали всем раздеться, у женщин безжалостно срезали волосы, всех, раздетых догола, сейчас же гнали в газовые камеры”.

Какое тут могло быть сопротивление?! “Самое большее, что они могли сделать, порвать жалкие, скомканные в руках доллары, которые им удалось пронести на себе, чтобы они не достались немцам,- последний и единственный жест протеста”.

Пол Джонсон пишет: “Фанатизм, с которым немцы продолжали выполнять свои обязанности массовых убийц уже заведомо после того, как обречённость Третьего рейха стала очевидной,-одна из самых мрачных загадок истории человечества.

В ряде случаев убийства продолжались даже после освобождения лагерей.

Что это? Садизм, ставший привычкой ?!

Два тысячелетия антисемитской ненависти всех разновидностей, языческой, христианской, мирской, основанной на предрассудках, были сплавлены Гитлером в гигантскую систему уничтожения евреев”. (Пол Джонсон. “История евреев”)

Латвия внесла в эту систему свой вклад.

Немецкие войска только подошли к её границам, а в Риге уже горела еврейская синагога с запертыми в её стенах живыми людьми, а местные фашистские молодчики практиковались, стреляя во младенцев, выбрасываемых из окон еврейского родильного дома. Видимо, это и снискало латвийским садистам особое расположение со стороны их хозяев -немецких извергов.

Когда в январе 1942 года собралось в Ваннзее совещание нацистов, которое обсуждало план “окончательного решения еврейского

вопроса”, из всех германских сателлитов, в знак особого доверия и особой чести, был приглашён только представитель Латвии.

Потому -то в Латвию и свозились для уничтожения евреи со всей Европы. Земля Бикерниекского леса была красной от еврейской крови и, отчасти, от крови расстреливаемых здесь советских солдат...

Цифры, касающиеся уничтоженных евреев, хорошо известны. Но редко кто вспоминает о жертвах – неевреях. Фашисты хотели уничтожить христианство, так же, как они хотели уничтожить иудаизм. Из рядов христиан раздавались предупреждения, но вопль “Бей жидов!” заглушил их. Фашисты уничтожили неевреев столько же, сколько евреев – 6 миллионов. Далеко не всем это известно.

А сколько для этой гигантской фабрики смерти требовалось “работников”, сколько материальных средств!

Не хватало стали для танков, она шла на сооружение газовых камер. Сотни тысяч немцев были заняты “работой” по окончательному решению еврейского вопроса, когда не хватало людей на производстве. Войска, идущие на фронт, должны были уступать дорогу железнодорожному составу, увозившему евреев на смерть. А в это время нацистские солдаты, утопающие в русских снегах, ждали подкрепления. С разных концов Гитлеру поступали сигналы, что нечем заменить уничтоженных специалистов-евреев, но Гитлер с маниакальной одержимостью держался за “еврейский вопрос”, словно от его решения зависела его дальнейшая судьба и судьба всей Германии. Эта дьявольская идея, на которой с фанатической манией сконцентрировался фюрер, явилась одной из причин его краха.

Большое искривленное сознание настолько сильно держало фюрера, что даже за несколько минут до смерти, готовясь принять смертельный яд, он думал не о будущем Германии, а вопил, что немцы заслужили своё поражение, потому что не довели до конца дело уничтожения евреев.

И за этим умалишённым шли немцы! И народы позволили водрузить над собой свастику этого маньяка, залитую кровью миллионов!

А сопротивление? Было ли оно? Отсутствие сопротивления фашистам среди евреев – это ещё один МИФ.

СОГНАННЫЕ В ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЯ, ЕВРЕИ БОРОЛИСЬ В САМЫХ БЕЗВЫХОДНЫХ СИТУАЦИЯХ.

Почему-то во время войны и в последующие годы советская печать это замалчивала. Да и сейчас этот вопрос стараются обходить.

В книге “Евреи. По страницам истории”, изданной в Минске, приводятся следующие факты: “По неофициальным данным, в партизанском движении и антифашистском подполье в Беларуси в 1941 – 1944 годах участвовало свыше 15 тысяч евреев”. “Командирами партизанских отрядов в Беларуси в годы войны было 18 евреев. По неполным данным, 32 еврея были комиссарами партизанских отрядов и отдельных батальонов, а 21 начальниками штабов партизанских отрядов”.

В письме генерального комиссара Кубе рейхскомиссару Лозе от 31 июля 1942 года говорилось: “Во всех вооружённых столкновениях с партизанами Белоруссии выяснилось, что еврейство, как в бывшей польской, так и в советской частях генерального округа, вместе с польским движением Сопротивления на западе и красноармейцами на востоке является главным вдохновителем партизанского движения”.

Во многих гетто, рассказывают белорусские авторы, происходили восстания: в Несвиже, в Клецке, в Мире, в Лахозве. В ряде мест были побеги из гетто. Из Мирского гетто бежало 300 узников, из Новогрудского – 233, из Кобринского – 100.

В том, как Сталин стремился сразу после войны скрыть подробности смерти Гитлера, как распространялись ложные слухи о бегстве бесноватого фюрера куда-то в Латинскую Америку, во всём этом есть немало странного, хотя в этом был, наверно, какой-то расчёт. А может быть, тоже ненормальность, патология?

С расчётом замалчивались и факты, свидетельствующие о героическом сопротивлении евреев гитлеровцам. Мы до сих пор мало знаем о сопротивлении евреев фашистам на территории СССР. О некоторых случаях борьбы на западе упоминает в своей книге об истории евреев Пол Джонсон.

Примером такого сопротивления является восстание в лагере Аушвиц, где евреи действовали совместно с советскими военнопленными.

Восставшие взорвали один из четырёх крематориев, трое эсесовцев было убито. Охрана уничтожила 250 евреев, но 27-ми удалось бежать. Четверых девушек-евреек, которые пронесли в лагерь взрывчатку из одного из заводов Круппа, где они работали, пытали несколько дней. Они ничего не сказали своим мучителям. Одна из них, Роза Робота, умерла от пыток. Она успела передать товарищам: “Будьте сильными и смелыми!” Двух девушек после пыток вывели перед заключёнными женщинами на казнь. Истерзанные, они стояли перед палачами под взглядами устремлённых на них сотен глаз таких же страдальцев. “Отомстите!”- крикнула одна из них, обращаясь к заключённым.

Были акты противостояния нацистам в гетто в городах Украины.

Руководитель силами сопротивления в Вильнюсском гетто сам сдался врагу, чтобы отодвинуть ещё на какое-то время гибель заключённых.

Таких случаев гораздо больше, чем мы знаем. К сожалению, многое унесло время и сознательное умолчание. Видно, властям надо было создать представление о евреях, как о слабом, пассивном, безвольном народе.

Маленькая заметка из газеты “Известия” под названием “Его оружием была скрипка” в пятидесятые годы рассказывала: “В 1943 году, когда Муся Пинкензон учился в 5 классе, Усть-Лабинск захватили фашисты. Они согнали на расстрел несколько сот мирных жителей – женщин, стариков, детей. Среди них был Муся.

Фашисты изготовили автоматы. В этот момент вперёд вышел худенький черноволосый мальчуган. В руках у него была скрипка. Он взмахнул смычком и заиграл “Интернационал”.

Десятки пуль оборвали жизнь юного героя, но навеки остались в памяти людей стойкость и мужество отважного пионера”.

Поясню: “Интернационал”, который играл мужественный мальчик перед лицом врагов, был тогда Гимном Советского Союза.

Газета этак деликатно обходит вопрос о том, что эти “несколько сот мирных жителей”, которых фашисты согнали на расстрел, были евреями, и что юный герой – был еврейским мальчиком. Такое сознательное циничное умолчание о зверствах фашистов именно в отношении евреев и о высокой нравственной силе именно еврейского

мальчика не случайно. В Советском Союзе дети хорошо знали имена пионеров- героев с русскими именами, но кто знал имя Муси Пинкензона?

Удивительно ли, что в сознании многих поколений советских людей закрепилось представление о совершенно безропотном и покорном поведении евреев в отношении фашистских карателей.

В книге “Сквозь годы” Лев Заславский рассказывает о подвиге своего дяди Абрама Тевеля, еврейского богатыря, жившего на Украине.

Когда немцы пришли за ним и его семьёй, он обрушил свои железные кулаки на головы немцев и полицаев. Его казнили в присутствии жителей города, в котором он жил. Стоя под виселицей, Абрам обратился к окружавшей его толпе: “Прощайте, люди добрые! Я удушил насильника-оккупанта! Если каждый из вас сделает то же, ни одного фашиста не останется на нашей земле. Смерть немецким оккупантам!”

Это произошло в небольшом украинском городе Верхнеднепровске.

В таком же городе евреи гетто восстали против фашистов, о чём рассказал Анатолий Рыбаков в романе “Тяжёлый песок”. Это литература. Но в её основе реальные события.

Сколько их, безымянных героев, мы не знаем. Среди фашистской ночи горел свет высокого человеческого духа, высокого духа еврейского народа, хотя время многое скрыло от нас.

Как не вспомнить восстание в Варшавском гетто? Говард Фаст пишет о нём: “Нацисты бросили против разрозненных групп всё, чем они располагали,- тяжёлую артиллерию, танки, даже пикирующие бомбардировщики. У них было достаточно миномётов, чтобы стереть в порошок всех обитателей гетто, и тем не менее евреи сражались с ними 42 дня. Мальчики и девочки, старики, не имеющие сил сойти с того места, на котором они сражались и погибали, смелые, решительные мужчины, которые бились до тех пор, пока гетто было полностью уничтожено, а потом бежали по канализационным трубам, добрались до Израиля и пять лет спустя приняли участие в борьбе за независимость Израиля,- все они внесли свою лепту в разгром фашизма”.

Писатель подчёркивает: “Соппротивление было не только в Варшаве. В гетто Кракова и Вильно начались восстания, не уступавшие

Варшавскому доблестью и трагизмом. В 1944 г. восстали еврей-узники трудового лагеря Кронин, годом раньше - в концлагере Собибор, были также восстания в Травнике и Трешлине”.

Знал ли об этом мир? Очень мало. Как мало знает и сейчас.

В книге “Герои Израиля” Хаим Герцог, приводя примеры героического сопротивления евреев немецким извергам, пишет: “Еврейское подполье существовало в каждом гетто, в каждом концлагере. Тысячи евреев воевали в оккупированной Европе в составе партизанских отрядов – среди них было немало тех, кто бесстрашно сражался в гетто, избежал смерти и нашёл в себе силы продолжать борьбу против нацистов... трудно объять разумом и выразить пером НЕВЕРОЯТНУЮ СИЛУ ДУХА, которой обладали воины-евреи, придавшие самому понятию гетто, некогда унижительному, ореол славы и чести... Нет сомнения: ничего более героического не знала еврейская история.

**НИКОГДА и НИГДЕ НИКОМУ НЕ УДАВАЛОСЬ
ПРЕВЗОЙТИ ГЕРОИЗМ БОЙЦОВ ГЕТТО..**

Ни голод, ни унижения, ни смерть не остановили их... они восстали, и огонь этого восстания не угаснет в человеческих сердцах, пока не прекратится род людской на земле”. (Хаим Герцог. “Герои Израиля”)

В этом нет преувеличений. Позорное, бесчестное замалчивание этих беспримерных страниц человеческого мужества и стойкости исходит всё из той же подлой природы антисемизма, который всегда стремился, как стремится и теперь, исказить, оболгать душу еврейского народа.

Знал ли мир о нацистских зверствах? На первом этапе войны не знал. Сами евреи в них не верили. Когда два молодых еврея сбежали из Хелмно в начале 1942 года и рассказали, что они там видели, то в гетто решили, что они сошли с ума от переживаний, и поэтому даже не поместили их рассказ в подпольную газету.

Да, в первые месяцы войны не вся истина о фашистских зверствах проникла в мир через заборы и колючую проволоку концлагерей. Да и в последующие годы не всё знали. Говард Фаст пишет: “Когда советские, американские и британские войска открыли ворота концентрационных лагерей, весь мир содрогнулся при виде живых

обессиленных, измождённых людей, которых немцы за недостатком времени не успели уничтожить. Ещё больший ужас мир испытал при виде могил, набитых десятками, сотнями тысяч трупов.

Мир оцепенел и умолк - ибо что мог он сказать? Где-то в тёмных тайниках германской души умер Бог, и это ощущение смерти охватило весь мир”...

Можно ли было предотвратить эту гибель миллионов мужчин, женщин, стариков и детей?

“Ни одна страна не была готова распахнуть двери,или хотя бы открыть калитку для терпящих бедствие, погибающих людей. Ни одна страна”.(Малколм Хэй)

Долгими веками антисемитская пропаганда готовила народы Европы к расправе над евреями. Теперь они были к этому готовы.

Две тысячи лет человечество провоцировало и осуществляло еврейский геноцид, порождало убийц в сутанах и в мирской одежде. Цивилизованные страны и их просвещённые правители 20-го века его продолжили.

“На всех границах стояли солдаты, исполненные решимости дать отпор любому бездомному и беспомощному человеку, которому удалось вырваться из когтей смерти. Все ходы были закрыты. Все лазейки охранялись. Все чрезвычайные распоряжения надёжно гарантировали, что евреи останутся запертыми в ловушке”.

Представители Всемирного еврейского конгресса обратились к конференции в Бермуде, созданной для обсуждения еврейского вопроса, с просьбой начать переговоры с державами “Оси”, чтобы добиться освобождения евреев и обеспечить доставку продовольствия умирающим от голода евреям в гетто и концлагерях. Конференция отказалась даже обсуждать этот вопрос. США не пожелали смягчить иммиграционные законы, Англия – разрешить выезд в Палестину еврейских детей.

Всё это лишь укрепило уверенность Гитлера в безнаказанности развязанного им кровавого бесчинства.

Американскому Госдепартаменту и британскому министерству иностранных дел было хорошо известно, как можно помочь евреям. Немцы были готовы освободить евреев в обмен на деньги. Иначе говоря, продать. Цена была от двух до десяти долларов за человека.

Малколм Хэй пишет: “Несколько миллионов долларов и немного доброй воли могли бы спасти жизнь сотням тысяч детей”. Однако у американского департамента не нашлось подходящих людей для подобных переговоров. “И дети, словно овцы, загнанные в товарные вагоны, были оторваны от родителей и отправлены навстречу смерти”.

О каких товарных вагонах идёт речь? Вот кое-что об этом.

В декабре 1943 года в Лондоне из Берна была получена телеграмма с сообщением о том, что во Франции “четыре тысячи детей от двух до четырнадцати лет отняты у родителей и в запечатанных товарных вагонах без окон, по 60 детей в вагоне, без еды, воды и элементарных санитарных условий, депортированы... Но самое худшее ещё впереди”.

Ужас охватывает сердце каждого нормального взрослого человека, каждой матери или отца, стоит только представить тысячи детей, напиханных в вагоны, в кромешной тьме, без самых элементарных санитарных условий. Двухлетние, разрывающиеся от крика младенцы, рядом четырнадцатилетние, погибающие в этом неимоверном аду, задыхаясь от смрада. “Но самое худшее впереди”, - говорится в сообщении. То есть гибель: в газовой камере или в лаборатории, где проводятся чудовищные опыты над детьми.

И что же отвечает на такое страшное сообщение министерство иностранных дел Великобритании? Оно “обеспокоено трудностями, с которыми сопряжено устройство сколько-нибудь значительного числа евреев”. Оно “не готово санкционировать даже предварительных мер”. Обеспокоено трудностями, с которыми сопряжено спасение детей! Что же это за люди, которые могли так отвечать в ответ на призыв о помощи погибающим детям?! Дети были чужие. А если б это были их собственные дети?! Как бы они тогда ответили?!

И рядом с этим советские семьи, которые принимали в свой дом совершенно чужих людей и порой делились с ними последним! Об этом мало написано, наверно, потому, что это считалось нормой, о которой не стоит много писать. Как привыкли ругать на Западе советскую страну и советских людей, но какими ничтожными выглядят эти цивилизованные люди Запада по сравнению с великим подвигом советского народа в годину голода, слёз и потерь?! Тогда отзывчивость простых людей спасла жизнь миллионам евреев, лишённых пристанища!

Более 40 миллионов франков в день стоила Англии война с Гитлером. Миру она стоила один миллион детей. Для них не нашлось и тысячи франков.

Союзники отказались от намерений спасти евреев, потому что, как они объясняли, “любая попытка сделать это ослабит военные усилия”.

Были предложения бомбить концлагеря, чтобы создать возможности для освобождения заключённых. Бомбардировщики союзников сбрасывали бомбы на военные объекты вблизи концлагерей, но лагеря и крематории обходили. Не странно ли?

“Единственный способ, которым мы можем спасти евреев,- говорили союзники,- это выиграть войну”.

Как торопились союзные державы выиграть войну, говорят их бесконечные оттягивания с открытием Второго фронта. “Пусть Советский Союз и Германия сломят друг другу головы. А мы придём к дележу пирога”. Таковы были истинные мотивы союзнических проволочек.

“Единственный способ спасти евреев – выиграть войну”,- твердили политические лидеры союзных держав. Но когда война была выиграна, 6 миллионов евреев были уже мертвы.

Обращаемся снова к Говарду Фасту: “Кто может сказать, скольким евреям удалось бы избежать уничтожения, если бы Англия открыла им въезд в Палестину? Сотне? Тысяче? ...А как обстояло дело в Америке?...За шесть лет (1933-1939) разумное и гуманное отношение к иммиграции со стороны Госдепартамента США могло бы спасти жизнь миллиону евреев. В американской истории мало столь постыдных инцидентов, как позиция Госдепартамента, занятая им в 1939 году, когда в порт вошёл немецкий пароход “Сан-Луи” с 907 еврейскими беженцами на борту. Запрет сойти на берег обрекал пассажиров на смерть. Когда пароход приблизился к Майями, Госдепартамент США приказал береговой охране предотвратить высадку даже в том случае, если кто-нибудь попытается вплавь добраться до берега”.

“Годы, предшествующие решению нацистов уничтожить евреев в контролируемых ими странах, были

ЭПОХОЙ ПОЗОРА В ИСТОРИИ США И
ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

А в годы войны? Разве это не позор? Даже просьба принять 20 тысяч детей и тем спасти их от газовых камер не нашла отклика бюрократов”. В отличие от США, англичан просили не принять евреев в свою страну, а только разрешить им въезд в Палестину, но и в этом они отказали гибнущим людям.

Говард Фаст подчёркивает: “Когда для евреев наступил критический момент...почти все правительства закрыли перед ними двери своих государств. Если принять за мерило цивилизованности страны её обращение с евреями, то цивилизованными назвать можно лишь Скандинавские страны, Голландию и Швейцарию”.

Трудящиеся Голландии, в знак протеста против антиеврейской политики Гитлера, объявили всеобщую забастовку, которую гитлеровцы подавили силой.

Исключительное моральное значение имела операция датского подполья, перебросившего через границу около шести тысяч евреев в нейтральную Швецию.

Под давлением общественности властям Болгарии удалось отстоять от гибели всех евреев своей страны...

Это несколько обнадеживающих эпизодов: значит люди могут быть людьми?!

Но вот кончилась самая страшная из войн. Немногие оставшиеся в живых евреи стали возвращаться к своим очагам. И что же? Им сочувствовали? Помогали?

Большая часть христианского мира сделала вид, что ничего не случилось. Римский Папа высказался против переселения евреев в Палестину. Британское правительство постаралось ограничить еврейскую иммиграцию. Соединённые Штаты невозмутимо придерживались своей системы квот.

А Польша встретила своих немногих выживших евреев погромами и убийствами.

Солдат еврей из Чикаго, который участвовал в посадке евреев в вагоны поездов, идущих в послевоенную Польшу, рассказывал: “Люди бросались передо мной на колени, рвали на себе рубаху и кричали: “Убей меня!” Они говорили: “Лучше убить меня сейчас, всё равно в Польше мне не жить”.

Английский посол в Варшаве сообщил, что в Польше опасности подвергался любой человек с еврейской внешностью.

Только за первые семь месяцев после окончания войны в Польше было совершено 350 убийств евреев. Впоследствии число убитых поляками евреев насчитывалось тысячами. Это из официальных данных. Это в мирное время!

А сегодня? Разве не выходят на улицу молодчики со свастикой в России, больше всех других стран потерпевшей от фашистов? Разве не разрушаются еврейские памятники на кладбищах со звездой Давида? Это дело рук хулиганствующих молодчиков. Но ведь по велению глав государств разрушают памятники советским воинам, павшим в борьбе с фашизмом. Свежий пример- Эстония. Это каким же надо быть человеконенавистником, чтоб давать такие распоряжения после чудовищного опыта страшной войны, развязанной фашистами?! Миллионы русских ребят пали для того, чтобы их могилы служили местом утверждения политических амбиций ничтожных правителей! Что же это за мир, в котором мы живём?!

А арабский вождь – экстремист и антисемит, заявляет, что никакого холокоста не было, что это всё выдумка евреев. И уже в магазинах, на базаре слышно повторение кощунственной лжи.

Куда катится наш мир?

ЕВРЕИ В РОССИИ

Обращаясь к вопросу об истории евреев России, автор, в основном, опирается на “Очерки времён и событий” Феликса Канделя, используя богатый фактический материал этого серьёзного трехтомного исследования и придерживаясь его историко-аналитического содержания.

Как указывают “Очерки”, к 1880 году в России было около 4 миллионов евреев, которые жили главным образом в черте оседлости и в Польше, входившей в состав Российского государства. После православных, мусульман и католиков лица иудейского вероисповедания, по терминологии тогдашнего времени, занимали по количеству населения 4-ое место в Российской империи.

Однако, после крепостного крестьянства, евреи были самой бесправной и принижённой частью общества.

Каждый из верховных российских правителей считал своим долгом ввести новые ограничительные правила и законы для евреев.

Николай Первый всеми средствами стремился обратить евреев в христианство. Для этого он установил для евреев рекрутчину, вместо которой прежде они платили налог.

Царь считал, что, пройдя через военную службу, еврей, ставший в армии христианином, после возвращения в свою среду, окажет на неё соответствующее влияние с точки зрения приобщения к христианству.

С этой целью царь не придумал ничего лучшего, как призывать в армию, помимо взрослых еврейских мужчин, еврейских детей с 12-ти лет. На самом деле часто отрывали от родителей несчастных беспомощных детей восьми и даже семи лет, для которых царская служба являлась гибелью.

Неописуемо было горе матерей, которые должны были расстаться навсегда со своим ребёнком.

Современник рассказывал: когда одна из еврейских женщин узнала, что её мальчика забирают в армию, она, “опрометью побежала к реке и бросилась в прорубь”.

Сначала эти дети должны были пройти школу кантонистов, потом с 18 лет их определяли на 25 лет в армию в качестве рядовых солдат, но мало кто из них доживал до этого времени.

Трудно представить страдания, которые испытывали эти дети.

Обыкновенно их гнали в отдалённые районы Сибири, где вообще не было еврейского населения. На долгих этапах дети болели, их заедали вши, кожа покрывалась коростой, их рвало от непривычной грубой пищи. По ночам дети плакали, звали маму, а солдаты, даже при желании, не могли им помочь, потому что не знали языка.

В далёкую Сибирь, словно преступники, гонимые по этапу, шли пешком малолетние мальчишки. Больных и обессиленных везли на телегах.

Очевидец рассказывал о встреченном им обозе еврейских ребятишек, сваленных в кучу: “Грустные лица их и теперь ещё живы у меня в памяти”.

В пути многие умирали, и солдаты-инвалиды закапывали их здесь же при дороге, в одной яме. Для этого “инвалид спускался в яму и ногами притапывал их, чтобы побольше поместилось”.

Герцен в романе “Былое и думы” рассказывает о своей встрече с этими детьми осенью, под холодным дождём.

“Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видел - бедные, бедные дети! Мальчишки двенадцати, тринадцати лет ещё кое-как держались, но малютки восьми, десяти лет...Бледные, изнурённые, с испуганным видом, стояли они в неловких толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами - показывали лихорадку и озноб. И эти больные дети, без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дул с Ледовитого моря, шли в могилу”.

Бывший кантонист вспоминал: “Жаловаться было некому. К битью сводилось всё ученье. И дядьки старались. Встаёшь-бьют, учишься-бьют, обедаешь-бьют, спать ложишься-бьют. От такого житья у нас иногда умирало до пятидесяти кантонистов в месяц”.

Мучительство, с помощью которого этих детей принуждали креститься, не поддаётся описанию. “Один из способов принуждения состоял в том, что мальчиков сначала загоняли в парилку, где они задыхались от пара, потом секли розгами, которые резали распаренное тело, как бритва... Кругом пар, крики, вопли, стоны, экзекуция, кровь льётся, голые дети скатываются вниз головами, а внизу секут без пощады. Это был ад кромешный. Только и слышишь охрипшие крики:

“Что, согласны, собачьи дети?” После этого никто не мог выдержать”. Это одно из свидетельств.

Вот другое воспоминание. “Ефрейтор хватает за голову, быстро окунает в воду раз десять-пятнадцать подряд; мальчик захлёбывается, мечется, старается вырваться из рук, а ему кричат: “Крестись - освобожу!”

Таким свидетельствам, указывает Феликс Кандель, нет конца. Вот ещё воспоминания очевидцев из его книги. “То и дело передавали, что тот или другой из наших товарищей от тяжких побоев умирает...” “В архангельском батальоне трое кантонистов зарезались, двое повесились, несколько человек утопились...”

Их брали детьми, с расчётом на то, что малолетних легче сломить, но мальчики сопротивлялись из преданности своей религии, испытывая чувство протеста и ненависти к мучителям.

А мучители безжалостно истязали упорствующих: секли без конца, пропускали сквозь строй, оставляли не одетыми на морозе, кормили солёной рыбой и не давали пить, ставили коленями на горох и на битый кирпич, окунали в воду до обморока и до глухоты.

Существовало предание, что однажды на Волге, возле Казани, должно было состояться крещение нескольких сот мальчиков-кантонистов, на котором присутствовал император. Духовенство в полном облачении расположилось на берегу, дети стояли стройными рядами. Наконец подъехал Николай Первый и приказал детям войти в воду. “Слушаем, Ваше превосходительство!” - воскликнули они в один голос и прыгнули в реку. Вода накрыла детей с головой, пошли пузыри, но ни один из них не вынырнул на поверхность: все дети добровольно утопились. Таково предание, очень похожее на правду. Возможно, лишь количество детей, покончивших собой в присутствии императора преувеличено.

Предполагают, что детей-кантонистов было при Николае Первом не менее 50 тысяч.

“Льются по улицам потоки слёз,- поётся в одной из еврейских песен,- льются потоки детской крови..Горе, о горе!”

Но Николай не только не смягчал свои распоряжения, но с каждым разом ужесточал их, как для взрослых новобранцев, - это тоже трагическая страница в истории русских евреев,- так и для еврейских

детей. “Страшно было видеть, как целое народонаселение плакало навзрыд,- вспоминал писатель Осип Рабинович.-Пощады не было никому”.

И всё-таки, несмотря на притеснения, гнёт, издевательства, еврейские солдаты храбро сражались. И при обороне Севастополя в 1853-56 годах, и в других войнах.

После Крымской войны евреи черты оседлости на пожертвованные деньги установили обелиск из белого мрамора над могилами павших еврейских солдат - на отдельном еврейском кладбище. Пятьсот евреев погибли тогда при обороне города.

Об участнике войны на Балканах Давиде Гольдштейне русский офицер сказал: “Мне редко случалось видеть такое безупречное мужество и хладнокровие, которое Давид Гольдштейн выказал посреди величайшей опасности”.

А ведь болгары были вырезаны многие еврейские семьи, в то время как турки защищали евреев. Тем не менее, как писал еврейский журналист, “десятки тысяч российских евреев сражались как львы бок о бок с русскими. Многие были ранены и остались инвалидами на всю жизнь, многие пали славной смертью на поле брани,-их кровь смешалась с кровью славян на Балканах”.

Уже нельзя было не замечать доблести солдат-евреев, поэтому в начале 19 века периодически стали награждать евреев, отличившихся в сражениях. Случалось отдельным редким евреям дослужиться до офицерского звания после 40 - 50 лет службы в армии. Но это были исключительные прецеденты.

Однако при Николае Первом было издано около 600 указов о евреях, один ожесточённее другого.

Особая, прямо-таки маниакальная концентрация внимания императора на еврейском вопросе напоминает в этом отношении бесноватого немецкого фюрера.

Николаевские указы касались всех сторон еврейской жизни: запрещалось печатать еврейские книги, носить традиционную еврейскую одежду, за ношение одежды был введён особый налог: например, за ермолку на голове - 3-5 рублей серебром в год. Запрещалось ношение “пейсиков”, бритьё головы еврейскими женщинами. Пейсы срезали прямо на улице чем попало, причиняя

боль, что вызывало хохот зрителей. У женщины срывали парики и косынки с бритой головы, оставляя её растерзанной среди потешающихся уличных зевак.

Продолжались и выселения евреев. Тысячи семей были в одночасье выселены из пограничных с Пруссией и Австрией районов, и тем самым обречены на разорение и скитания.

Понятно, что ко всем правительственным начинаниям евреи относились недоверчиво. Когда стали открываться казённые еврейские училища (на их содержание изымались деньги у самих же евреев), родители неохотно посылали в них своих детей. “Наш народ не дикая орда, в которой надо распространять начала грамотности и письменности,- писала еврейская газета.- Это народ, в жизнь которого уже тысячелетия проникают школа и ученье, учёность и литература, как неперенные её части”.

После окончания казённых училищ путь в мир попрежнему был закрыт для еврея. Еврейский поэт писал:

Зачем же чувства для еврея?
И пыл страстей ему на что?
К тому ль, чтоб понял он скорее,
Как ненавидят все его?!

Местечки и города, которые отводились евреям, отличались крайней скученностью и бедностью населения.

“Стол бедного еврея более, чем скуден,- писал современник.- Целые семейства иногда довольствуются фунтом хлеба, селёдкой и несколькими луковичками. Одежда всегда изорванная, грязная”.

“Боже мой, какая бедность!”-воскликает один из еврейских писателей, описывая черту оседлости.

“Нищета сопровождала еврея с самого его рождения,- пишет Феликс Кандель.- Проблема была неразрешимой: впускать евреев во внутренние губернии власти не желали, а прокормить их в замкнутом пространстве черты оседлости не было никакой возможности. Оставалось только ограничительными мерами сдерживать энергию нищих и затравленных людей, которые любыми путями искали средства к существованию”.

Над загнанными, беззащитными людьми мог издеваться кто угодно, и кто угодно мог их оббирать.

“Городничий Винницы жил и кутил за счёт евреев. “Шмуль принесёт”,-говорил он, не стесняясь, после очередного проигрыша. И Шмуль должен был приносить ему последние общественные деньги, собранные у нищего кагала для уплаты карточного долга кутилы и бездельника, от которого евреи зависели”.

За евреями не признавали нравственных качеств, присущих прочему населению. Но именно здесь ещё пребывала человечность.

Самым главным в этом униженном, замкнутом мире считалось соблюдение законов Торы. Евреи верили: каждый человек влияет на судьбу мира тем, живёт ли он во имя добра или зла. Человек нуждается в заступничестве Неба, но и Небу нужна помощь человека, чтобы привести мир к гармонии.

Как нигде, почиталась здесь учёность. Женщины взваливали на себя все заботы семьи, чтоб дать возможность детям и мужу учиться.

Источником мудрости для евреев служили Тора и Талмуд. В то же время это была их отдушина.

Писатель Л.Леванда рассказывает: “Находясь в синагоге, или слушая пение кантора, или сидя за фолиантом Талмуда, еврей переносился на крыльях воображения в другой мир, в другое давным-давно прошедшее время... В объятиях Талмуда еврей, гонимый роком и обиженный людьми, чувствует себя дома, на родине, на просторе, и, выплакав на груди его свою недолю, возвращается в свет с облегчённым сердцем, с возобновлённой верой и с новым мужеством на борьбу с невзгодами жизни... Это евреи инстинктивно понимают и берегут Талмуд, как зеницу ока”.

Иначе, откуда было бы еврею, приниженному, угнетённому, придавленному нуждой и всеобщей ненавистью и презрением, черпать силы для такой жизни и сохранить светлый ум и силу духа?

Никакому другому народу не пришлось вынести столько страданий, не десятилетиями, не веками, а тысячелетиями, и смог ли бы другой народ выстоять наперекор этому? “Счастье евреев”, что у них был Талмуд – источник их мужества, терпения, мудрости. Как же было не беречь, не изучать его?!

Л.Леванда продолжает: “Вечерами, после работы, мужчины шли в бейт-мидраш и слушали там знатоков, спорили, приводили изощрённые

доводы и цитаты из мудрых книг, соревнуясь между собой в толковании сложных талмудических вопросов. Эти нищие, полуголодные люди, на чужой земле, в недружелюбном окружении, без ощущения покоя и безопасности, забывали во время учёбы волнения и заботы дня и чувствовали себя гордыми, могущественными, неимоверно богатыми, потому что располагали всем духовным богатством прежних поколений”.

Выразительный пример, рисующий заботу в еврейской среде об учёбе, приводит автор “Очерков”, обратясь к свидетельству ученика иешивы (еврейской школы) одного из белорусских городков: в каждом еврейском доме ставили кружку с надписью: “На мирскую иешиву” (школу), и в пятницу, перед благословением свечей, еврейская женщина вспоминала о духовных обязанностях и кидала копейку в кружку. “И никакая нужда в мире не была бы в состоянии заставить её взять обратно из кружки пожертвованные деньги”. Не правда ли, очень показательное?

Рассказывая о прошлом, Феликс Кандель использует картину жизни еврейского городка в николаевскую эпоху, принадлежащую перу писателя Абрама Паперна. Обратимся и мы к ней.

Перед нами люди из этого забытого богом уголка. Вот один из них. “Реб Лейзерке часто скорбел и сокрушался, но не из-за личных невзгод: его мучило и жгло народное горе, бесконечная и безбрежная еврейская боль. Он молился долго, усердно, кричал, стучал кулаками; в молитве всегда слышалось: “Что же это такое, Господи, творится на твоём свете? Ты носил свою Тору ко всем семидесяти народам мира, и никто из них не хотел взять на себя эту ношу; мы же её охотно приняли и свято исполняем шестьсот тридцать писанных Твоих заповедей и тысячи неписанных,- и какая награда за это? Мы сделались притчей во языцех, отданы, как овцы, на заклание, на избиение, на издевательство, на поругание, и Ты всё это видишь и терпишь? Где же после этого твоя справедливость?”... “Бедный реб Лейзерке!- замечает Абрам Паперно. - Он никак не мог примириться. Другие терпели и притерпелись, а он не мог”.

Автор “Очерков” цитирует далее Абрама Паперно.

“Но вот подходила чародейка-суббота и одаряла всех “добавочной душой” - весёлой, гордой, совсем не похожей на их обычную горемычную душу. Куда девались их сгорбленные спины, их горько-кислые мрачные лица? Празднично одетые, стояли они в синагоге с гордо поднятыми головами и сияющими лицами. На целые двадцать четыре часа они, их жёны и дети были защищены от голода. Тем, у кого не было денег, дали

добрые люди, и даже у последних нищих лежала на столе хала, и подавали на обед мясо и цимес!... Да, в этот день нет забот, нет нищеты, нет галута-изгнания! И всё это благодаря субботе, которой поют гимн: “Пойдём, возлюбленный, навстречу невесте”... Но на исходе субботы снова слышны в синагоге охи и вздохи. Кантор читает- и голос его дрожит... И вот он зарыдал, а за ним зарыдали и другие”.

Смерть Николая Первого Россия отметила глубоким вздохом облегчения. Его правление сменила эпоха реформ Александра Второго.

“Боже мой,- вспоминал современник,-какое это было хорошее время!..Общество ликовало в трепетном ожидании великих событий”.

Евреи ожидали, что вслед за освобождением крестьян и они получат равноправие. Идея носилась в воздухе. Но Александр на это не пошёл, однако приказал “пересмотреть все существующие о евреях постановления для...слияния сего народа с коренными жителями”. Это уже многое значило.

И в самом деле. Хотя царь ограничился частичными мерами, но и они были облегчением. Каким счастьем было, когда еврейских детей-кантонистов отпустили по домам, закрыв пресловутые училища! Как приветствовали разрешение открыть еврейские типографии! Некоторым категориям еврейского населения даже разрешили селиться вне черты оседлости. И вот уже появились евреи-промышленники, коммерсанты, биржевики, а также писатели, художники. Удивительно ли, что сразу возросло среди евреев стремление к светскому образованию. В гимназиях и университетах уже учились еврейские дети. В 1880 году в Харьковском университете на медицинском факультете 30% учащихся составляли евреи, а на юридическом - 40%.

Небывалый интерес к еврейской проблеме наметился в русском обществе.

Издавна сложился в русском обществе стереотипный образ еврея-презренного торгаша, шинкаря, который спаивает русский народ.

Как смаковали эти наносные черты, привнесенные жизнью, русские газеты! Каким смешным, вызывающим презрение был представлен еврей в русской печати, в литературе, даже в классической русской литературе, славящейся своей гуманностью!

А ведь ТИП ЕВРЕЯ-ТОРГОВЦА, ШИНКАРЯ ПОРОДИЛА
ЖИЗНЬ, В КОТОРОЙ НЕ БЫЛО ДРУГИХ ПУТЕЙ
СУЩЕСТВОВАНИЯ.

Этого и до сего дня не всегда понимают. Евреи спаивали русский народ, говорят и сегодня. Да сколько их было шинкарей, чтобы спаить весь народ?! И можно ли этим оправдать дикие еврейские погромы царской России, что пытается кое-кто делать и сегодня, даже из умных людей?

При Александре Втором оздоровление коснулось и русского общества. В 1858 году петербургский журнал опубликовал протест 140-ка видных писателей, деятелей культуры в защиту двух оклеветанных антисемитами еврейских журналистов.

Газета писала: “Не позабудем врождённой способности евреев к наукам, искусствам, знаниям, и, давши им место среди нас, воспользуемся их энергией, находчивостью, как новым средством, чтобы удовлетворить разрастающиеся потребности общества”.

Хирург Пирогов выступил против стереотипа еврея-торгаша и шинкаря, поставив в пример русскому обществу традиционное стремление евреев к грамоте, которое приобрело почти значение закона. “Эта тождественность грамоты и закона,- говорит хирург,- в глазах моих есть самая высокая сторона евреев”.

Выделим эти слова:

**ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ ГРАМОТЫ И ЗАКОНА - САМАЯ
ВЫСОКАЯ СТОРОНА ЕВРЕЕВ.**

Не торгашество, не страсть к обогащению, не скопидомство, а стремление к учёбе, ставшее законом, - вот основное качество евреев, как это подчёркивает великий Пирогов.

Но вернёмся к нашему рассказу.

Чуть-чуть наметился просвет в положении евреев России - и общество уже восхищалось скульптурами Марка Антокольского, аплодировало скрипачу Генриху Венявскому, посылало своих детей в Московскую и Петербургскую консерватории, основанные братьями Антоном и Николаем Рубинштейном.

Газета “Русский вестник” громогласно заявила: “Нападать на евреев прошла пора, и прошла навеки!”

О наивность оптимистов! Короткий период оздоровления уже подходил к концу. На пороге стояли новые времена, с их диким буйством, направленным против известного своим бесправием еврейского козла отпущения.

Русские купцы, банкиры, промышленники очень скоро увидели в евреях конкурентов, угрожающих их господствовавшей монополии.

“Москва провоняла чесноком”, - писала антисемитская газета.

Даже Достоевский предался бредовым идеям о стремлении евреев к мировому господству. “Верхушка евреев воцаряется над человечеством всё сильнее и твёрже”, - писал он. Если гениальный писатель истово верил в такую галиматью, то что можно было ожидать от тёмного, безграмотного мужика?!

Но что хуже всего, начали взрываться бомбы террористов. Падает жертвой своих нововведений Александр Второй. Сейчас уже известно, что террор поддерживала и использовала в своих целях реакционная часть русского истеблишмента, в частности высокие чины полиции, враждебно настроенные против нововведений и желающие убрать прогрессивного царя-реформатора.

Однако, как всегда, вина за террор, как за все негативные явления в русском обществе, была возложена на евреев.

Были, были среди идейных сторонников и исполнителей террора и евреи. Они ведь всегда лезут в пекло и в конечном итоге расплачиваются за всех. Шли они и в террористы.

Ещё в 1880 году редактор “Нового времени”, реакционер и антисемит А. Суворин опубликовал статью “Жид идёт!” - и это заглавие стало лозунгом нового времени.

Многие газеты печатали статьи с ожесточёнными нападками, огульной клеветой на евреев, с подстрекательством к расправе, называя евреев главными виновниками всех несчастий русского народа.

В конце марта 1881 года суд вынес смертный приговор А. Желябову, С. Перовской, Н. Кибальчичу, М. Михайлову, Н. Рысакову и Гесе Гельфман.

В это время Гесья почувствовала, что должна стать матерью. Перед ней возникла проблема: идти на казнь вместе с другими осуждёнными или спасти жизнь будущего ребенка... Особое заседания Сената постановило отложить исполнение приговора и казнить Гельфман через сорок дней после родов... В тюрьме у Геси Гельфман родилась девочка... И мать, и дочка вскоре умерли: одна – в тюрьме, а другая – в воспитательном доме.

Феликс Кандель. “Очерки времен и событий”

Гесья Гельфман

Феликс Кандель пишет: “Убийство царя называли “делом еврейских рук” и многозначительно подчёркивали, что у славянина Гриневецкого, который бросил одну из бомб и погиб при этом, был “крючковатый нос”.

Суд вынес смертный приговор главным виновникам царевубийства: А. Желябову, С.Перовской, Н.Кибальчичу, Т.Михайлову, Н.Рысакову и Гесе Гельфман.

Среди осуждённых только Гесе Гельфман была еврейкой, но больше всего писали именно о ней, чтоб было ясно: чем же может быть покушение на царя, если не делом евреев, и евреи должны быть наказаны.

Современник писал: “Наступило первое марта 1881 года с его мрачным событием. Что-то зловещее словно пронеслось над землёй. Всё притаилось и тревожно ожидало. Чувствовалось, что что-то надвигается, мрачное и тяжёлое”.

На Украине появились люди, уверяющие толпу, что сам царь разрешил бить евреев, мстя за убийство своего отца.

Погромы начались почти одновременно и шли по одному сценарию при попустительстве властей, что указывало на то, что они были заранее подготовлены.

Сначала был Елисаветград, потом Киев, Житомир, Жмеринка, Одесса, Бердичев.

Семён Дубнов писал: “Волна варварства поднялась навстречу еврейскому обществу, устремившемуся в короткую эпоху реформ к гражданскому равноправию... Еврей поднял голову - и получил первый погромный удар, за которым последуют ещё многие”.

Одно из судебных расследований констатировало: “Разыгрались те страшные дикие сцены убийств, насилия, грабежей, описания которых в газетах есть только бледная тень действительности”.

За три дня погрома в Балте было разрушено 1250 еврейских домов, убито и тяжело ранено 40 человек, многие женщины изнасилованы, некоторые от ужаса сошли с ума.

За 1881-82 годы погромы прошли в ста пятидесяти населённых пунктах западных губерний.

“Когда говорят о погромах,-писал М.Бен-Ами,- то принимают обыкновенно во внимание дни, в течение которых они происходили, считают число жертв, исчисляют количество уничтоженного и

расхищенного имущества, разорённых домов и лавок и т.д. А между тем есть нечто более страшное, что мучительнее всего, - это ожидание погрома. Этот ужас ожидания не поддаётся никакому измерению; он неизмерим... можно столько исстрадаться в ожидании погрома, что эти страдания превосходят то, что принёс бы, быть может, сам погром...”

Это мучительное предчувствие близких погромов станет понятно, если вспомним: погромы сопровождались такими зверствами, что одно только ожидание их могло лишить людей разума.

И поразительно: ни печать, ни интеллигенция, ни власти не осудили погромы.

Среди тех немногих, кто встал на защиту евреев, был М.Е.Салтыков-Щедрин. Он писал: “История никогда не начерчивала на своих страницах вопроса более тяжёлого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский... нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человеком человека...Можно ли представить себе мучительство более безумное, более бессовестное?..” “Гуманная русская литература,-говорит писатель,- которая постоянно вставала на защиту “маленького человека”, на защиту “униженных и оскорблённых”, не заметила трагедии народа, задыхавшегося в ограниченном пространстве черты оседлости. Выселения из деревень, ужасы времён кантонистов, ритуальные наветы, голод, нищета и бесправие - всё это осталось вне поля зрения русских писателей”.

Повторим это высказывание русского писателя о положении евреев в России:

**МОЖНО ЛИ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ МУЧИТЕЛЬСТВО
БОЛЕЕ БЕЗУМНОЕ, БОЛЕЕ БЕССОВЕСТНОЕ?**

Да, гуманная русская литература не видела этого мучительства. Еврей на её страницах (у того же Пушкина, как и у ряда других писателей, не говоря уже об антисемитском взгляде Гоголя или, например, о рассказе “Жид” Тургенева) изображён в духе устоявшегося отрицательного стереотипа. Откуда же будет другое отношение у читающей публики?!

Лишь редкие голоса звучали протестом против насилия над целым народом. Священник Наумович отмечал в русской газете: “Безумие, великое безумие бить и разорять евреев! Безумие и беззаконие!..Еврей

не виноват в том, что он еврей, что он грамотен, что его с детства вели к свету, а нас не вели и даже прямо держали в темноте. Он не виноват, что мы тёмные, но мы в этом виноваты!”

Справедливость, однако, требует вспомнить решительные протесты против кровавых еврейских погромов русских писателей предреволюционного поколения: Льва Толстого, Короленко, Куприна, Чехова, чьё слово выбивалось из дикого подстрекательского хора антисемитов от литературы и журналистики.

Что характерно для этого времени, антисемитизм охватывал всё большие слои населения не только в России, но и в странах Западной Европы, предвосхищая появление фашистской идеологии.

Эмиль Золя писал: “Франция, неужели это ты, захваченная в плен самой очевидной ложью, оказавшаяся на стороне толпы преступников?... Знаешь ли ты хотя бы, куда направляешься? К нетерпимости средневековья, к сжиганию евреев на городских площадях...”

Золя не мог предполагать, насколько он был близок к истине, к драме, которая разыграется несколько десятилетий спустя...

В России конец 19 - начало 20 веков –это время дикого разгула. Зверские еврейские погромы, разорение и поджоги дворянских усадеб, расправы с демонстрантами, жестокие столкновения на национальной почве на окраинах России, Ходынка, расстрел 9 января, террористические взрывы - прокатывались, как смертоносный смерч по просторам необъятной страны.

Грабежи стали будничным делом.

В то время как сотни еврейских семей, бежавших от погрома, с толпой детей, бесприютно скитались на станциях железной дороги, дрожа от страха и холода, голодные, полные тревоги,- крестьяне соседних деревень деловито, не чувствуя никакого угрызения совести, приходили в город забирать еврейское имущество, оставленное в покинутых евреями домах.

“Шли согбенные старухи, беременные женщины, молодницы, девки, дети, старики и парни,-все спешили с пустыми мешками. Если солдаты их не пускали в город, они недоумевали и даже чувствовали себя обиженными: “Вчера сами звали, а сегодня не пускают”.

Во время погрома в Нижнем Новгороде там находился Максим Горький. Вот цитата из его статьи о погроме. “Какой-то подросток

подбежал к телу, прыгнул на него, ноги погрузились в живот, как в тесто, а подросток замахал руками и упал, возбудив хохот...”

На скамье подсудимых оказалось 72 погромщика. Корреспондент одной из газет сообщал: “Поглядите на эти лица. Большинство молодёжь. Ни тени зверства, жестокости. Все самые обыкновенные типы русского среднего рабочего класса. А между тем жестокости, совершённые ими, поражают именно зверством...Что же это такое?”

Не вспоминается ли читателю, при чтении этих строчек, фильм о нацистах - “Обыкновенный фашизм”? В обыкновенности людей, причастных к зверствам, и состоит самое страшное.

На скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе тоже сидели совершенно обыкновенные, ничем не примечательные с виду люди - убийцы миллионов.

История свидетельствует: обыкновенные люди совершают убийства, обыкновенные люди сочувствуют убийцам, обыкновенные люди равнодушно проходят мимо. Даже русские революционеры видели в погромах пользу, рассматривая их как предвестников восстания. Кто-то выдумал эту красивую фразу: “еврейская кровь - это смазочное масло на колёсах русской революции”. Хорошее масло, текущее кровавыми потоками посреди растерзанных тел взрослых и детей!

Молчание русской интеллигенции повергло горячих сторонников обрусения среди евреев в шок, в растерянность. Для ассимилированного еврея это была катастрофа, разрушившая его иллюзии.

Еврейские интеллигенты, давно забывшие о своей религии, вместе со всеми скорбели в синагоге, отрекаясь от своих заблуждений и иллюзий.

Надо было искать другие пути спасения.

Началась массовая эмиграция из России. Тысячи уходили в Америку, десятки начали прокладывать путь в Палестину.

В этой обстановке прозвучал голос Льва Пинскера в его книге “Автоэмансипация”, о которой упоминалось выше. Эпиграфом автор поставил слова Гиллеля: “Если я не за себя, то кто за меня? И если не теперь, то когда же?”

Начав как ассимилятор, Лев Пинскер пришёл в сионизму. Он писал: “Евреи апеллируют к вечной справедливости. Вы поистине глупый и

презренный народ! Вы глупы, потому что беспомощно стоите и ожидаете от человеческой природы того, чего в ней никогда не было - гуманности". "Какую жалкую фигуру мы изображаем из себя!..Какая унижительная роль для народа, некогда имевшего своих Маккавеев!"

Лев Пинскер прошёл путь многих ассимиляторов. Он был учителем русского языка в еврейском училище. Будучи студентом медицинского факультета Московского университета, работал добровольцем в холерных бараках. Во время Крымской войны лечил солдат в госпитале, был награждён царским правительством. Много сил отдал борьбе за еврейское просвещение. Верил, что ассимиляция - единственный путь к решению еврейской проблемы, но понял: у евреев есть только один путь вернуть себе свободу, уважение мира, покой и счастье - стать народом на своей земле, в своём государстве.

Он писал: "Надо быть слепцом, чтобы не видеть, что евреи – "избранный народ" для всеобщей ненависти. Пусть народы расходятся в своих стремлениях и инстинктах - в своей ненависти к евреям они протягивают друг другу руки; в этом единственном пункте они все согласны". "Лишённые отечества, мы забыли о нём. Не пора ли понять, как это для нас постыдно?"

Он провозгласил: "Теперь или никогда!" - да будет нашим лозунгом... Помогите себе сами, и Бог вам поможет!"

Сионистская идея - возвращение на родину предков, вновь обрётённую вопреки всему,- нашла в России горячих приверженцев. Молодой поэт Семён Фрумкин с воодушевлением писал:

Вперёд под звуки старой песни!
Века грядущие зовут,
И громы нам кричат: Воскресни!
И бури гимны нам поют!

В предыдущих главах мы писали о первых русских переселенцах в Палестину. Дополним этот рассказ ещё несколькими примерами.

В январе 1882 года в Харькове был организован кружок, названный БИЛУ, что означало из слов, составленных на иврите: "Дом Якова, вставайте и пойдём!" От этого кружка произошло движение, приверженцев которого стали называть билуйцами.

В Палестине они работали на земле. Очень нелегко пришлось первым билуйцам. Несколько человек вернулись в Россию. Трое

перебрались в Иерусалим. Оставшиеся собрались вместе, не зная, что делать дальше. И тогда один из них сказал: “Нам предлагают разъехаться. Но вопрос идёт не о нас лично, а о великом деле возрождения, которое мы собой олицетворяем”. И они остались.

Феликс Кандель рассказывает: “30 июля 1882 года пять человек пришли на необитаемое и безводное место и поставили палатку на песчаных дюнах. Самый старший из них прочитал молитву, а остальные слушали его и плакали от волнения. Так появилось поселение Ришон ле-Цион, что в переводе означает “Первый в Сионе”. Среди первых поселенцев оказался и Лейб Ханкин, торговец лесом и зерном с Украины. Это был человек энергичный, независимый, и на новом месте он построил самый первый дом, первым пошёл пахать, первым снял урожай с виноградника... Более того, он запряг в телегу верблюда - неслыханное новшество в тех краях! - и издалека возил бочки с водой.

У поселенцев посёлка были постоянные столкновения с арабами. Очевидец вспоминал: “Глядя на колонистов во время их стычек с арабами, я думал: “Неужели это те самые евреи, которые на родине безропотно переносили всякие оскорбления и унижения? Короткое время свободы и равноправия уже посеяли в них смелость, мужество, самоуверенность!”...

Вступление на престол Николая Второго не принесло облегчения евреям. Разделяя антиеврейские настроения, Николай даже ассигновал крупную сумму денег из личной кассы на издание антисемитской литературы.

Почти безостановочно происходили переселения, которые несли евреям ещё большее обнищание, потерю даже тех скудных средств, которые они имели. Сокращалась черта оседлости, а это означало ещё большую скученность населения, которое задыхалось в тесноте и антисанитарии.

Для еврейских детей существовала процентная норма при поступлении в средние и высшие учебные заведения.

Для того чтобы попасть в число учащихся университета, еврей-выпускник гимназии должен был окончить учёбу с Золотой медалью.

“Я не еврей, чтобы хорошо учиться”, - отвечал в анекдоте христианский мальчик отцу на его упрёки.

Полное бесправие, бедность, репрессии толкали еврейскую молодёжь в революцию. Председатель Совета министров Витте

признавал, что политика властей “способствовала крайнему революционизированию еврейских масс, в особенности молодёжи... Конечно, не все евреи сделались революционерами, но, несомненно, что ни одна национальность не дала России такого процента революционеров, как еврейская”.

Сколько отчаяния в стихах еврейского поэта Х.Бялика:

Но боюсь до крика, до безумной боли-
Жизни без надежды, без огня, без доли,
Жизни без надежды, затхлой, топкой, грязной,
Мертвенно-свинцовой, жалко-безобразной-
Жизни пса, что рвётся на цепи, голодный,-
О, проклятье жизни, жизни безысходной!

Желание уйти от жалкой безысходности нищих лачуг оседлости звало еврейских юношей и девушек на борьбу за жизнь, достойную человека.

Во главе Боевой организации эсеров стоял еврей Гершуни, которого характеризовали как “человека большой воли и несокрушимой энергии”, который “своей собственной волей, всей сосредоточенной страстью своей натуры разжигал во встречных жажду борьбы, пафос самопожертвования”.

Революционное движение ширилось по всей стране. И в противовес ему правительство использует антисемитизм, ибо по его мнению это укрепляет верноподданические чувства российского населения.

Начинается полоса кровавых наветов, и в это же время реакционная печать подстрекает к погромам.

Результатом неистовой антисемитской пропаганды явился ужасающий кишинёвский погром 1903-го года.

По официальным данным было убито 50 человек, изувечено 500, разрушены и разграблены сотни домов.

Озверевшие толпы перешли все мыслимые границы жестокости.

Это из воспоминаний современников.

“Завидев издали сидящего в вагоне еврея, толпа кричала пассажирам: “Бросьте нам жида!” И жид выбрасывался на растерзание толпы”. “Одному столяру отпилили руку его же пилой. Одному еврею распороли живот, вынули внутренности и набили живот пухом из

перин”. “Суре Фонаржи вбили два гвоздя в ноздри, которые прошли через голову; Харитонову отрезали губы, потом вырвали щипцами язык вместе с гортанью; на углу Свечной и Гостиной улиц беременную женщину посадили на стул и били по животу; на Кировской улице бросали из окна второго этажа на мостовую маленьких детей,...найдена разорванная надвое маленькая девочка”. “Лица убитых до такой степени обезображены, что родственники узнавали их только по платью”.

И это лишь некоторые свидетельства бойни.

Что ж после этого удивляться жестокости, которую проявили во время гражданской войны и “красные”, и “белые”? Жестокости по отношению к тому же царю и его семье. Ведь это политика самодержавия, которая развязывала самые низменные инстинкты толпы и отдельного человека, дала такие ужасающие всходы.

Новый губернатор Кишинёва, назначенный после погрома, писал, что “одна рота могла остановить и потушить погромный пожар...Весь кишинёвский гарнизон своим бездействием подтверждал справедливость слухов о разрешённом царём трёхдневном грабеже”.

Печать всего мира писала о чудовищных зверствах в Кишинёве, и в то же время, по словам одной из русских газет, “ни один город, ни одно земство не откликнулись на ужасы Кишинёва”.

В первые же часы дикого разгула полиция Кишинёва арестовала отряды самообороны, не давая таким образом евреям даже защищаться.

Кишинёв стал уроком для евреев. В Гомеле навстречу погромщикам вышел отряд самообороны в несколько сот человек, который запасся револьверами, ножами, палками. Вооруженной до зубов полиции в конце концов удалось его разогнать, но погромщики поняли, что евреи могут сопротивляться.

В.Жаботинский писал: “Еврейская улица до Кишинёва и после Кишинёва - далеко не одно и то же. Позор Кишинёва был последним позором...Потом был Гомель. Скорбь еврейская повторилась - но срам не повторился”.

Жаботинский был прав. Вскоре отряды самообороны уже существовали во всех городах и местечках черты оседлости.

В Одессе накануне христианской пасхи, когда чёрные силы особенно распоясывались, была распространена прокламация “К

русским людям”: “...Проведите вашу пасху чинно и мирно, как подобает верующим людям. Иначе вы превратите свой собственный праздник в страшную резню, в которой много погибнет и ваших”.

Эта прокламация была обращена к потенциальным погромщикам, а евреев отряд самообороны призывал: “Каждый из вас должен вооружиться... За оружие, братья!

За народную честь, за жизнь жён и детей!”

Таким образом евреи готовились оказать сопротивление новым погромам, но свой урок извлекли и погромщики. Когда в апреле 1905 года началась новая волна погромов, против отрядов самообороны вышла уже не пьяная бешеная толпа, а конные солдаты, которые не жалели для мужественных самооборонцев ни нагаек, ни пуль. Солдаты сами превращались в погромщиков, убивая и грабя. Кровавые бесчинства вызвали страх и у русских людей, которые попадали под руку антисемитским бандитам

Нет, не верноподданические чувства вызывали погромы, а безудержный произвол. Не верноподданические чувства они воспитывали, а дикость и жестокость, падение нравов среди всего населения России.

Наконец, напуганный ростом революционного движения и хаосом в стране, царь издал манифест, который устанавливал всеобщие выборы в законодательные органы власти. Но страна не успокоилась. Против рабочих демонстраций вышли “чёрные сотни” и казаки с нагайками. Войска без предупреждения стреляли в безоружную толпу.

“Место, где народ встретил манифест о даровании свободы,- писала газета в Минске,-было покрыто грудami тел и лужами крови”.

Впоследствии в подвалах департамента полиции были обнаружены тысячи погромных прокламаций, которые напечатала сама полиция, но не успела распространить.

С.Витте указывал, что погромы направлялись властной рукой, “чтоб не дать осуществиться обещаниям манифеста”. “Властная рука” вымещала Манифест на евреях, которые должны были за него “поплатиться”.

В Одессе против отрядов самообороны была выставлена артиллерия и градоначальник заявил: “Вы хотели свободу-вот вам жидовская свобода”. Так что чёрные силы были развязаны. Из Одессы сообщали: “Зверства разъярённой толпы неописуемы. Грудных детей

разрывали на части. В еврейской больнице лежат раненые с отрезанными частями тела”.

В октябре 1905 года в стране прошло около 700 еврейских погромов. Заодно с евреями избивали студентов и интеллигентов. За эти дни по официальным данным было убито восемьсот евреев, в одной Одессе - 400...

Ещё до начала первого мирового кровавого пожара германский император Вильгельм говорил о неизбежности войны между двумя расами: романо-славянской и германской.

Таким образом, Германия считала своими врагами романские и славянские народы.

Народам Прибалтики отводилась роль, если не врагов, то зависимых от Германии вассалов, которые предназначены для того, чтобы выполнять волю избранной расы.

Это последнее замечание - для латышей, пытающихся оправдать свою службу в фашистской армии стремлением к свободе от оккупантов советской России, хотя именно от этих оккупантов они и получили свою свободу. Эти псевдо-патриоты Латвии забывают, сколько крови ещё в период первой мировой войны пролили латыши в вооруженном противостоянии с Германией. Тогда было положено столько латышских парней, что и теперь ещё это сказывается на демографии Латвии.

Возвращаясь к теме нашего разговора, скажем, что вклад евреев в войну, которую вело русское самодержавие, был велик не соизмеримо с их количеством среди других народов России.

Почти полмиллиона евреев было призвано в русскую армию. Это выше процента евреев по отношению ко всему населению России, так же, как и число убитых и раненых.

Газеты систематически печатали сообщения с фронта о подвигах и награждениях евреев - солдат и армейских врачей.

Всего в армиях воюющих государств сражалось полтора миллиона евреев, сто восемьдесят тысяч из них погибло. Русских евреев на фронте было убито около ста тысяч.

Были рассказы о встрече в бою лицом к лицу двух еврейских солдат, русского и западного, что воспринималось евреями, как трагедия.

В то же время сотни тысяч евреев были выселены из прифронтовой полосы. Их выгоняли из домов в любую погоду, под проливным дождём и в снег, раздетых, голодных, грузили, как скот, в товарные вагоны и в невообразимых условиях возили с места на место, потому что их негде было принять, даже начальство не всегда знало, куда их везти.

“Я видел среди выселенных раненых солдат с Георгиевскими крестами”,-говорил в Думе депутат.

Рассказывали, как известный еврейский писатель И.Перец, тяжело больной, выглянул в окно и увидел изгнанных евреев, бредущих по улице, с детьми, узлами и пожитками. “Опять еврейские подушки!”- простонал он. Это были его последние слова.

“Лучше бы умерли дома”,- говорили эти люди.

Очевидец писал: “...в гряде тряпья много детей. Высовываются исхудавшие, посинелые руки...Плач детей, протяжный, беспомощный плач доносится из всех вагонов. Кажется, весь длинный безглазый поезд содрогается от детского плача, от надрывающего душу стоны”. Как похоже это на картину изгнания евреев из средневековой Испании, о которой говорилось выше! Поистине в бесчестной, бесчеловечной ненависти к евреям мир един, несмотря на все свои разногласия. Что же можно ждать от такого мира, избравшего козла отпущения в лице целого народа?!..

В ответ на просьбу евреев разрешить селиться во внутренних губерниях глава российского правительства Горемыкин издевательски ответил: “Откуда у вас, евреев, берётся такой оптимизм? Неужели вы думаете, что теперь вам всё позволено?”

Умирать за Россию евреям было позволено, всё остальное оставалось попрежнему. Ни на что иное они не имели права претендовать.

Семён Дубнов записывал в своём дневнике по поводу заявления Горемыкина: “Так с нами говорят в дни, когда тысячи наших братьев лежат на полях Польши, Волыни, Подоли, сражённые в борьбе за Россию”. “Кошмар усиливается. Творится бездушное и преступное. Хочется крикнуть от боли на весь мир. Мой народ истекает кровью, поработанный вчера, истребляемый сегодня, угрожаемый завтра”.

Но этого мало. Несмотря на явный пророссийский настрой евреев, их всё чаще обвиняют в шпионаже в пользу врагов. Ходят самые разные

нелепые слухи о якобы подрывной деятельности евреев, чему были даже “свидетели”, которые “собственными глазами видели, как из Германии прилетели на цеппелине евреи в лапсердаках, собиравшие для немцев деньги и прячущие под бородами телефонные аппараты для сношения с неприятелем”.

Знание евреями идиша и способность общаться с немцами без переводчика также вызывали недоверие.

“Ненависть, страх и презрение клопочут кругом,-писал из Польши в еврейскую газету солдат-еврей.-Мне здесь в тылу и на позиции пришлось столкнуться с такой силой ненависти, что побороть её было выше моих сил.Я согнулся под тяжестью этой ненависти, и если останусь жив, не выпрямиться мне более”.

Во время отступления русских войск из Польши, когда под страхом смертной казни изгонялись десятки тысяч людей, были уничтожены гнёзда еврейской жизни, с их многовековым укладом. Артиллерия разрушала их до основания.

Зачем? Кажется, вопреки всякому здравому смыслу.

Современник писал: “Умер еврейский городок. Жили люди. Был городок. И нет его больше. Война поглотила его. Был городок, и нет его”.

Даже на секретных заседаниях Совета министров говорили о “недопустимых ни в одном цивилизованном государстве насилиях и надругательствах над евреями”.

Крах в стране нарастал.

2 марта 1917 года Николай подписал манифест об отречении от престола.

“Кругом измена, трусость и обман”,- записал он в своём дневнике, не чувствуя за собой вины за развал России.

Не так давно на предложение отменить антиеврейские законы он ответил, что отменил бы их, но интуиция подсказывает ему, что этого не следует делать.

Подсказывала ли ему его интуиция печальное грядущее России, которая будет ввергнута в братоубийственную гражданскую войну, подсказывала ли будущую страшную трагедию всей его семьи?

Не последнюю роль в развале России сыграла её

националистическая политика, которая была пагубна не только для евреев, но и для православного населения, в душах которого были посеяны разрушительные семена ненависти.

30 марта 1917 года Временное правительство приняло постановление об отмене вероисповедальных и национальных ограничений. Однако плоды чёрной антисемитской ненависти ещё долго будут отзываться кровавыми сполохами на российском небосклоне. Их зловеший отблеск нет-нет да мелькает ещё и теперь...

Летом 17-го года С.Дубнов предсказывал: “Кровавый потоп войны перевалит за третью годовщину. Нынешний полуголод превратится в полный голод. Когда война продлится и голод усилится, пойдёт сплошное озверение, всеобщая резня под флагом “классовой борьбы” и “истребления буржуев”. “Посреди этого потопа зверств в России позорно кончится бессмысленная бойня народов”.

25 октября (7 ноября) 1917 года большевики свергли временное правительство и захватили власть в Петрограде.

Почти все еврейские партии и группы осудили захват власти большевиками. Среди юнкеров, защитников Зимнего, было немало евреев. Много евреев погибло при защите от большевиков Владимирского училища и телефонной станции. Однако в революционном перевороте стали обвинять евреев, поскольку среди руководителей петроградских большевиков было много евреев, которые, впрочем, давно уже порвали с традициями, религией и культурой еврейского народа.

“Среди видных большевиков были русские-Ленин, Бухарин, Луначарский, поляк-Дзержинский, латыш-Лацис, но говорили не о них, а о евреях Троцком, Зиновьеве, Свердлове. Им не прощали развязанный большевиками террор, в то время как их товарищей, латышей, грузин, армян, поляков, словно и не замечали”, - читаем мы в книге “Очерки времён и событий”.

Никто не хотел знать, что немало евреев было среди врагов большевиков, среди эсеров, меньшевиков, кадетов. Черносотенная пропаганда убеждала: во всех бедах виноваты евреи.

Правы были умные евреи, когда писали, что за кресло военного министра для Троцкого русское еврейство дорого заплатит.

На Украине, где власти постоянно менялись, приход каждого нового правителя, большого и малого, в том числе и большевиков, сопровождался дикими, зверскими погромами. То же было в Бессарабии, Белоруссии, даже в Туркестане, в Бухаре. По словам одной из газет, это “грозные залежи жестокой юдофобии выбрасывают кровавые фонтаны погромной энергии”.

Гигантским полем боя в 1919 году стала Украина.

На этом грозном, диком бранном поле одновременно воевали войска независимой Украины, полки Красной Армии, банды атаманов, махновцы, армия Деникина.

Царил невообразимый хаос и разруха, которые порождали садистскую жажду крови и мучительства.

В феврале 1919 года в подольском городе Проскурове по приказу командира регулярной украинской армии солдаты ходили из одного еврейского дома в другой и за несколько часов вырезали 1650 человек, вплоть до грудных младенцев, а затем, словно выполнив важное боевое задание, построились и с песнями вернулись в свой лагерь.

На другой день в соседнем местечке ими же было убито 485 евреев и ранено 180.

Отряды еврейской самообороны, где только можно было, противостояли бандитским налётам. “Про голованевскую молодёжь рассказывали чудеса, - свидетельствовал очевидец. - О её героизме и храбрости слагались легенды во всех городах и местечках Киевщины и Подолии”.

Но самооборонцы не могла противостоять пулемётам и артиллерии, да и численно уступали регулярным войскам и бандам.

Всего по данным международного Красного Креста на Украине с декабря 1918 года по август 1919 года, то есть за 8 месяцев, погибло около 50 тысяч евреев.

Погромы, чинимые отрядами добровольческой армии Деникина, сопровождалась невообразимой жестокостью.

Вспарывали животы, отрубали руки, носы и уши, штыками выкалывали глаза, отрезали груди у женщин и половые органы у мужчин, рубили саблями взрослых и детей, приговаривая: “Это вам за Троцкого! Это вам за Свердлова!”.

Философ Н.Бердяев писал, что хозяин дома, в котором он жил, говорил ему: “Вы не будете отвечать за то, что Ленин русский, я же буду отвечать за то, что Троцкий еврей”.

Страшная, горькая правда этих слов тысячекратно была подтверждена жизнью.

Деникин вынужден был признать: “Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилием”.

Газеты писали: “Была пьяная и кровавая оргия озверелых людей, которые никак не могли напиться досыта еврейской крови”. “Нищие, искалеченные, оставшиеся в живых завидуют мёртвым”.

Феликс Кандель цитирует книгу “Летопись мёртвого города”. “Обезглавили беременную женщину Эстер Динштейн. Посреди улицы в пыли и мусоре валялась её черноволосая голова с маленькими гребёнками в причёске, а рядом лежал младенец, вынутый из её распоротого чрева; бандиты перебрасывались им как мячиком”.

Ещё одно из свидетельств (из книги священника С.Гусева-Оренбургского): “Погребальщики собрали трупы - двадцать пять женщин, девушек и замужних, в полном смысле разорванных на части”. Горький, ознакомившись с книгой, сказал: “Её следовало бы озаглавить так: “Деяния обезумевших скотов”.

Наверно, нет предела человеческой низости и жестокости. И ничего не меняется в этом “лучшем из миров”.

Сравнивая то, что пережили в те страшные годы евреи Украины, со зверствами казаков Богдана Хмельницкого, рабби Натан из Заславля с горечью замечал, что “через много поколений, 271 год спустя, после целых эпох человеческого прогресса, высших научных истин и социальных идей, поразительных открытий и изобретений пишется всё та же летопись страданий еврейского народа, несчастий, ужасов, зверств и насилий, которую причинили евреям кровавые потомки великого Хмельницкого”...

Бегство евреев из России началось в конце 19 века.

Ехали, очертя голову, не зная куда, потому что нигде их не ждали.

М.Бен-Али писал: “Я посмотрел на уезжавших, когда они входили в вагон. Если бы умершие сами шли ложиться в могилу, у них выражение не могло бы быть иным. Эх, народ бесприютный, народ бездомный!”

Уезжали наиболее энергичные, предприимчивые, которые составляли трудовой фонд России. Это понимал министр внутренних дел России.

Если его предшественник бездумно поощрял еврейскую эмиграцию, то сменивший его Д.Толстой был её решительным противником. В то же время Александр Третий, говоря о бегстве евреев из России, вздыхал с облегчением.

В это же время в Лондоне, куда некоторым из них удалось добраться, говорили о приезжих евреях: “Работают они с замечательной энергией и упорством.

Бог знает, чем они живут, каждую копейку берегут пуще ока. Так жить и так работать могут, кажется, только русские евреи”.

Эмиграция евреев из России в первые десятилетия 20 века достигла трёх миллионов человек.

Евреи уезжали не только в Европу и Америку, но и в Палестину.

Палестина ждала идеалистов, преданных одной идее, и идеалисты устремлялись сюда.

Турецкие власти закрыли страну лишь для российских подданных, но беженцы из России искали обходные пути. И всё-таки заселение Палестины шло медленно.

И тогда явился Теодор Герцль.

Российские участники первого сионистского конгресса, который собрался в Базеле в 1897 году, говорили: “Герцль-самое глубокое переживание всей нашей жизни!”

Какое же надо было испытывать воодушевление, веру, чтоб так сказать?! И надо было быть евреем, чтобы это почувствовать.

“Конгресс стал для нас сплошным, радостным и бурным переживанием, - рассказывали российские евреи. - Ночами мы не могли спать от возбуждения и обилия впечатлений”.

Но и для Герцля, встреча с евреями из России была волнующим событием. По его словам, “российское еврейство явило такую культурную мощь, какой мы не могли вообразить... Глядя на них, начинаешь понимать, что давало силу нашим предкам выстоять в самые тяжёлые времена... Раньше мне часто говорили: “К этому делу тебе удастся привлечь только русских евреев”. Если бы мне это повторили сегодня, у меня был бы готов ответ: “Только?! Мне этого вполне достаточно!”

Познакомившись с работой Льва Пинскера “Автоэмансипация”, Теодор Герцль заметил, что если б он знал о ней раньше, скорее всего он не сел бы за свою книгу “Еврейское государство”.

Так что совсем не случайно, что руководители еврейского народа на его пути к национальному очагу: Жаботинский, Вейцман, Бегин, Бен-Гурион, как и многие, многие другие,- были выходцами именно из России...

Чем характерен советский период в истории России для евреев?

Несмотря на трагедии и трудности, порождённые гражданской войной, несмотря на ущемление прав евреев после ликвидации НЭПа, 20-ые годы были временем культурного расцвета евреев советской России.

Появилась целая группа выдающихся писателей, которые писали на идиш: Ицик Фефер, Давид Бергельсон, Перец Маркиш, Лев Квитко и др. Возник Московский еврейский театр под руководством С. Михоэлса. Стали выходить еврейские журналы и газеты.

Ещё более активной была культурная и научная деятельность евреев в 30-ые годы, когда в русскую литературу влилась большая плеяда писателей и поэтов -евреев.

Это время отмечено деятельностью блестящих еврейских музыкантов.

Огромный вклад внесли в науку евреи-учёные.

А в области материального производства? Среди русского населения существовало мнение, что на фабрике, в шахте не встретишь еврея. Так вот. По данным переписи 1939 года среди еврейских рабочих было 50% квалифицированных кадров, 40 процентов полуквалифицированных и только 10% неквалифицированных работников.

Хотя евреи составляли меньше 2% всего населения страны, число евреев среди студентов составляло 14%. Десятки тысяч евреев стали инженерами, врачами, педагогами.

Всё это происходило на фоне террора и беззакония сталинских репрессий.

В 1934-38 годах многие евреи коммунисты были расстреляны и сосланы в лагеря. Весь высший партийный аппарат Министерства иностранных дел, ряда государственных, административных секторов был “очищен” от евреев...

Антисемитизм стал государственной политикой Советского Союза.

После заключения Пакта Молотова-Рибентропа нельзя было даже упоминать о преследованиях евреев нацистами. А в послевоенные десятилетия и коммунистические режимы использовали такое реакционное оружие, как антисемитизм.

Прошли процессы в народно-демократических Польше и Чехословакии, в результате которых были расстреляны евреи - коммунистические руководители этих стран, ложно обвинённые в шпионаже в пользу империалистических держав.

В 1948 году начался антисемитский поход против “космополитов”.

“Чёрные годы” советских евреев отмечены рядом антиеврейских актов, среди которых и так называемое “дело врачей”. Оно кончилось со смертью Сталина, но антисемитская политика советского правительства продолжалась, когда всеми способами предавали забвению огромное участие евреев в борьбе с царизмом и в гражданской войне, замалчивались героизм и заслуги евреев в годы Великой Отечественной войны, скрывались сведения о награждённых за героизм евреях, о евреях-Героях Советского Союза, хотя и в годы войны присвоение почётных званий еврею было затруднено его национальной принадлежностью.

В послесталинские десятилетия фабриковались и смаковались процессы о евреях- “экономических преступниках”, негласно были введены ограничения для евреев при поступлении на работу и процентная норма для поступающих в вузы.

Антисемитская травля евреев в Советском Союзе порой доходила до такой степени, что вызывала критику даже в компартиях капиталистических стран...

И все таки, несмотря ни на что...

В книге белорусских авторов “Евреи. Страницы истории” мы читаем: “Этот народ, веками подвергавшийся репрессиям и гонениям, через все испытания и невзгоды пронёс самобытную веру, язык, культуру, традиции и, даже будучи рассеян по всему миру, сумел возродить своё государство и занять достойное место среди народов мира”.

Двумя итоговыми главами – о борьбе евреев, наперекор всему, за создание своего национального очага и о воссоздании ими своего государства – будет заключён наш рассказ о жизни, страданиях и неистребимой нравственной силе и стойкости еврейского народа.

НАПЕРЕКОР ВСЕМУ

Боясь утратить своё влияние на арабские государства, контролирующие нефтяные районы, Великобритания беззастенчиво отреклась от всех своих обязательств перед евреями.

Английская “Белая книга”, написанная комиссией, которая изучала положение в Палестине, ставила решение еврейского вопроса в полную зависимость от арабов и фактически делала невозможным создание еврейского государства.

В августе 1939 года собрался 21-ый Сионистский конгресс, на котором Бен-Гурион потребовал прекратить сотрудничество с английским правительством и стать на путь активного противостояния. Но 3 сентября Англия объявила войну Германии, и евреи становятся её союзником.

Бен-Гурион сказал: “Мы должны сражаться с Гитлером так, как будто “Белой книги” не существует, и бороться против “Белой книги”, как будто не существует Гитлера”.

Двойственную политику в отношении евреев проводила и Англия. Она была заинтересована в участии еврейских вооружённых отрядов в борьбе против нацистов на Ближнем Востоке, но не желала отказаться от пособничества арабам за счёт евреев.

В армиях стран антигитлеровской коалиции сражались сотни тысяч евреев, многие из них отличились незаурядной доблестью, много евреев было на командных постах этих армий, но союзники старались обойти этот факт молчанием, чтоб “не дать пищу антиеврейским настроениям”.

Еврейские лидеры с самого начала войны предложили Британии создать еврейские воинские части в составе английской армии. У Англии тогда ещё не было недостатка в людях, поэтому британское правительство и генеральный штаб отклонили это предложение со своей вечной оглядкой на арабов: мол арабы поднимут восстание, и для его подавления потребуется больше сил, чем те, которые принесёт вклад евреев. Так что лучше не надо. Обойдёмся без евреев. В смешанные еврейско-арабские сапёрные батальоны, -пожалуйса, в них можно принять евреев.

Было ясно, что смешанные батальоны помогали затушевывать участие евреев в войне.

В 1940 году к власти пришло правительство Черчилля, который и раньше поддерживал стремление евреев иметь свои соединения в рамках английской армии. “Почему бы не позволить этому народу мученику,- говорил он,- сражаться под собственным флагом?”

Хотя евреев-добровольцев всегда оказывалось несравненно больше, чем арабов, было создано две бригады: арабская и еврейская. Это называлось – “соблюдать принцип равновесия”.

Вообще отношение англичан к евреям постоянно менялось, в зависимости от того, насколько евреи были им нужны.

Когда гитлеровская армия на Востоке под командованием Роммеля наступает, англичане принимают в свои части 3000 еврейских мужчин и женщин, забыв о “принципе равновесия”, позволяют создать ударные отряды в рамках Хаганы (еврейская самооборона), формируют особые военные группы, предназначенные для обороны страны в случае вторжения противника.

Еврейские вооружённые группы выполняют целый ряд опасных заданий английского командования. При этом одна из групп, состоявшая из 23 бойцов, полностью погибла.

И вторично, когда над Палестиной снова нависла опасность немецкого вторжения, 5 тысяч еврейских добровольцев было принято в английскую армию, в то время как ещё тысячи евреев проходили подготовку в специальных воинских лагерях.

Еврейское население Палестины было настроено на решительное сопротивление нацистам, готовилось к отчаянной смертельной схватке. Поэтому недостатка в добровольцах у англичан не было.

В сентябре 1944 года британское правительство Черчилля создаёт особую еврейскую пехотную бригаду, насчитывающую 25 тысяч человек. В английской армии она выделялась особенно высоким уровнем военной подготовки. Впоследствии она стала важным фактором укрепления обороноспособности Израиля. Бригада имела свои знаки различия и сражалась под своим знаменем.

На долю этой бригады выпало сражаться с нацистскими войсками в последний период войны, когда фашистский зверь, предчувствуя близость своей гибели, сопротивлялся особенно ожесточённо.

Сражаясь в Европе, воины бригады не упускали случая, где это было возможно, оказать помощь оставшимся в живых евреям.

Много евреев скрывалось в горах и монастырях Северной Италии. Бойцы в форме еврейских вооружённых сил помогали им в организации жизни, в заботах о больных и раненых. Слухи о бригаде проникли в другие страны Европы. К ним стали обращаться за помощью, за советом. Это явилось одной из причин роспуска бригады англичанами.

А из Европы доходило всё больше сведений о зверствах нацистов, и сионистское руководство всё настойчивее искало способы помочь еврейским братьям.

Казалось, что таким способом может стать засылка в немецкий тыл парашютистов, которые, при поддержке местного населения развернут борьбу с фашистами. План утопический, но евреи готовы были идти на любой риск, если он хоть в какой-то мере мог быть оправдан.

Они предложили англичанам создать отряд из 100 парашютистов, которые высадятся в разных странах Европы.

Британское руководство согласилось на небольшой отряд из 32 человек.

Он стал легендарным, вошёл в историю борьбы евреев с фашизмом, как одна из самых памятных её страниц. Бойца этого отряда Хану Сенеш чтут в Израиле, как героя, как пример несгибаемого мужества и воли.

В конце 1943 года 32 еврейских парашютиста приземлились в семи европейских странах, захваченных фашистами. Не всем удалось выполнить задание. 12 человек попало в плен. Семеро были казнены, в том числе Хана Сенеш, Хавива Рейх, Энцо Сорени. Но некоторые из бойцов отряда сумели передать английскому командованию важные разведывательные сведения и оказать моральную поддержку уцелевшим евреям.

*Хана Сенеш – поэтесса,
крестьянка, боец*

Хана прибыла в Палестину в 1939 году из Венгрии, где она жила вполне благополучно. Мать в слезах проводила её в далёкий неведомый путь. Из Палестины Хана писала: "...работать приходится очень много, работа тяжёлая, я не очень привыкла к такой жизни, но все равно я счастлива".

Весёлая, озорная, Хана везде становится душой компании. У неё много друзей. Она пишет стихи.

Стоя у древних развалин,
Прошепчем несколько слов:
-Мы вернулись. Мы здесь.
И камни немые ответят:
- Две тысячи лет мы вас ждём.

Впоследствии о ней вспоминают с теплотой, с любовью, с восхищением. Как пела она всю дорогу, узнав о близком начале операции. Как несколько часов подряд плясала на празднике в югославском партизанском лагере, как умела шуткой ободрить товарищей в трудную минуту.

У неё всегда было чувство своей предназначенности для большого дела. В своём дневнике она записывает: "Иногда я чувствую себя эмиссаром, перед которым поставлена цель". "Чувствую, что я в долгу перед другими людьми, что у меня есть обязанности по отношению к ним".

Готовясь к засылке в немецкий тыл, она пишет "Мне хорошо известно, какие трудности меня ждут. Я считаю это делом чести и в то же время своим долгом. Я ничего не боюсь, уверена в себе, и готова ко всему".

Реувен Дафни, которого отправили в немецкий тыл вместе с Ханой, не мог забыть слова, сказанные ему одним из его боевых товарищей о Хане: "Она необыкновенный человек". А немец-охранник в тюрьме, где в заключении находилась Хана, как-то заметил: "Я не видел более отважной женщины".

Хана была схвачена с двумя своими товарищами венгерскими полицейскими после перехода венгерской границы.

Один из её товарищей, не желая попасть живым в руки полицеев, выстрелил себе в грудь. У другого в кармане нашли неосторожно оставленные наушники. Немцы принялись искать спрятанный Ханой и её товарищами радиопередатчик и нашли его. Началось дознание.

Мать Ханы Катерина, которую привели в тюрьму для свидания с дочерью, не узнала её, так Хана изменилась после пыток.

Немцы требовали от неё радиокод, но Хана, несмотря на мучения, продолжала утверждать, что она его не знает. Тогда немцы пошли на хитрость. На одном из допросов они сказали, что им всё известно от её товарища. “Это неправда!-воскликнула Хана.- Он не виноват. Это мой радиопередатчик!” Больше ничего от неё не услышали.

Хану переводили из одной тюрьмы в другую. И везде она умела находить язык с другими заключёнными. Ободряла их, помогала как могла, делилась последним куском.

К концу 1944 года порядки в тюрьме несколько смягчились, говорили о близком конце Германии. Даже тюремщики позволяли себе некоторые вольности. Хана бесстрашно спорила с ними. Начальник тюрьмы, известный своей жестокостью, заходил в камеру Ханы, чтобы поговорить с ней, следователь просил её рассказать о Палестине. Но немцы были ещё сильны. В угоду им Хана была приговорена к смертной казни.

“Вы можете просить о помиловании”,- сказал ей прокурор.

“Ждать милости от вас?- ответила девушка.- По-вашему я стану унижаться перед убийцами и палачами?!”

“Боритесь до конца, пока не наступит день свободы нашего народа”,- писала она товарищам на волю. Её письмо не дошло, как и письмо к матери. Эти строчки запомнил адвокат, который читал письмо. Мать получила последний привет Ханы, когда в кармане её платья, переданного ей, нашла отрывок письма. Это была благодарность любящей дочери, обращённая к матери, которая всегда понимала её.

Во время расстрела Хана не разрешила завязать ей глаза. Она смотрела, не дрогнув, в лицо своей смерти.

У неё есть строки: “Благословенна будет та свеча,
Что в пламени рождающемся тает”.

Хана словно писала это о себе. Она погибла в пламени борьбы за свободу своей родины.

Выше был начат разговор о марках с изображением юных героев, погибших, как и Хана, за обретение свободной, независимой родины. Продолжим этот рассказ.

Вторая мировая война преподнесла евреям горький урок: им не на кого рассчитывать. Только своё государство, только свои вооружённые силы могут стать им защитой. По словам Жаботинского, их оградит только “железная стена штыков”.

Еврейские военные организации в Палестине: Хагана, Эцель, Лехи энергично закупают оружие, боеприпасы, приступают к их подпольному производству. Они совершенствуют подготовку своих бойцов, мобилизуют добровольцев.

В то же время англичане усиливают против них репрессии. Фронт отодвигается, нацисты больше им не угрожают, и английская администрация конфискует оружие у евреев, производит обыски, аресты, предаёт суду и казнит за хранение оружия.

Это ещё больше убеждает евреев, что наличие собственных вооружённых сил для них жизненно необходимо.

В январе 1944 года Эцель провозглашает “восстание против британского владычества” и призывает к борьбе против “британских оккупантов”.

Англичане развязывают террор против населения, Эцель и Лехи начинают отвечать на него своим террором.

Гнев и возмущение ишува (еврейского населения Палестины) вызывают действия англичан, которые стремятся всеми средствами помешать еврейской иммиграции в Палестину. Меры англичан кощунственны, античеловечны, нельзя найти достаточно сильных определений, чтобы заклеймить английских оккупантов, которым была дана власть, чтобы способствовать организации еврейского национального очага, а они безжалостно, коварно используют её против евреев.

Когда жалкие, утлые судёнышки, наполненные евреями, спасшимися от нацистов, приближаются в берегам Палестины, их встречают здесь английские кордоны, преграждающие путь несчастным, для которых англичане уготовили свои закрытые концлагеря или гибель в открытом море..

В декабре 1941 года судно “Струма” с румынскими беженцами на борту 10 недель стояло у берегов Босфора, ожидая разрешения турецких властей, выполняющих волю англичан, пропустить их в Палестину. Разрешение так и не было дано. Отогнанное турками от берега, оно пошло ко дну, увлекая в бездну 770 пассажиров, среди которых было 70 детей. Спасся только один человек.

Эти люди избежали нацистских газовых камер, но были погублены расчетливой жестокостью англичан.

Похожая судьба постигла Судно “Патрия”, на борту которого находилось 1700 человек. Оно затонуло в бухте Хайфы. Погибло 250 пассажиров. Его взорвали сами беженцы, узнав, что по распоряжению английских властей готовится их отправка от берегов Палестины обратно в море.

Свыше 1500 пассажиров, прибывших на пароходе “Атлантик”, были направлены английскими властями в лагерь на острове Маврикия.

На такие бесчеловечные акты евреи начали отвечать террором, ибо других способов воздействовать на британцев у них не было.

Вот ещё два имени еврейских мстителей, из тех десяти, что “взошли на эшафот”.

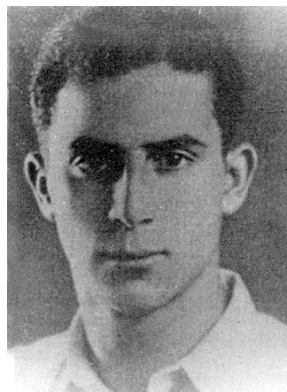
Элиягу Бейт-Цури и Элиягу Хаким.

5 сентября 1944 года эти двое юношей, члены организации Лехи, убили в Каире британского статс-секретаря на Ближнем Востоке лорда Мойна.

Это вызывает взрыв гнева в Англии, следует резкая реакция со стороны самого Черчилля, чьим другом был убитый. Евреи тоже осуждают виновников убийства. Однако по мере судебного разбирательства, симпатии постепенно начинают склоняться на сторону подсудимых.

Английская печать стремится представить юношей бандитами, искажая их лица на фотографиях, придавая им грубые черты, на самом деле их облик, умные приятные лица, интеллигентность вызывают сочувствие и симпатию.

“Элиягу Хакиму нельзя дать больше 18 лет. Высокий, худой, смуглый, с печальным лицом и пронизательными глазами, он одет в элегантный костюм и белую рубашку с

Элиягу Хаким

Элиягу Бейт-Цури

расстёгнутым воротом. Элиягу Бейт-Цури среднего роста, в сером свитере и брюках цвета хаки. У него светло-каштановые волосы и отрешённый взгляд голубовато-зелёных глаз. Он сидит прямо, чуть отклонившись назад, сложив руки на груди. Они относятся к происходящему вокруг с холодным высокомерием”.

Это из заметок корреспондента французского еженедельника. Он описывает ход судебного заседания.

Вот неожиданно встаёт Бейт - Цури и на превосходном арабском языке сообщает, что он и его товарищ будут говорить на иврите. Суд приглашает переводчика. Вслед за тем и Хаким заявляет, что суд не может быть беспристрастным, потому что он находится под властью англичан. Их должен судить международный суд. Судья, конечно, отклоняет это требование.

Судебный процесс приобретает нежелательный политический характер. Он превращается в трибуну, с которой юные подпольщики разоблачают действия английских властей, терроризирующих еврейский народ, в то время как призваны защищать его.

Элиягу Бейт-Цури произносит свою речь на английском языке, ибо переводчик недостаточно владеет ивритом. Он объясняет, что он и его товарищ получили от своей организации указание не наносить вреда никому, кроме Мойна, ни одному английскому солдату, ни одному египтянину.

Эти слова не могут не вызвать симпатию египтян. Они вообще сочувствуют этим мужественным ребятам. Ведь и Египет хочет освободиться от власти англичан.

Бейт-Цури переходит к изложению мотивов покушения, но судья прерывает его. Он предупреждает присутствующих здесь журналистов, что им запрещено записывать речь подсудимых.

И всё-таки речи смелых юношей вышли из зала суда и стали достоянием западных газет. В перерывах и после судебных заседаний журналисты собираются в соседнем кафе и, дополняя друг друга, полностью восстанавливают произнесённое с судебной трибуны.

Оба подсудимых говорят горячо, уверенно, свободно.

Речь Бейт-Цури продолжалась два с половиной часа. “Преступления англичан в моей стране неисчислимы,- говорит он.-Закон против нас. Но он не распространяется на английских оккупантов. Английский жандарм на улице Иерусалима забивает насмерть молодого еврея – это

законно. Другой убивает старика- это тоже законно. Полицейский капитан Мортон врывается в квартиру в Тель-Авиве и несколькими выстрелами из пистолета убивает Яира-Штерна, заведомо зная, что Штерн безоружен. Это было хладнокровное убийство”.

“Возможно,-с иронией говорит юноша,-у себя дома англичане и джентльмены, но в стране Израиля они предстают в отвратительном обличье колонизаторов... Мы боремся за самое главное - за свободу.

Миллионы моих братьев потонули в море слёз и крови. Но английский капитан не поднял их на палубу. Он стоял на мостике и спокойно наблюдал, как тонут сыны моего народа. И если кому-то удавалось ухватиться за борт, он сталкивал их обратно в море, в развёрстую бездну. И мы, те, кто видел всё это, должны были выбирать-покориться или бороться. Наша страна-Эрец Исраэль. Она должна стать свободной и независимой”.

Судья в конце концов не выдерживает и лишает Элиягу слова. Но главное уже сказано.

Слово дают Элиягу Хакиму. Он говорит: “От нас требуют ответа за убийство лорда Мойна, мы же обвиняем его правительство в убийстве сотен и тысяч наших братьев и сестёр, в разорении нашей родины, в грабеже нашего имущества.

По какому закону можно судить это правительство? К кому мы могли обратиться за справедливостью? Эти законы вписаны в наши сердца, и мы были вынуждены стать на их защиту”.

Английская Фемида, несмотря на сотни обращений с просьбой отменить казнь, не пощадила мужественных юных борцов.

Бейт-Цури был одарённым юношей. В университете он показал прекрасные знания в математике, филологии, языках. Элиягу Хаким рос баловнем в состоятельной семье, но он не мог быть равнодушным к судьбе своего народа. В своём дневнике он записал: “750 евреев, спасшихся от нацистов, погибли в море. Кто будет скорбеть о наших братьях? Кто, кроме нас?”

Эти прекрасные мальчики могли бы много пользы принести своей родине, но они послужили ей, как бесстрашные воины, павшие за её свободу.

Черчилль потребовал безжалостного приговора убийцам своего друга.

Газета писала: “Убийцы Моэна встретили смерть спокойно”. Перед тем, как им надели петлю, юноши пели национальный гимн “Атикву”.

В 1975 году останки мужественных юных сынов израильского народа были перезахоронены на горе Герцль в Иерусалиме.

Ещё три бойца. Они были осуждены за несколько месяцев до того, как Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании еврейского государства.

Они стояли на эшафоте и пели, и вместе с ними еврейский гимн пела вся тюрьма Акко.

*Пока бьется сердце в груди у еврея,
К востоку, к востоку наш взор обращён.
Ведет за собой нас заря Иудеи
И светит в пути нам священный Сион.*

Меир Накар

Якоб Вайс

Авшалом Хавив

Меир Феинштейн, Моше Барзани

Им было по 19 лет. Моше Барзани патруль задержал на улице, у него была обнаружена граната. Моше был обвинен в подготовке покушения на генерала Дайвиса и приговорен к смертной казни.

На суде на вопрос, признаёт ли он себя виновным, Моше ответил: “Мы, Члены ЛЕХИ, воюем с вами за освобождение Родины. У вас нет права судить меня”.

Меир Феинштейн участвовал в нападении на английский полицейский участок, во время которого был ранен. С раздробленной рукой он вёл грузовик, наполненный взрывчаткой. Полиция нашла его лежащим без сознания по кровавым следам, которые тянулись вдоль улицы.

Юноши встретились в камере Смертников. Они решили, что не дадут палачам совершить над ними казни. Они сами уйдут из жизни. И вот их час настал.

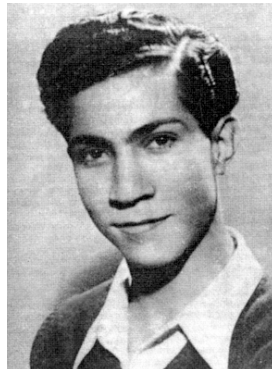
Барзани прижимает взрывчатку к груди левой рукой, а Моше обнимает товарища единственной

правой рукой. Они поджигают фитиль. Раздается взрыв. Тюремщики, ворвавшиеся в камеру, видят на полу бездыханные тела юношей, истекающие кровью. Их героизм поразил мир. Газеты Америки, Англии, Палестины были полны сочувствия трагедии в Акко.

(“Взошедие на Эшафот”)

Меир Феинштейн

Моше Барзани

Казнь Дова и его троих товарищей была совершена в строжайшей тайне, с недостойной поспешностью. Никто не был предупрежден заранее, в тюрьму не пустили раввина. Сестре Дова Хелен, которая специально приехала в Палестину, чтобы попрощаться с братом, даже не сообщили о сроке его казни.

Дов Грунер

Прослуживший пять лет в британской армии и дважды раненный в борьбе с фашизмом Грунер отказался признать за английским союзом право судить его. В письме к командиру ЭЦЕЛЯ (подпольной организации сопротивления) Меахему Бегину Дов писал: “Я клянусь, что если бы мне был предоставлен выбор начать всё сначала, я снова пошел бы тем же путём, не считаясь с возможными последствиями”.

Уинстон Черчилль в английском парламенте заявил: “Мы обязаны считаться с тем, какую внутреннюю силу проявил этот человек, хотя он и преступник”.

В камеру смертников к Дову присоединили ещё троих, совсем юных бойцов сопротивления. Это были Иехиель Дрезнер, Элиэзер Кашани и Мордехай Элхани. До этого их истязали с криками “Хайль Гитлер!” И Это в английском лагере, после разгрома фашизма. На эшафоте все четверо пели еврейский национальный гимн “Ха – Тикву”.

Элиэзер Кашани

Мордехай Элхани

Репрессии англичан усиливались с каждым днём. 100 тысяч английских солдат заволокли Палестину. Постоянно происходили столкновения населения с английской полицией. Англичане стали захватывать суда нелегальных иммигрантов даже в открытом море, любыми способами препятствуя высадке в Палестине.

Когда в апреле 1946 года два парохода с людьми, направлявшимися в Палестину, под давлением англичан были задержаны в итальянском порту, пассажиры объявили голодовку и угрожали потопить пароход. Общественное мнение Италии было на стороне беженцев. Это вынудило итальянские власти разрешить обоим судам сняться с якоря.

В июле 1947 года из Франции в Палестину Менахем Бегин отплыл корабль “Эксокус”. На его борту находилось 4500 пассажиров. Когда судно прибли-

Бегин отвергал клеймо террориста, но он был готов к решительным действиям во имя завоевания земли, данной евреям Богом.

“Бегин был ведущей фигурой в двух событиях, подтолкнувших англичан к уходу”: взрыва в отеле “Царь Давид” и убийства двух английских солдат.

зилося к берегам Палестины, его атаковали британские истребители. Несколько пассажиров было убито. Судно отправили обратно в Европу. Во Франции пассажиров сняла с судна насильственно английская полиция.

В августе мандатные власти объявили, что все нелегальные иммигранты будут направляться в концентрационный лагерь на Кипр.

Таким образом отношения английских властей и ишува, палестинского населения, приобретали всё более напряжённый характер. Взрывы и диверсии сотрясали страну. Англичане упорно не хотели уходить из Палестины. На выступления евреев они отвечали арестами, ссылками в концлагерь, казнями.

Но еврейское население было исполнено гнева и решимости завоевать свободу, завоевать свой угол на земле. Оно боролось наперекор всему.

Во главе еврейского сопротивления стояло несколько организаций. Одной из них руководил Менахем Бегин.

Пол Джонсон пишет: “В этом человеке нашли своё воплощение вся горечь и обездоленность, порождённые холокостом. В его родном городе, Брест-Литовске, евреи составляли 70 % населения. В 1939 году их было свыше тридцати тысяч. В 1944 году в живых осталось 10. Почти вся семья Бегина была убита. Евреям даже запрещалось хоронить своих мёртвых. Отца Менахема застрелили, когда он рыл могилу своему другу на еврейском кладбище. Но сам Бегин оказался специалистом по выживанию и мстителем. Будучи арестован в Литве, он был одним из тех немногих, кто выжил на допросах в сталинских лагерях НКВД. Под конец следователь в ярости бросил: “Чтоб я тебя больше не видел!” Бегин позднее так комментировал эту историю: “Моя вера стояла против его веры. Мне было за что бороться, даже в камере допросов”. Бегина отправили в советский заполярный лагерь вблизи Баренцова моря, где он строил железную дорогу “Котлас-Воркута”. Он и здесь выжил. Попал под амнистию для поляков, прошагал пешком через Среднюю Азию и явился в Иерусалим рядовым членом польской армии. В декабре 1943 года он возглавил Иргун, военную организацию ревизионистского крыла. Через два месяца он объявил войну английским властям”.

Сжатая, но очень наглядная история этого удивительного человека, выдающегося политического и государственного деятеля Израиля,

“одной из самых значительных фигур современной истории Израиля”.

Два события, ведущей фигурой которых был Бегин, подтолкнули англичан к уходу. Оба акта были сопряжены с огромным риском, ибо могли повернуть события совсем в другую сторону. Но Бегин шёл ва-банк.

В ответ на налёт англичан на Еврейское агентство, когда было арестовано 2718 евреев, Бегин, совместно с Хаганой, 26 июля 1946 года взорвал отель “Царь Давид”, где проживала основная часть английской администрации. Имелись жертвы среди англичан, арабов и евреев. Бегин уверял, что было сделано своевременное предупреждение и в гибели людей виноваты англичане.

Британское правительство наконец зашевелилось и предложило план раздела Палестины, который отвергли как арабы, так и евреи.

14 февраля 1947 года Бегин решительно объявил, что передаёт палестинскую проблему на рассмотрение Организации Объединённых Наций, хотя это вовсе не решало вопрос о быстром уходе англичан. В то же время он продолжал кампанию ответного террора.

В апреле 1947 года, когда трое бойцов Иргун были отданы под суд за нападение на крепость Аккра, в результате которого были освобождены 251 заключённый, Бегин предупредил, что если эти трое будут повешены, он ответит возмездием. .

Бойцы Иргуна были казнены, а вслед за тем по приказу Бегина были повешены 2 английских сержанта.

Этот акт убийства по приказу Бегина невинных людей вызвал решительное и гневное осуждение не только в Англии, но и среди евреев Палестины. В Англии произошёл взрыв ненависти и антиеврейские бунты, которых страна не знала с 13-го века.

Это был последний толчок, который побудил английское правительство отказаться от мандата на Палестину. При этом оно рассчитывало, что евреи, не устояв перед арабами, снова запросят у английского правительства заступничества. Английская позиция выглядела таким образом: мы уходим, пусть евреи и арабы сами разберутся, но вы увидите, что там произойдёт без нас.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ МАЖОРНЫЙ АККОРД.

14 февраля 1947 года английский премьер-министр Бевин заявил, что Британия не в состоянии преодолеть затруднения, связанные с противоречивыми интересами обоих народов Палестины, и поэтому передаёт весь комплекс вытекающих отсюда вопросов на рассмотрение ООН.

Теперь судьба евреев зависела от Америки и России.

В начале мая 1947 года была созвана Чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН.

К этому времени в руководстве Америки произошли изменения. В апреле 1945 года умер Франклин Рузвельт. Его помощник Дэвид Налс позднее утверждал: “У меня имеются серьёзные сомнения, что Израиль появился бы на свет, если бы Рузвельт ещё пожил”.

Рузвельт никогда не был решительным сторонником евреев. А в последние недели своей жизни, под влиянием встреч с арабским деятелем, королём Ибн-Саудом, и просто стал противником сионизма. На выборах за Рузвельта проголосовало 92% евреев, и это давало ему уверенность в проведении проарабской политики. Его преемник Гарри Трумен гораздо меньше был уверен в голосах еврейских организаций в ключевых штатах. А выборы приближались. К тому же он искренне жалел палестинских евреев, считая их неудачниками.

Как только англичане отказались от мандата, Трумен принялся проталкивать создание еврейского государства. Впоследствии представитель арабской нефтяной кампании заявил, что Трумен “уничтожил веру арабов в американские идеалы”.

Ни американский госдепартамент, ни английский Форин-офис, ни оба министерства обороны не желали еврейского государства.

Пол Джонсон пишет: “Невозможно указать ни на одну мощную экономическую силу в Британии или США, которая содействовала бы созданию Израиля”. Так что

“НИКАКОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗАГОВОРА ЗА СОЗДАНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (как о том впоследствии без конца трубили Советский Союз и арабские государства) НЕ БЫЛО”.(Пол Джонсон)

Так сложились карты. Один-единственный раз в истории в пользу евреев. И на самое короткое время, на тот небольшой период, когда Сталин несколько ослабил свою антисемитскую политику и даже создал Еврейский антифашистский комитет (который сам же потом и разгромил), надеясь на то, что Израиль станет его форпостом на Ближнем Востоке, ведь значительная часть израильского истеблишмента разделяла социалистические взгляды и мечтала о создании идеального социалистического государства по системе Маркса.

Большое впечатление на сессии ООН произвела речь замминистра иностранных дел СССР Андрея Громыко. “Было бы несправедливо,- сказал он,- не принять во внимание стремление евреев создать своё собственное государство и лишить еврейский народ права осуществить это стремление”.

Благоприятную для евреев позицию заняло несколько стран Западной Европы и в особенности Латинской Америки, которые с благожелательной энергией защищали интересы евреев.

Советский Союз и страны Восточной Европы высказались определённо за создание еврейского государства. США поддержало план раздела Палестины на два государства: арабское и еврейское. Великобритания воздержалась от голосования и заявила, что она намерена в ближайшее время окончательно покинуть Палестину.

Арабы заявили о своём отказе от плана раздела и тем самым отказались от возможности создать палестинское арабское государство.

Таким образом 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов – 33 против 13 - приняла решение о разделе Палестины на 2 государства.

Глава советской делегации Семён Царапкин, ещё до голосования предложил членам Еврейского агентства тост “За будущее еврейское государство”. После голосования советская и американская делегации, по поручению Ассамблеи, вместе разработали график вывода английских войск. Согласно этому графику, английские войска и администрация должны были уйти из Палестины не позднее 1 февраля 1948 года и предоставить в распоряжение евреев порт для принятия иммигрантов.

Как стало ясно впоследствии, точное выполнение графика вывода английских войск из Палестины имело огромное значение для евреев.

В ноябре 1947- го года была принята резолюция о создании

еврейского государства, а уже в январе 1948 года был по указанию Сталина убит глава Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс и начался крутой антисемитский поворот в советской политике.

Произошли изменения и в политическом курсе Америки.

“Холодная война” развеяла послевоенный идеализм и заставила Трумена, под влиянием Пентагона и Госдепартамента, охладеть к еврейскому государству.

К счастью для Израиля, он успеет получить из Чехословакии оружие, что было ранее инициировано Сталиным. Очень скоро “вождь народов” пожалеет об этом своём шаге и повернётся от евреев в сторону арабов, но лучик успеет просить для евреев, когда суда с необходимым вооружением из Чехословакии будут тайно проскакивать мимо английских патрулей.

Арабы угрожали воспрепятствовать разделению Палестины силой оружия.

Англия с самого начала давала понять, что не будет содействовать выполнению рекомендаций ООН. Однако она пошла значительно дальше простого отказа от содействия. Профессор Чикагского университета Джорж Моргентау говорит о Британии: “Она сделала всё, что было в её силах, для того чтобы сорвать выполнение резолюции Генеральной Ассамблеи. С этой целью Великобритания продолжала снабжать оружием арабские страны, одновременно препятствуя ввозу оружия в Палестину... Все эти меры проводились с тем, чтобы поставить арабов в благоприятное положение, ухудшив положение евреев”. “Британское правительство,- продолжает Моргентау,- постаралось сделать переход к новому правлению хаотичным и насильственным, а не упорядоченным и мирным”.

На следующий день после принятия резолюции ООН арабы начали обстреливать еврейские автобусы, нападать на еврейские кварталы. Мандатные власти несколько не препятствовали проникновению в Палестину вооружённых отрядов из соседних арабских стран. Арабы развернули террористическую кампанию с помощью динамита, мин и бомб замедленного действия, от которых погибли десятки мирных людей. Евреи отбивались как могли. Положение было очень серьёзным. Часть страны оказалась отрезанной от центра.

Английские войска противодействовали евреям вопреки элементарным нормам морали. Так, когда арабы атаковали транспорт с

врачами, медсёстрами и научными работниками, который по согласованию с британскими властями направлялся в сторону больницы и Иерусалимского университета, английские военные части, находящиеся в нескольких шагах от места события, не только не пришли на помощь медработникам, но воспрепятствовали отрядам Хаганы защитить их. Вся группа, свыше 70 человек, была убита.

Скучно вооружённые еврейские части, теряя самоотверженных бойцов, теряя лучших своих командиров, сражались с засланными в страну группами из солдат арабских армий, обладавших военно-воздушной и бронетанковой техникой, нацеленной на уничтожение всех еврейских поселений.

Ассам-Паша, из Лиги арабских государств, заявил: “Это будет война на уничтожение, резня, которая для нас чрезвычайно важна”.

Британия, ввергнувшая страну в хаос, надеялась, что евреи, не способные противостоять арабам, запросят о восстановлении британского мандата.

В этот критический момент своё слово сказал Бен-Гурион.

Пол Джонсон считает: “Если толчком к уходу англичан послужила безжалостность Бегина, то существование государства обеспечил Бен-Гурион”

Хаим Герцог пишет: “Бен-Гурион, с его целеустремлённостью, глубиной видения и бесстрашием, стал одной из самых заметных фигур современной еврейской истории. Замечательно и такое его качество, как прагматическое мышление. Старик всегда умел реалистически оценить, какой цели можно добиться, и затем не жалел сил для её достижения. На еврейской истории лежит отпечаток смелых решений, принятых Бен-Гурионом, на разных этапах жизни государства...В течение 65 лет ...Бен-Гурион оставался на переднем крае борьбы...Воплощение отваги и стойкости, он с полным правом занимает почётное место в пантеоне еврейской истории рядом с великими героями прошлого”.

В период, о котором идёт речь, Бен-Гурион принял, повидимому, самое трудное в своей жизни решение. Ещё не кончился британский мандат, ещё Палестина была в руках английского правительства, Бен-Гурион отдал приказ Хагане к наступлению. Это был чрезвычайно рискованный шаг. Целью израильского наступления было соединить разрозненные районы, захваченные арабами, выделенные ООН израильтянам, и закрепиться там.

Замысел Бен-Гуриона удался: в результате невиданного, неравного военного противостояния возникло территориальное ядро еврейского государства.

Вслед за тем Бен-Гурион принимает другой поразительный шаг.

Срок мандата англичан истекал 13 мая. Бен-Гурион принимает решение: не ожидая ни одного дня после ухода англичан, объявить о создании еврейского государства. И это в обстановке тяжёлых боёв полупартизанских плоховооружённых отрядов самообороны с арабами, обладающими артиллерией, танками и авиацией. Многие еврейские руководители возражали против этого шага, учитывая сложную военную и политическую обстановку, но Старик (так любовно называли Бен-Гуриона) был настроен решительно.

Ему удалось убедить своих оппонентов, и 14 мая 1948 года в музее Тель-Авив Бен-Гурион зачитал Декларацию независимости. Она гласила: “Исходя из своего национального и исторического права и опираясь на резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций, мы провозглашаем настоящим образование еврейского государства в Палестине, которое будет известно отныне как Государство Израиль”.

В то время как народ Израиля встретил это величайшее событие огромной радостью, Бен-Гурион записал в своём дневнике: “Я один скорблю на этом празднике”.

По выражению Пола Джонсона, “Израиль умудрился проскочить в узкую историческую щель, открыв-

Давид Бен-Гурион зачитывает Декларацию Независимости Государства Израиль 14 мая 1948 г.

Коренастый человек с лицом драчуна, с большой головой, украшенной знакомой всем седой гривой, твёрдым, ясным голосом прочитал Декларацию Независимости. (Хаим Геруог. “Герои Израиля”)

шуюся на несколько месяцев 1947-48 годов. Это была удача! Или Провидение”.

Президент Трумен немедленно сообщил о признании Израиля де-факто. Сталин тотчас же, спустя три дня, пошёл ещё дальше, признав его де-факто и де-юре. Особенно важно для нового еврейского государства было согласие чехословацкого правительства, в соответствии с указанием Сталина, продавать Израилю оружие. Для этого был даже выделен в Чехословакии специальный аэродром, с которого оружие переправлялось в Палестину.

На следующий день после провозглашения еврейского государства вывод английских войск был завершён и началась вооружённая интервенция против Израиля. Над его небом появились египетские самолёты. Пять арабских стран: Египет, Ливия, Трансиордания, Сирия и Ирак двинули против Израиля современные моторизованные войска, в значительной своей части прошедшие подготовку под руководством английских и нацистских офицеров.

А англичане, даже уйдя из Палестины, с маниакальным упорством продолжали держать закрытыми её порты для еврейских иммигрантов.

Но суда подходили, и мужчины прямо с парохода шли защищать вновь обретённое отечество.

В связи с нашествием египетский министр иностранных дел послал Совету Безопасности телеграмму: “Египетские вооружённые силы начали своё вступление в Палестину в целях восстановления безопасности и порядка”.

Лицемерие этого документа можно сравнить разве что с фальшью гитлеровского утверждения о нападении Германии на Советский Союз с целью самозащиты.

Пять арабских армий с пяти сторон вторглись в пределы Израиля.

Малколм Хэй пишет: “Большинству сторонних наблюдателей казалось несомненным, что армии арабских государств, вооружённые современной военной техникой, моментально сбросят трепещущих евреев в море”.

Конечно, силы были очень и очень неравными. К этому неравенству сил примешивалось антисемитское высокомерие, полагавшее, что “презренное племя никогда не выдержит испытание войной”, как выразился некогда некий английский священник.

Маленькая страна, фактически не имевшая своей армии, оказалась окружённой со всех сторон вооружённым до зубов противником. Против танков и броневиков вышли почти безоружные люди.

В первом коммюнике арабы хвастливо и кровожадно объявили, что через неделю война кончится и евреи будут сброшены в море.

Но евреев вело отчаяние и вера в победу. Арабы не понимали, что происходит. Они были остановлены на всех фронтах.

Ещё вчера евреи праздновали обретение своей родины. Это был мирный, счастливый своей немыслимой, двухтысячелетней победой народ. Он молился, танцевал и пел. Сегодня он стал воином, готовым до конца сражаться со своим врагом. Многие из тех, кто стоял сегодня насмерть, никогда не видел оружия, но не это было главным. Главным было то, что в них воскрес боевой, непреклонный дух их предков, он-то и вёл их с самодельными гранатами на танки и пушки.

Арабы рассчитывали сокрушить их за неделю – на второй месяц они почувствовали, что выдыхаются, и рады были принять условия перемирия, предложенные ООН.

Перемирие было использовано обеими сторонами. Ни одна не намерена была отступить.

Арабы за время перемирия провели новую мобилизацию. Теперь их армии насчитывали 60 тысяч против 20 тысяч у евреев. Они увеличили количество танков и артиллерийских орудий. Они не сомневались в грядущей победе.

Израильтяне за это время по воздушному мосту, получившему название “Чёрный”, потому что полёты совершались ночью, получили из Чехословакии ружья, пулемёты, 75-миллиметровые орудия. Еврейские лётчики, служившие во время войны в английской и американской авиации, вели в Израиль самолёты, купленные где только возможно, заправляя их на тайных базах, оборудованных в разных странах. Тяжёлое вооружение было получено и от французов, которые поставляли его, главным образом, “чтобы насолить англичанам”, как выразился один комментатор.

Месяц, отведенный на перемирие истёк, и арабы двинулись в стремительное наступление, уверенные в своём превосходстве, но их атаки захлебнулись, и наступление превратилось в бегство, когда война перешла на территорию противника.

В октябре израильтяне перешли в наступление. Они пересекли границу Египта и подошли к главной военной базе египтян, захват которой открыл бы им путь на Каир. Но тут вмешалась Англия, пригрозившая Израилю войной, если он не уйдёт за границы Египта, что израильтяне вынуждены были сделать.

Египет запросил перемирия. Его примеру последовали одна за другой арабские страны, воюющие с Израилем. Со всеми, кроме Ирака, были подписаны соглашения. Идти на подписание договора не допускала их ненависть к Израилю, так что формально Израиль до сих пор находится в состоянии войны с этими странами. Только с Египтом впоследствии был подписан так называемый Кэмп-Дэвидский мирный договор. (Впрочем, Египет - не арабская страна, наверно, поэтому с ним оказалось возможным договориться).

Нападение арабов на Израиль в самые начальные дни его существования было первым испытанием, обрушившимся на молодое, неокрепшее государство. Испытанием, которое потребовало исключительной стойкости и доблести от его народа. Особенно в начальный период войны, когда в Дгании, киббуце на южном побережье озера Киннерет, сотня поселенцев, вооружённых несколькими винтовками и самодельными гранатами, остановила танковую атаку арабов.

Малколм Хэй замечает: “Всё висело на волоске. Если бы не отряды почти безоружных людей в Дгании, Гешере, в Мишмар ха-Эмек, в Негбе и десятке других мест, двухтысячелетняя история могла бы завершиться последней расправой”...

Еврейское государство получило всеобщее признание на международной арене. 12 мая 1949 года Израиль был принят в ООН. Вслед за тем 56 государств признали государство Израиль, в том числе и Англия.

Пол Джонсон пишет: “Арабские страны могли позволить себе проиграть много войн, Израиль же не имел права проиграть даже одной. Для Израиля победа не означала мира, но поражение было бы для него катастрофой”...

Со времени этой первой войны народ Израиля не знал ни одного настоящего спокойного дня. Арабский мир, который владеет 99,9 % всей территории на Ближнем Востоке, не желает уступить Израилю принадлежавшую ему по праву даже 0,1 % земли. Хочется повторить слова Джозефа Фарады: “Жадность. Гордыня. Зависть. Алчность”.

Нет покоя для Израиля. Нет мира под его оливами.

Но да живет он и здравствует наперекор всему!!

И пусть свет, который воссиял над еврейским народом после долгой-долгой тёмной ночи, никогда не гаснет!

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Пятикнижие Моисеево или Тора. Под ред. Г. Брановера. Т.1-2. И.,1990
2. Талмуд. Мишна. И., 1990
3. Книга Судей. И., 1972
4. Шинан А. Мир агадической литературы. И.,1990
5. Пол Джонсон. История евреев.М. 2006
6. Феликс Кандель. Очерки времён и событий из истории российских евреев.
7. Ч.1. И., 1988. Ч.2. И.,1990 Ч.3.И.,1994
8. Тёлушкин Йосеф. Еврейский мир. М.,1992
9. Сесиль Рот. История евреев. И., 1978
10. Рут Сэмюэлс. По тропам еврейской истории. Библиотека Алия.1991
11. Малколм Хэй. Кровь брата твоего. Библиотека Алия.1991
12. Евреи. По страницам истории. Минск. 1997
13. Фаст Говард. Евреи.История народа. М. 2002
14. Даймонт М. Евреи, бог и история.Библиотека Алия.1989
15. Фаст Говард. Мои прославленные братья. И., 1975
16. Очерк истории еврейского народа. Под ред. проф. Ш.Эттингера. Кн.1-2, Библиотека Алия. 1979
17. Гече Г. Библейские истории.
18. Штейнзальц А. Библейские образы.И., 1990
19. Реймонд Л. Шейндлин. Летописи еврейского народа.
20. Загадки еврейской истории. Сост. Рафаил Нудельман. Москва-Иерусалим 1990
21. Малкин Давид. Этюды о первых королях. И., 1988
22. Стейнберг М. Основы иудаизма.И., 1981
23. Беленький М.С. О мифологии и философии Библии.
24. Кук А.И.Философия иудаизма. И., 1985
25. Амусин И.Д. Находки у Мёртвого моря.М., 1964
26. Флавий Иосиф. Иудейская война.Минск 1991
27. Леон Фейхтвангер Иудейская война. Собрание сочинений.
28. Вук Г. Это Б-г мой.И., 1989
29. Песах И., 1994
30. Берец О. Необыкновенное путешествие во времена Бар-Кохбы. Таллин,1991
31. Финкельштейн Л. Рабби Акива. И., 1983
32. Донин Х. Быть евреем. Ростов-на –Дону. 1991
33. Ки-Тов Э. Ты и твой дом. Рига, 1990
34. Сертнер С. Царица суббота и её подданные. И., 1978
35. Рейхвальд Фэй. 18 звеньев. Изд. “Тарбут”
36. Взошедшие на эшафот. Обработал Дов Шперлинг. И., 1983
37. Ле Порре Г. Врач из Кордовы. И., 1988
38. Галеви И. Кузари И., 1980

39. Прайсман Л. Дело Дрейфуса. И., 1987
40. Бурцев В.Л. "Протоколы сионских мудрецов- доказанный подлог". М., 1991
41. Теодор Герцль. И., 1988
42. Франк М. Праздник Песах.И., 1991
43. Гроссман О. Еврейская кухня. И., 1990
44. Антисемитизм в Советском Союзе.И., 1979
45. Щаранский Н.Б. Не убоюсь зла. М.,1991
46. Бахрах З. Антисемитизм в Новое время. И., 1975
47. Голда Меир. Моя жизнь. Т.1-2 И., 1984
48. Бабий Яр. К 50-летию трагедии. И., 1991
49. Эренбург И. и др. Чёрная книга.И., 1880
50. Гудрин Ф., Хаккет А. Дневник Анны Франк. М.,1960
51. Хаузнер Г. Шесть миллионов обвиняют. И., 1991.
52. Ш.Мюллер. Слесарная команда Равенсбрюка. М., 1985.
53. А. Гуревич.Поющие "лошади". Рига.1976.
54. Юрис Л. Милая,18 Т.1-2 И. 1989
55. Визель Э. Легенды нашего времени.И., 1982
56. Систематический указатель литературы о евреях на русском языке.Спб.,1892
57. Бар-Зохар. М. Бен-Гурион. Т. 1-2. И., 1994.
58. Жаботинский В. Повесть моих дней.И., 1985
59. Юрис Л. Эксодус. Т. 1-2 И.6 1989.
60. Герцог Хаим. Герои Израиля. Иерусалим-Санкт-Петербург. 1992.
61. Герцог Хаин, Гишон Мордехай. Библейские сражения.
62. Государство Израиль. Т.1-2 И., 1988
63. Домальский И. Русские евреи вчера и сегодня. Библиотека Алия. 1991
64. Берлин И., Евреи Советской России. И. 1975
65. Кривицкий А.Ю. У последней черты. М. 1975.
66. Кон Н. Благословение на геноцид.М.,1960
67. Ренан Эрнест. Жизнь Иисуса. Апостолы.
68. Ленцман Я.М. Происхождение христианства М. 1960.
69. Шолом- Алейхем. Собрание сочинений. М. 1959.
70. Молчанов В.К. Возмездие должно свершиться. М. 1981.
71. Рыбаков Анатолий. Тяжёлый песок. М. 1981
72. Коваль Леонид. Стол. Рига. 1990
73. Маркиш Давид. Шуты. Тель-Авив.1991
74. Девекин В.Н. Антифашистская драматургия Ф.Вольфа. М., 1974.
75. Карманная еврейская энциклопедия. Ростов-на -Дону. 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Авраам	7
Моисей	14
Теория катастроф	20
Тора	29
Еврейские цари.	38
Саул	38
Давид	42
“Михаль – печальная королева”	48
“Всё о Маахе”	51
Соломон	56
Израиль и Иудея.....	63
Израиль	65
Иудея	73
Пророки	77
Амос	78
Исайя	79
Иеремия	81
Под властью Вавилона и Персии	84
Маккавеи.....	90
Хасмонейское царство.....	103
Ирод. Гиллель.....	108
Христианство	113
Иудейская война	129
Симон Бар-Кохба	149
Талмуд.....	156
Под властью ислама.....	163
Кровавая вакханалия средневековья	172
Гетто	184
Эмансипация	188
Антисемитизм	195
Сионизм	202
Путь к национальному очагу	214
Евреи и арабы под властью англичан	219
Холокост и равнодушие	233
Евреи в России	246
Наперекор всему	275
Заключительный мажорный аккорд.....	289
Краткая библиография	297

UDK 94(100) (=411.16)
3-362

Книга в живой, популярной форме обращается к основным периодам и событиям в судьбе еврейского народа, полемизируя с антисемитскими взглядами, напоминает о трагических уроках истории.

ISBN 978-9984-803-02-9

© А. Заславская
Рига, 2008